

ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Коллектив Воронежского паровозоремонтного завода имени Ф. Э. Дзержинского выполнил пятилетний план выпуска валовой продукции за 4 года и 8 месяцев. На снимке: в разборочном цехе, завоевавшем переходящее Красное знамя завода.

Фото С. Тартаковского.

Плакат художника А. Кокорекина (издательство «Искусство»)

На первой странице обложки: картина художника К. Дорохова «ТРУДНАЯ ЗАДАЧА».

На последней странице обложки: «ОСЕНЬЮ». Рисунок художника В. Богаткина.

ОГОНЁК

№ 47 (1224) 19 НОЯБРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Предвыборное собрание рабочих и служащих Московского электрозавода, посвященное выдвижению кандидата в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся. Собрание единодушно выдвинуло товарища И. В. Сталина кандидатом в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся.

Фото Ф. Кислова и А. Устинова

СОЗИДАНИЕ

Весь ход развития нашей Родины является величайшим торжеством бессмертных коммунистических идей, подлинным триумфом партии большевиков, советского общественного и государственного строя.

Мы вступили в тридцать четвертый год существования власти Советов, самой демократической и прогрессивной в истории человечества. И, как никогда, советский строй ныне оказывает большое преобразующее влияние на развитие всей мировой истории. Принципы, провозглашенные в октябре 1917 года, объединяют могучий лагерь социализма и демократии, возглавляемый Советским Союзом. На опыте строительства советского государства, которым руководит партия Ленина — Сталина, строительства, показывающего пример братского сотрудничества наций, народы мира убеждаются в превосходстве социализма над капитализмом, в правоте и жизненной силе марксизма-ленинизма.

Основой всей деятельности советских людей, основой хозяйственной и культурной жизни страны в послевоенный период был пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства, принятый в 1946 году. Послевоенная сталинская пятилетка — это новый славный этап в развитии страны, совершающей переход от социализма к коммунизму.

Почти пять лет тому назад вождь партии большевиков и всего советского народа товарищ И. В. Сталин наметил планы коммунистической партии на ближайшее будущее. Они нашли свое воплощение в первой послевоенной сталинской пятилетке. «Основные задачи нового пятилетнего плана,— говорил тогда товарищ Сталин,— состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах».

Рабочие, крестьяне и интеллигенция восприняли новую сталинскую пятилетку как боевую программу, отвечающую их жизненным интересам. Они не жалели сил и труда для того, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить задания пятилетки.

Партия Ленина — Сталина воспитала в среде рабочего класса и крестьянства неисчислимую плеяду новаторов, двигающих отечественные индустрию и земледелие по пути непрерывного прогресса. Сотни тысяч передовиков-стахановцев трудятся сегодня в цехах промышленных предприятий, на полях и фермах колхозов и совхозов. Они развернули поистине всенародное соревнование за быстрейшее восстановление разрушенного войной хозяйства, за дальнейшее развитие производительных сил страны социализма.

Каждый прожитый год послевоенной пятилетки советские люди успешно выполняли и перевыполняли плановые задания. В соответствии с наметками пятилетнего плана на протяжении 1946 года промышленность СССР в основном завершила послевоенную перестройку. В последнем квартале 1947 года был достигнут среднеквартальный уровень промышленного производства довоенного 1940 года. В следующем году этот уровень был значительно превышен. А в четвертом году пятилетки валовая продукция всей промышленности СССР выросла по сравнению с довоенным уровнем на 41 процент.

Ныне советские люди с полным основанием могут поздравить себя: основные задачи, установленные пятилетним планом, успешно выполнены.

В годы послевоенной сталинской пятилетки вновь во всей широте проявились замечательные качества нашего народа, воспитанные в нем большевистской партией, развернулись творческие силы трудящихся, выросла политическая сознательность и общественная активность советских людей. Руководимые и направляемые коммунистической партией рабочие и работницы, колхозное крестьянство и интеллигенция заботились о выполнении и перевыполнении пятилетки как о родном, кровном деле.

Никогда еще в нашей стране социалистическое соревнование не достигало столь высокого уровня. Участниками соревнования являются более 90 процентов всех рабочих и служащих. Никогда еще у нас не было такого огромного количества новаторов и рационализаторов. Более 450 тысяч изобретений и рационализаторских предложений по улучшению производства внедрено в промышленность только в 1949 году. Никогда еще столь массовым не было и движение стахановцев, новаторов нашей промышленности. На коллективную стахановскую работу перешло сейчас большое количество производственных коллективов. Лишь в автотракторной промышленности звания стахановских удостоены три завода и более ста цехов.

За годы пятилетки последовательно осуществлялось определенное партией большевиков, советским правительством внедрение в больших масштабах новой техники, дальнейшее техническое перевооружение народного хозяйства. Повышался уровень механизации трудоемких и тяжелых работ. Машиностроительная промышленность наладила производство многих современных типов машин и механизмов.

Партия систематически осуществляла определенную товарищем Сталиным задачу — сделать всех рабочих и крестьян культурными и образованными. Повышение квалификации наших кадров, рост культурно-технического уровня рабочего класса явились одним из важных условий, обеспечивающих перевыполнение планового задания роста производительности труда.

С истинным энтузиазмом, с подлинным увлечением советские люди добивались досрочного выполнения показателей, запланированных на конец пятилетки. И они достигли больших успехов. Довоенный уровень по выпуску валовой продукции промышленности превышен за десять месяцев нынешнего года на 70 процентов. Это намного больше уровня, намеченного планом.

Промышленность районов, пострадавших от войны, не только полностью восстановлена, но и значительно расширена на основе новой и более современной техники. Восстановлена и технически перевооружена нефтяная промышленность Майкопа и Грозного. Шахты Донбасса дают ныне угля больше, чем до войны, и больше, чем предусмотрено пятилеткой. По размерам добычи угля СССР вышел на второе место в мире.

Перевыполнены задания пятилетнего плана по развитию черной и цветной металлургии, по добыче нефти и выработке электроэнергии. На уровне, превышающем задания пятилетки, работает транспорт.

Валовой урожай зерновых составит в текущем году 7 миллиардов 600 миллионов пудов и превысит урожай 1940 года на 300 с лишним миллионов пудов.

Партия большевиков, руководящая и направляющая сила Страны Советов, привела нас к этим крупнейшим победам советской экономики. Народное хозяйство СССР находится сейчас в полосе нового величественного подъема. Успехи социалистической экономики позволяют нашему правительству, советскому народу решать все более крупные, все более величественные народнохозяйственные задачи.

Товарищ Сталин учит нас, что при коммунизме народное хозяйство, организованное по плану, будет базироваться на высшей технике как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства. Именно потому партия Ленина — Сталина призывает нас ныне организовать дальнейший, новый подъем советской экономики, еще больше повысить техническую вооруженность всех отраслей хозяйства и добиться еще большего развития производительных сил страны.

Партия учит нас распознавать и всегда поддерживать новое и передовое. Партия воспитывает массы в духе марксизма-ленинизма, учит быть непримиримыми к проникающим в отдельные звенья науки, литературы и искусства влияниям буржуазной идеологии. Полное преодоление пережитков капитализма в сознании наших людей — необходимое условие построения коммунизма.

Наш народ трудится над преобразованием природы. Сооружение полезащитных лесных полос огромного протяжения, грандиозные работы по мелиорации и обводнению засушливых районов — вот путь к постоянным устойчивым урожаям, путь к изобилию продуктов потребления. Такие работы по силам только советскому государству, по плечу лишь народам страны социализма.

Советский народ приступил к сооружению величайших строек коммунизма — Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций на Волге, Главного Туркменского канала Аму-Дарья — Красноводск, Каховской гидроэлектростанции на Днепре, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов. Создается энергетическая база для дальнейшего гигантского развития советской экономики. Новые электростанции дадут электроэнергии в одиннадцать с лишним раз больше того, что до Октябрьской социалистической революции вырабатывали в 1913 году все электростанции царской России. Это энергетическая база развития производительных сил коммунизма.

Партия большевиков направляет энергию масс на осуществление той грандиозной программы экономического развития страны, рассчитанной на три или четыре пятилетки, которую в феврале 1946 года изложил товарищ Сталин. Мы вплотную подходим к решению основной экономической задачи СССР, к созданию необходимых условий построения коммунизма.

Для осуществления сталинской программы дальнейшего развития производительных сил советскому народу нужен длительный и прочный мир. К достижению такого мира направлена вся внешняя политика нашего правительства. Идея мира, равноправия народов и товарищеского сотрудничества стран и наций пронизывает всю деятельность нашей коммунистической партии.

Человечеству известны многочисленные усилия и практические шаги нашего государства, направленные к укреплению дела мира и сотрудничества народов. Все советские люди поддерживают мирную политику своего правительства. Наш народ — искренний поборник мира. Миролюбие рабочих, крестьян и интеллигенции СССР широко известно. Наш народ в первых рядах людей доброй воли, сторонников мира, борющихся против подготовляемой англо-американскими империалистами новой войны.

Мы уверены в торжестве нашего правого дела. Мы уверены в том, что народы, отстаивающие мир, сорвут дьявольские планы поджигателей войны. Мир должен восторжествовать, и он восторжествует. Гарантия этого — рост числа сторонников мира. Полмиллиарда людей различных политических и религиозных убеждений подписали осуждающее поджигателей войны Стокгольмское Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

Советские люди настойчиво борются за мир и коммунизм. Они самоотверженно трудятся, каждый на своем посту, укрепляя цитадель мира — свое отечество. Они уверенно идут за своей славной коммунистической партией по пути Ленина — Сталина, по пути к светлому коммунистическому будущему. Трудящиеся СССР тесно сплочены вокруг своей партии, ее Центрального Комитета, вокруг вождя и учителя трудящихся великого Сталина.

К победе мира, к торжеству коммунизма ведет нас партия большевиков. Советский народ уверен в грядущей победе: он знает, что мудрое, прозорливое руководство товарища Сталина обеспечит эту победу.

Исполнение желаний

Правый берег Волги. Здесь будет строиться плотина Сталинградской гидроэлектростанции.

(Волжские встречи)

Александр РОЗЕН

Фото А. Маклецова (ТАСС) и С. Курунина.

Влажной тропкой мы спускаемся вниз по крутому склону к Волге. Здесь, на правом берегу, расположен поселок, в котором живут работники изыскательской экспедиции Гидропроекта и где в скором времени вырастет городок строителей Сталинградской гидроэлектрической станции.

Панов, худощавый, подвижной, первым прыгает на катер. Нам нужно пересечь реку и выйти к острову Песчаному. Там геологи и гидрогеологи ведут свою сложную работу.

Панов — главный геолог изыскательской экспедиции. Он пришел сюда недавно, после решения правительства о строительстве Сталинградской ГЭС. Обычно к новому человеку отношение первое время настороженное. С Пановым этого не произошло.

Говорят, что геологи с первого взгляда видят, что за человек пришел. Если он долгое время работал в полевых условиях, то появилась у него особая, «цепкая» походка, «ястребиный» взгляд, загар, который держится круглый год — особенный «экспедиционный» цвет кожи.

Эти внешние признаки, которыми в полной мере наделен Панов, говорят о многом.

Много лет тому назад Юрий Иванович уехал из Москвы. Донбасс. Владимир. Иркутск. Беломорско-Балтийский канал. Кузбасс. Восточная Сибирь. Крайний Север. Сталинград...

И так же, как советский офицер, приходя в новую воинскую часть, обычно находит однополчан, с которыми вместе под шквальным вражеским огнем переправлялся через Днепр, с которыми вместе штурмовал Берлин, так и изыскатель находит старых друзей, с которыми вместе работал, скажем, на берегах Ангары. Великолепный мост перекинулся через буйную реку, соединив обе стороны Иркутска, но изыскатели уже далеко от этих мест. В пустыне развернули они свои походные палатки.

Каналы и электростанции, мосты и многоэтажные дома — ни одно строительство не может быть начато без предварительных изысканий. Первым всегда приходит инженер-геолог. Подвергая грунты тщательному научному анализу, он дает свое заключение. Только на основе всестороннего изучения геологического строения района возможна плодотворная работа проектировщиков. Но и после утверждения предварительных изысканий работа инженера-геолога не заканчивается. Изыскатель до тех пор не уходит со строительной площадки, пока не даст все данные для рабочего проектирования.

Негромко стуча моторчиком, наш катер режет крупную волжскую волну. Юрий Иванович углубился в разговор с геологом Лодочниковым. Два хозяйственника спорят о том, как лучше организовать общественное питание на острове Песчаном. Пожилой рабочий молча следит за узкой бороздкой воды, которую тянет за собой наш катер.

— Иду по тому месту, где плотина встанет, — тихо говорит мне механик катера.

Катерок причалил к острову, и главный геолог первым выскочил на низкий песчаный берег.

Панов почти сразу исчез из виду. Когда мы снова встретились с ним, он сидел на корточках возле буровой скважины, внимательно рассматривая только что добытый образец породы.

Вокруг Панова, тоже на корточках, сидели Лодочников, буровой мастер и еще один, незнакомый мне инженер. Выражение лиц у всех у них было напряженное.

Панов длинными, тонкими пальцами, похожими на пальцы хирурга, дотронулся до образца и расщепил черную массу песка.

Выслушав объяснение геологов и бурового мастера, Юрий Иванович одобрительно кивнул головой:

— Все это так. Но мне необходимо увидеть выбуренный столбик породы на всей глубине. Продолжайте работу. Образец залить парафином и немедленно в лабораторию.

Гремит лебедка. Бур уходит в землю на большую глубину. Панов направляется к новой скважине.

— Почему не ладится с откачкой воды? — издали слышится его голос.

На острове Песчаном и на волжских берегах ведутся буровые работы в большом объеме. Всесторонняя механизация, тракторный парк и разнообразные транспортные средства, вплоть до самолета, позволяют вести работы ускоренным темпом.

За научное обоснование каждого вывода отвечает главный геолог. Работа его не терпит штампа. Вдумчиво относиться к каждому образцу, только что добытому на поверхность земли,— вот чему изо дня в день учит людей главный геолог.

Есть еще одно обстоятельство, которое по-

Старший инженер-геолог В. В. Лодочников и главный геолог Ю. И. Панов (справа) у одной из буровых скважин.

Е. В. Симонов (слева) знакомит группу работников изыскательской экспедиции с техникой производства микроанализов в грунтах.

зволило Панову так быстро войти в жизнь коллектива. Изыскатели знали, что Юрий Иванович считает для себя большой честью работать в экспедиции Гидропроекта на величественной сталинградской стройке. И это желание его сбылось.

* * *

Примерно в те дни, когда Юрий Панов приступил к первой своей самостоятельной работе, в одной из шахт Московского метро появился человек, внешний вид которого сразу обратил на себя внимание строителей. На нем были добротное коверкотовое пальто и мягкая шляпа с широкими полями — костюм несколько необычный для подземных работ. Человек подошел к одному из строителей и, приподняв шляпу, спросил:

— Простите, пожалуйста, где могу я повидать начальника участка?

Строитель не успел ответить, как подошел начальник участка:

— Здравствуйте, товарищ Симонов. Слышал о вас и рад вас видеть. Я в вашем распоряжении.

— Вы меня не совсем поняли, — смутился вновь прибывший. — Это я надеюсь быть в вашем распоряжении.

— Ну, в этом мы успеем разобраться, — весело сказал начальник участка. — Прежде всего надо подумать о вашем костюме. Вам, вероятно, никогда еще не приходилось работать под землей?

— Признаюсь...

В то время, о котором идет речь, то есть в начале тридцатых годов, Евгений Владимирович Симонов читал лекции в одном московском институте. Студенты любили своего преподавателя. Профессора пророчили Симонову незаурядную будущность. Но с некоторых пор институтские стены стали казаться тесными Евгению Владимировичу. И параллельно своей преподавательской деятельности он начал работать над научными вопросами, имевшими непосредственное значение для строительства метро.

В шахте метро обнаружились изобретательские способности Евгения Владимировича Симонова. Жизнь, практика помогли ему сконструировать приборы для определения водопроницаемости пород в полевых и лабораторных условиях.

Но работа для Метростроя была только началом. В дальнейшем Евгений Владимирович всегда совмещал научную работу и практическую деятельность. Вернее сказать, он перестал теперь разделять эти две стороны своей творческой жизни.

Двенадцать авторских свидетельств на изобретения получил за эти годы Симонов. Гидрогеологам хорошо известны «водонос Симонова», «дисковый уровнемер»...

Вот и здесь, на острове Песчаном, на том месте, где поднимется Сталинградская ГЭС, установлены в помощь изыскателям приборы Симонова для определения уровня грунтовых вод. Еще издали заметны диски, похожие на мишени.

То и дело поглядывая на уровнемер, работает молодой паренек, моторист Ваня Афеев. В ста метрах от него, возле буровой вышки, собралось человек восемь. Это буровики в брезентовых плащах и резиновых сапогах, две девушки с записными книжками в руках, видимо, практикантки. Среди них выделяется фигура человека в пальто и шляпе. Знакомый как будто человек...

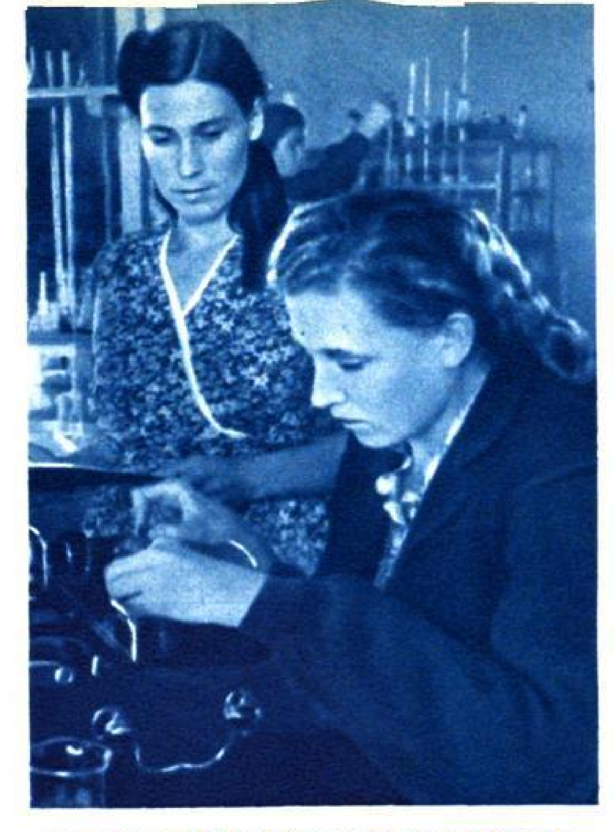
Ваня Афеев удивленно пожимает плечами:

— Разве не признали? Это же товарищ Симонов. Изобретатель. — И Афеев для моего вразумления постучал по диску уровнемера конструкции Евгения Владимировича.

На острове Песчаном кандидат технических наук Симонов испытывает новый метод определения водопроницаемости пород, условно названный им «методом микроналива».

Разумеется, эти испытания можно было провести в Научно-исследовательском институте гидрогеологии и инженерной геологии, сотрудником которого является Евгений Владимирович.

Симонов приехал сюда не только для того, чтобы испытать новый свой метод, но и для того, чтобы внедрить его, практически помочь строительству. Этот метод экономичен. Он позволяет определять водопроницаемость пород

Инженер-химик Нина Сизоненко (справа) и старший техник-химик Лидия Мохова в химической лаборатории.

с меньшими затратами рабочей силы и в значительно более короткий срок.

Подходит Панов, и Симонов обращается к нему:

— Разрешите доложить, Юрий Иванович, результаты нашей работы. — Он передает главному геологу тетрадь, испещренную цифрами. Лицо его вдруг становится робким, как у автора, который принес в редакцию свою первую рукопись. — Разумеется, это — только начало...

— Долго еще останетесь у нас, Евгений Владимирович? — спрашивает Панов.

— Так вопрос не стоит. Буду здесь столько, сколько нужно. В сущности говоря... В сущности говоря, моя работа здесь — это исполнение моих желаний.

* * *

Машина остановилась возле одноэтажного домика.

— Станция «Вылезай-ка», — весело сказал водитель и помог своей пассажирке, молодой девушке лет двадцати трех, выйти из машины. — Вот ваш чемодан. Справитесь сами?

— Да, да, конечно, — сказала девушка. — Я сама...

Водитель с сомнением посмотрел на ее тоненькую фигурку. Сев в кабину, резюмировал свое мнение:

— Вид довольно усталый. Не мешает отдохнуть с дороги.

Девушка покачала головой. Усталый вид? Но она совершенно не чувствует себя усталой. Просто за последние дни было слишком много впечатлений. Всего неделя прошла с того дня, как Нина Сизоненко, окончив химический факультет Харьковского университета, получила направление в изыскательскую экспедицию Гидропроекта, и всего лишь несколько часов, как она в Сталинграде.

Удивительное чувство охватывает человека, впервые приезжающего в Сталинград. Здесь каждая улица и каждый дом напоминают о прошлом и одновременно с большой силой говорят о будущем. И в этом прошлом и в этом будущем города-героя ты обязательно находишь частичку своего, личного.

Мысленно ты бывал здесь не раз. В самые трудные минуты жизни ты давал клятву сражаться так, как сражаются сталинградцы. А когда пришел час победы и ты вернулся к мирному труду, образ Сталинграда, встающего из пепла, снова помог тебе в жизни.

Машина шла в поселок. Танковые башни на постаментах, отмечая линию фронта, то удалялись к Волге, то уходили к степи. Новые великолепные дома, мощные заводы стоят сейчас на этой линии.

Строительная площадка Сталинградгидростроя. Будущее Сталинграда и будущее Нины Сизоненко.

Когда Нина Сизоненко получила направление в химическую группу лаборатории и старший инженер объяснил ей ее обязанности, она удивленно подняла брови:

— Это — всё?

Ей казалось, что от нее требуют обидно мало. Придти сюда, в экспедицию Гидропроекта, и... заниматься анализом грунтовых вод!

— Да, это — всё, — спокойно сказал главный инженер. — Но если вы представите себе, сколь многое зависит от каждого вашего анализа, какая ответственность заложена в каждой цифре, вы поймете, что требуем мы от вас очень многое.

Лаборатория — одно из самых интересных учреждений изыскательской экспедиции. Основная ее задача — дать исчерпывающую характеристику того основания, на котором строители возведут плотину. Здесь испытываются механические, физические и химические свойства грунтов.

Образцы пород поступают в лабораторию, залитые в парафин. Каждый образец подвергается испытанию на сдвиг, то есть на сопротивление горизонтальным усилиям, и на сжимаемость, то есть на сопротивление вертикальным нагрузкам. Тщательно исследуются физические свойства доставленных с поля образцов: объемный вес, влажность, пластичность, фильтрационная способность. Химическая группа исследует химический состав грунтовых вод и особенно агрессивность воды, ее будущее воздействие на бетон сооружения.

Очень скоро поняла Сизоненко: не малого, а многого потребовали здесь от нее. Каждый новый ее анализ дает строителям ценнейшие сведения о тех силах, с которыми еще предстоит борьба. А ведь только зная силы противника, можно довести борьбу до победы.

Об этом написал Нине ее университетский преподаватель Владимир Николаевич Толмачев. Он интересуется жизнью своей бывшей студентки. Спрашивает, в каких книгах она нуждается. «Обязательно напишите об этом. Вышлю немедленно».

* * *

Почтальон появился в управлении Сталинградгидростроя. Сумка его переполнена до отказа. С разных концов Советского Союза люди разных специальностей предлагают свою помощь строительству. Кандидат географических наук Сергей Васильевич Сафонов из Полтавы, плотник Иван Носель из Ворошиловска, инженер Мягков из Витебска...

Поток писем огромен. Водолаз из города Горького Каела просит дать ему возможность организовать специальную службу на строительстве. Зубной врач Васильева называет свою профессию «более чем скромной», но напоминает, что и без нее не обойтись. Прораб Синтюрин сообщает, что он окончил курсы подготовки техников на «хорошо», и прилагает к письму соответствующее свидетельство. Шофер из села Вильна, Винницкой области, пишет, что «если нужно, то я еще соберу человек десять шоферов».

От гидротехника Углового: «Прошу принять в ряды вашего строительства». Сказано коротко, но совершенно ясно.

А инженер Елкин подписался под своим заявлением: «Ваш Елкин». Эта дружеская подпись под официальным заявлением о приеме на работу никого здесь не удивила: товарищ Елкин—участник героической обороны Сталинграда, и быть активным строителем Сталинградской ГЭС — его мечта.

«Я думаю, что моя мечта сбудется, ибо все мечты сбываются в стране социализма — в СССР, — пишет учительница Нина Георгиевна Бакарина из Барнаула. — Хочу обучать детей строителей».

Трудно судить о людях по коротким их заявлениям Так ли опытен в своем деле инженер Мягков, как главный геолог экспедиции Юрий Иванович Панов, или он сверстник Нины Сизоненко? Быть может, участвовал в строительстве Днепрогэса гидротехник товарищ Угловой? Какую жизненную школу прошел географ Сафонов?

Но равно для них всех историческое постановление советского правительства о строительстве Сталинградской гидроэлектростанции является исполнением желаний.

Новые люди, посланцы советского народа, приходят в Сталинград. Новые люди. Старые друзья.

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ БОРЕЦ ЗА КОММУНИЗМ

К 75-летию со дня рождения М. И. Калинина

75 лет назад, 20 ноября 1875 года, родился Михаил Иванович Калинин.

Сын тверского крестьянина, рабочий-металлист, М. И. Калинин с юношеских лет посвятил себя революционной борьбе за дело трудящихся, за победу коммунизма. Рука об руку с Лениным и Сталиным он строил великую партию большевиков, сплачивал силы рабочего класса и трудящегося крестьянства для победы Великой Октябрьской социалистической революции, был одним из активнейших строителей и виднейших руководителей первого в мире Советского государства.

Сквозь мрак царских тюремных застенков, через ссылки и десятилетия самоотверженной борьбы в условиях свирепой реакции пронес товарищ Калинин беззаветную преданность делу рабочего класса, большевистской партии.

«Вся история моей жизни, а по существу и вся история рабочего класса,— говорил товарищ Калинин,— заключается в том, что мы жили и боролись под руководством Ленина, Сталина».

Биография Михаила Ивановича Калинина, славного сына русского народа,— олицетворение истории нашей партии, истории создания первого в мире Советского государства. Жизнь М. И. Калинина, его революционная, партийная, государственная деятельность являются ярким выражением творческих сил нашего народа, выдвигающего из своей среды такие могучие таланты.

Тысячами нитей Михаил Иванович был связан с народными массами. Он знал и понимал их сокровенные мысли и чаяния и всегда был на передовых позициях борьбы за интересы трудящихся.

Михаил Иванович не раз повторял, что нет ничего выше радости служения народу, нет ничего богаче жизни, отданной борьбе за осуществление коммунистических идеалов.

«Коммунизм обогатил, наполнил глубоким содержанием жизнь и борьбу рабочего класса,— говорил товарищ Калинин. — Вот когда про меня говорят: человек прошел тяжелый жизненный путь,— не нравится это мне, по совести скажу. Если человек усвоил коммунистическое мировоззрение, то оно наполняет его жизнь таким богатым содержанием, что эта жизнь не кажется тяжелой, а кажется богатой и, главное,— сам чувствуешь, что она бесконечно хороша даже в самые трудные моменты».

В 1919 году по предложению Владимира Ильича Ленина товарищ Калинин был избран председателем Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов. В 1922 году он избирается председателем ЦИК СССР, а в 1938 году — председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Двадцать семь лет Михаил Иванович бессменно и самоотверженно работал на посту руководителя верховного органа государственной власти нашей страны, отдавая все силы укреплению социалистического государства, упрочению союза рабочих, крестьян и интеллигенции и дружбы народов Советского Союза. Вооруженный всепобеждающим оружием — марксистско-ленинским учением, товарищ Калинин глубоко вникал в самые разнообразные области народного хозяйства, экономики, науки, культуры и был пламенным пропагандистом учения Ленина — Сталина. Статьи и речи товарища Калинина по вопросам партийного и государственного строительства являются неоценимым вкладом в партийную литературу.

Велики заслуги М. И. Калинина в деле коммунистического воспитания советского народа. Он часто выступал на предприятиях, в колхозах, перед партийными работниками, комсомольцами, перед агитаторами, учителями и школьниками. Он умел и любил говорить с народом.

В своих статьях и выступлениях Михаил Иванович Калинин раскрывал сущность коммунистического воспитания, показывал, почему оно стало одной из основных задач большевистской партии и Советского государства в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Главное нравственное качество советских людей, говорил М. И. Калинин, заключается в их высокой идейности и беззаветной преданности делу партии Ленина — Сталина. Жить большой, идейной жизнью в настоящее время — это значит жить общественными интересами советского народа, социалистической Родины.

Великий патриот социалистической Родины, М. И. Калинин неустанно воспитывал в народе чувство советского патриотизма. «Мы должны,— говорил он,— воспитать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей родине. Я говорю не об отвлеченной, не о платонической любви, а о любви напористой, активной, страстной, неукротимой, о такой любви, которая не знает никакой пощады к врагам, которая не остановится ни перед какими жертвами во имя родины».

Интересы Родины, партии были для М. И. Калинина превыше всего. В годы Великой Отечественной войны, будучи тяжело больным, Михаил Иванович, не щадя себя, отдавал все свои силы для победы над врагом. В эти трудные годы своим пламенным патриотическим словом он вселял веру в правое дело нашей борьбы с фашизмом, в неизбежную победу над гитлеровскими захватчиками, воодушевлял советских воинов и тружеников в тылу на героические подвиги во имя чести и свободы нашей социалистической Отчизны.

Михаил Иванович Калинин разделил с народом радость победы над темными силами фашизма. Он видел торжество великого дела, которому отдал всю свою жизнь.

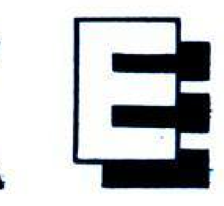
Жизнь Михаила Ивановича Калинина — пример беззаветного служения и преданности Родине. Товарищ Сталин и его соратники писали в день смерти М. И. Калинина: «Деятельность товарища Михаила Ивановича Калинина всегда будет являться образцом государственной мудрости и неразрывной связи с народом, примером героического служения делу коммунизма».

Советские люди навсегда сохранят в своих сердцах светлый образ Михаила Ивановича Калинина — великого революционера и строителя социалистического государства, государственного деятеля ленинско-сталинского типа, сердечного, родного широчайшим массам трудящихся и непримиримого к врагам партии и народа. Память о его неутомимой борьбе за свободу и счастье народов нашей страны, за процветание социалистической Родины не померкнет в поколениях и будет вдохновлять их на самоотверженный труд во имя победы коммунизма.

Михаил Иванович КАЛИНИН.

ДВИЖЕНИЕ

А. АБРАМЕНКОВ

Фото Ал. Бычкова

Перед обеденным перерывом в цех шасси пришел мастер с главного конвейера. Увидев Бусыгина, он сердито крикнул:

— Герасим Харитонович, ты человек партийный!.. Как же можно терпеть такую работу? Опять сборку срываете. Неужто у вас чести-совести нет?

Герасим Харитонович Бусыгин, мастер участка пролета «передняя ось», достает носовой платок и молча отирает сразу вспотевший лоб. Ему нечего возразить. Сегодня с утра работа в пролете идет с большими перебоями, и на главный конвейер давать сейчас нечего.

Мастер с конвейера еще что-то говорит, но промчавшийся со звоном автокар заглушает слова, и видно только, как сердито щетинятся седые усы старика.

Это не ново, что со сборки в цех шасси прибегают люди и требуют деталей. И каждый раз Герасим Харитонович переживает жгучее чувство стыда. А сейчас ему не только стыдно — внутри поднимается и раздражение. Ведь напоминал он начальнику пролета, что надо дать заявку на заготовки.

Бусыгин смотрит по сторонам, но начальника в пролете не видно. Тогда он кивком головы зовет мастера и направляется в комнату партийного бюро.

Петр Михайлович Хохлов, секретарь цеховой партийной организации, склонившись над столом, что-то пишет. Он искоса взглядывает на вошедших. Расстроенное лицо Бусыгина и угрюмая настороженность мастера с конвейера говорят ему, что случилось неприятное. Отложив карандаш, Хохлов стучит в дощатую перегородку, отделяющую его от начальника цеха Двосина. За стеной никто не откликается.

— Придется без него поговорить. Что, товарищ Бусыгин, опять главный конвейер подводим?

— Петр Михайлович,— не отвечая на вопрос, начинает Бусыгин,— вот мастер спрашивает, как мы можем терпеть такую работу. Ответь ему ты...

Они долго беседовали, и когда мастер ушел, Бусыгин достал из кармана папироску и помял ее в пальцах. Потом взглянул на Хохлова:

— Ты не сердись, Михалыч, что привел к тебе старика. Сам видишь: людей поднимать надо. Завод темпы наращивает, а мы, как гиря, тянем вниз... Собери коммунистов.

Хохлов не ответил. Хмурясь, смотрел он в окно. На дворе сеял мелкий, похожий на туман дождь. Между цехами сновали автокары, груженные ящиками, шли с конвейера в обкатку грузовики. Да, Герасим Харитонович прав. Завод живет полной жизнью, а цех шасси, как больной палец на руке,— все с ним неловко...

Петр Михайлович приехал на завод два года назад, после длительного лечения в госпитале, и сразу пошел в цех. Терпкий запах металлической окалины и машинного масла заставил его остановиться у входа. Он снял фуражку, уже без звездочки, и глубоко вдохнул этот родной запах. Сколько раз он вспоминал этот запах в те годы, когда был оторван войной от привычного дела! Он ощущал его, когда чистил винтовку, когда заходил в оружейную мастерскую, когда брал в руки новый автомат, полученный со склада. Припадая на протез, Хохлов шел по цеху, и спазма сжимала ему горло.

Его назначили помощником начальника цеха по кадрам. Всегда спокойный и собранный, он разговаривал с людьми, желавшими поступить на работу в цех, как, бывало, разговаривал с бойцами своей части: смотря им прямо в лицо серыми добрыми глазами. Такой взгляд всегда располагает к доверию; и незнакомые люди незаметно для себя рассказывали Хохлову — и там, в минуты затишья на переднем крае, и здесь, в цехе,— самое сокровенное, что доверяется только близкому человеку, да и то в самые душевные минуты.

Тогда было проще, чем сейчас: оформляй на работу людей, организуй для них техминимум. Хохлов уже привык было к узкому кругу своих обязанностей. А теперь, когда он стал секретарем цеховой партийной организации, появилось столько забот, что не сразу определишь, какая важнее.

Хохлов принял дела от прежнего секретаря, когда цех находился в глубоком прорыве: производственная программа систематически не выполнялась. Он много думал о том, с чего ему начать. Опыта партийной работы на заводе у него не было, пойти посоветоваться в партком он почему-то постеснялся. Он решил, что надо сначала добиться бесперебойной работы в пролетах. И не заметил, как повседневные мелкие заботы о производстве захлестнули его. Подменяя начальника цеха, он звонил в материальный склад, когда задерживалась подача заготовок, шел к главному механику и требовал ускорить монтаж новых станков, торопил технологов с разработкой технологии сборки узлов, вызывал к себе мастеров и распекал их за невыполнение программы на участках.

В этой суетне отошла на задний план партийная работа. У него все не доходили руки до того, чтобы проверить, как работают коммунисты в пролетах, не хватало времени заняться как следует организацией марксистско-ленинского просвещения и партийно-политической работы в цехе.

Конечно, он допустил ошибку. Он забыл, что нельзя отрывать хозяйственную работу от политической, и теперь видно, что работал неправильно и почти ничего не добился — цех все не выходит из прорыва. Надо исправлять ошибку.

Герасим Харитонович все разминал папироску и поглядывал на Хохлова. Как-то он примет его слова? Не очень-то любил советоваться старый секретарь. И этот сейчас скажет: «В советах не нуждаюсь!..»

Бусыгин поднялся. Но Хохлов тоже встал из-за стола и сказал:

— Спасибо, Герасим Харитонович. Коммунистов обязательно соберем... А сейчас пройдем к вам в пролет.

Начальник пролета «передняя ось» уже знал, что у секретаря был мастер с конвейера, и спешил оправдаться:

— Я свое дело сделал, Петр Михайлович. Еще вчера заявку на заготовки подал.

— И на этом успокоился?

Иван Евтефеевич Потеряев стоял у станка и широко улыбался: «Выходит, Петр Михайлович!»

— А что я еще могу поделать? Не только в нашем пролете срывы.

Хохлов с удивлением посмотрел на него:

— Как это «что могу поделать»? Ведь ты коммунист! С неполадками примирился?

Начальник пролета смутился:

— Нам бы только заготовки давали, Петр Михайлович. Заготовки держат...

* * *

В тот же день после смены Хохлов собрал коммунистов и рассказал им о задержке главного конвейера по вине пролета «передняя ось». Собрание протекало бурно. Всем было горько слушать постоянные упреки по адресу цеха шасси, и нынешний случай оказался последней каплей. Первым слово попросил Алексей Никитович Федосеев, мастер пролета «рулевое управление». Его худое, с запавшими щеками лицо, казалось, еще больше осунулось, и, говоря, он то расстегивал, то застегивал пуговицу пиджака.

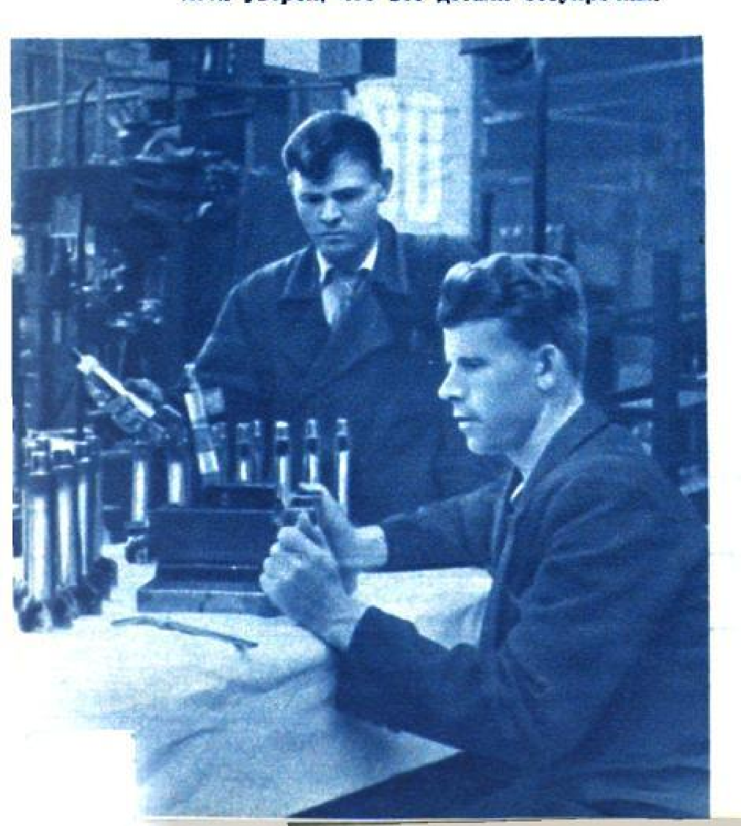
— «Что же я могу поделать», сказал секретарю начальник пролета «передняя ось»,— начал он.— Плохо сказал. Недостойны коммуниста эти слова. И не один он так говорит. В нашем пролете тоже такое услышишь. А что говорят у нас, так в этом и ты, Петр Михайлович, виноват. Коммунисты работают неплохо, но каждый за себя, как узкие производственники. А ведь коммунист — политический человек, он должен и личным примером и словом большевистским остальных за собой вести. Не интересовался ты этим, товарищ Хохлов, а коммунисты в пролетах опоры и направления не имеют. Партийные группы там нужны.

Собрание поддержало предложение Федосеева. Партийная организация за последнее время выросла: в цехе свыше пятидесяти коммунистов. Настало время, чтобы в каждом пролете было партийное ядро.

— Дело не только в заготовках,— говорил Бусыгин.— Доставку заготовок можно быстро наладить, это — твое дело, товарищ Двосин. А вот людей когда наладим? Видали сегодня в цеху «молнию»? «Станочница Снеговая выполнила норму на 200 процентов. Следуйте примеру Снеговой». «Молния» хорошая, а кто ей следует? Написать «молнию» — мало. Надо научить людей работать, как Екатерина Ивановна Снеговая. Или еще: бригада Марины Тарасовой отказалась от пусковых норм и перешла на нормы Горьковского автозавода. Где у нас еще такие бригады? Нет их. Не учим мы людей стахановскому труду, а это наша забота, партийная.

Хохлов слушал выступления коммунистов, и их суровые, правдивые слова кололи и одно-

Мастер пролета «рулевое управление» А. Н. Федосеев (стоит слева) внимательно следит за работой старшего контролера ОТК А. А. Мальцева, хотя уверен, что все детали безупречны.

временно воодушевляли. Партия поставила его во главе коммунистов цеха, он должен был вести их, а оказался где-то позади. Заслуженный урок давали ему товарищи!

...С того дня Хохлов большую часть времени проводил в пролетах. Он собирал коммунистов, формировал партийные группы, беседовал с агитаторами, вникал в тонкости производства, технологии, нормирования. Члены партбюро и партгрупорги рассказывали в бригадах о решении партийного собрания добиться досрочного выполнения квартальной программы цеха, помогали профоргам организовать социалистическое соревнование и стахановские школы в пролетах.

Приближалось начало учебного года. Хохлов и члены партбюро организовывали политшколы, кружки по изучению истории ВКП(б), группы политического самообразования. Хохлов видел, с каким большим желанием люди тянутся к учебе. К нему каждый день приходили станочники, мастера, бригадиры и просили включить их в кружки.

Забот прибавилось, но теперь Хохлов стал видеть работу всего коллектива цеха, и времени у него хватало и для того, чтобы помогать партгрупоргам, и бывать на занятиях политшкол, и руководить агитколлективом, и помогать советом начальнику цеха.

Свежее дуновение прошло по цеху и всколыхнуло людей. Увереннее стали чувствовать себя начальники пролетов и мастера, нетерпимее стал относиться коллектив к неполадкам и срывам в работе. И уже все чаще повторялись дни, когда цех работал без перебоев. Все это радовало Хохлова, и он чувствовал, что теперь парторганизация стала на верный путь.

Комсомольцы выпустили цеховой «Крокодил», посвятив его «героям» фразы «Что же я могу поделать?» В обеденный перерыв все от души смеялись, рассматривая карикатуры и узнавая в них знакомые лица. Один из них пришел к начальнику цеха Двосину с требованием снять стенную газету:

— Это подрывает мой авторитет как начальника пролета. К чему тогда единоначалие?

На очередной оперативке Двосин, отдав необходимые распоряжения, попросил начальников пролетов задержаться и достал из стола темновишневый томик, который принес ему утром Хохлов.

— Кое-кто в цеху обиделся на комсомольцев за то, что их высмеяли в «Крокодиле». Напрасно. Критика справедливая и заслуженная. Послушайте, что пишет товарищ Сталин.— Он открыл заложенную листком календаря страницу: — «Социалистическое соревнование нельзя рассматривать, как канцелярское дело. Социалистическое соревнование есть выражение деловой революционной самокритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся. Всякий, кто стесняет, сознательно или бессознательно, эту самокритику и эту творческую инициативу масс, должен быть отброшен прочь с дороги, как тормоз нашего великого дела». Эти слова товарища Сталина мы напишем большими буквами и вывесим в цехе на видном месте...

* * *

Хохлов вернулся из цеха и стал просматривать свой блокнот. Надо было подготовиться к открытому партийному собранию. Хохлов потирает ноющее колено выше протеза и улыбается. Сегодня знаменательный день: до конца квартала осталась неделя, а программа уже выполнена. Три месяца цех работает без перебоев. Это результат массовой политической работы, которую провела партийная организация. В блокноте эти три месяца уместились на нескольких страничках, а если рассказывать, то не хватит и нескольких часов.

Однажды утром он вышел в цех, намереваясь посоветоваться с членом партбюро Константином Петровичем Жарковым о проверке выполнения коммунистами партийных поручений. Но сразу же в пролете «передняя ось» его окликнул председатель цехкома Иван Евтефеевич Потеряев:

— Петр Михайлович, подойди-ка!

Иван Евтефеевич стоял у станка и, широко улыбаясь, протягивал блестящую, будто отполированную, деталь:

— Выходит, Петр Михайлович! В четыре раза быстрее обычного. Вот, гляди.

Он вставил в патрон заготовку, подвел к ней резец и пустил станок. Стружка скользнула по лунке резца куда-то под станок, и не успел Хохлов присмотреться, как Потеряев уже снял обточенную деталь.

— Видел? По методу Павла Быкова. Вот, по его книжице, которую ты мне посоветовал.— Он вынул из кармана книжку «Наш вклад в пятилетку».— Сначала я на кулаке передней оси попробовал — вышло. Сейчас на этой детали тоже выходит. Теперь дело двинется...

Хохлов взял руку Потеряева повыше локтя и дружески стиснул ее. Потеряев распрямил плечи и порывисто склонился над станком.

Жаркова Хохлов застал у штамповочного станка. Вместе с мастером Поповым он устанавливал на станке какой-то фигурный штамп, и они не заметили подошедшего секретаря.

Установив штамп, Жарков взялся за пусковую рукоятку. Попов отступил от станка и вздохнул:

— Пускай, Константин Петрович.

Жарков нажал рукоятку, и пресс со скрежетом охнул. Попов рванулся к станку. Жарков засмеялся:

— Ну, чего ты? Все в порядке.

Он снял деталь. Попов выхватил ее из рук Жаркова и осмотрел со всех сторон.

— Порядок, Константин Петрович! Сходи, скажи начальнику цеха и секретарю сообщи... — Попов радостно оглянулся кругом и заметил Хохлова.

— Петр Михайлович, вот кстати,— удалась проба! Эту деталь можно перевести на штамповку. И другие можно. Ух ты, леший, как он крякнул! — Попов ласково похлопал по кожуху станка.— Даже в жар бросило...

И теперь, просматривая записи в блокноте, Хохлов вспомнил взволнованные, счастливые лица Потеряева, Жаркова и Попова, какими он видел их тогда, у станков. Эти люди поняли, что пути улучшения работы цеха надо искать в совершенствовании производства, и нашли эти пути.

В другой раз, проходя по цеху, он заметил в пролете «шестерни» Василия Никаноровича Строганова. Молодой бригадир стоял, облокотившись на станину резьбонарезного станка, и ясно было видно, как шевелились губы Строганова, будто он разговаривал со станком.

Хохлов хорошо знал этого высокого светловолосого парня. Не раз он приходил в партбюро, а недавно принес заявление о приеме в партию. Строганов казался вялым и безразличным ко всему окружающему, когда дело не касалось станков. Но в цехе его словно подменяли. Здесь он всегда что-то прикидывал, рассчитывал, примерял, потом шел к мастеру и настойчиво требовал то изменить заточку резца, то перенести на полуавтомате пусковую кнопку или совместить на одном станке две операции по обработке детали. Предложения его были, на первый взгляд, нехитрые, но всегда приносили пользу. Вот и сейчас Василий Никанорович, видно, что-то придумывает.

Хохлов хотел подойти к Строганову, но бригадир снял со станка резец, отчеркнул ногтем линию на его поверхности и быстро направился к заточной.

...Хохлов перелистывает блокнот. Как выросли люди за это время и как расширился их кругозор! Теперь уж никто не говорит «я свое дело сделал», и станочники и начальники пролетов думают о программе не только своих бригад, а всего завода. Надо обязательно упомянуть в докладе о предложениях Анатолия Дмитриевича Голова и Виктора Алексеевича Уренцова. Вчера Анатолий Дмитриевич пришел к нему домой. Поговорили о кружке по изучению истории ВКП(б), который ведет Голов, о спектакле «Калиновая роща» в областном драматическом театре, сговорились в воскресенье на рыбалку съездить на Волгу. Уже прощаясь, Анатолий Дмитриевич протянул тетрадку:

— Вот посмотри, Петр Михайлович. Тут все расчеты и схемы. Видишь ли, мы тратим уйму времени на перекрестную переброску деталей. Этого можно избежать, надо только так перераспределить их по станкам, чтобы шли они потоком. Это даст большой выигрыш времени...

Предложение Голова оказалось очень серьезным и легко выполнимым. Надо посоветовать начальнику цеха посмотреть по всем пролетам, как это сделал у себя Голов, правильно ли организована обработка деталей.

О предложении бригады Виктора Алексеевича Уренцова сообщил Хохлову заместитель начальника цеха Сергей Иванович Сергеев. Собственно, Сергеев и помог ей стать бригадой отличного качества и получить личное клеймо ОТК. Сейчас Уренцов предлагает организовать социалистическое соревнование на звание «бригада отличного качества». Это новая ступень работы. Это — уже движение к цеху отличного качества, к стахановскому цеху...

...Вечерняя смена окончила работу, и цех опустел. Хохлов убрал дела и сидел, докуривая папиросу. Герасим Харитонович Бусыгин стоял у стены, рассматривая кривую выполнения программы. Кривая начиналась внизу, рисовала зигзаги где-то около цифры 85, подпрыгивала до 97 и потом стремительно перелетала цифру 100 к 112. Дотронувшись до этой цифры, Бусыгин тихо сказал:

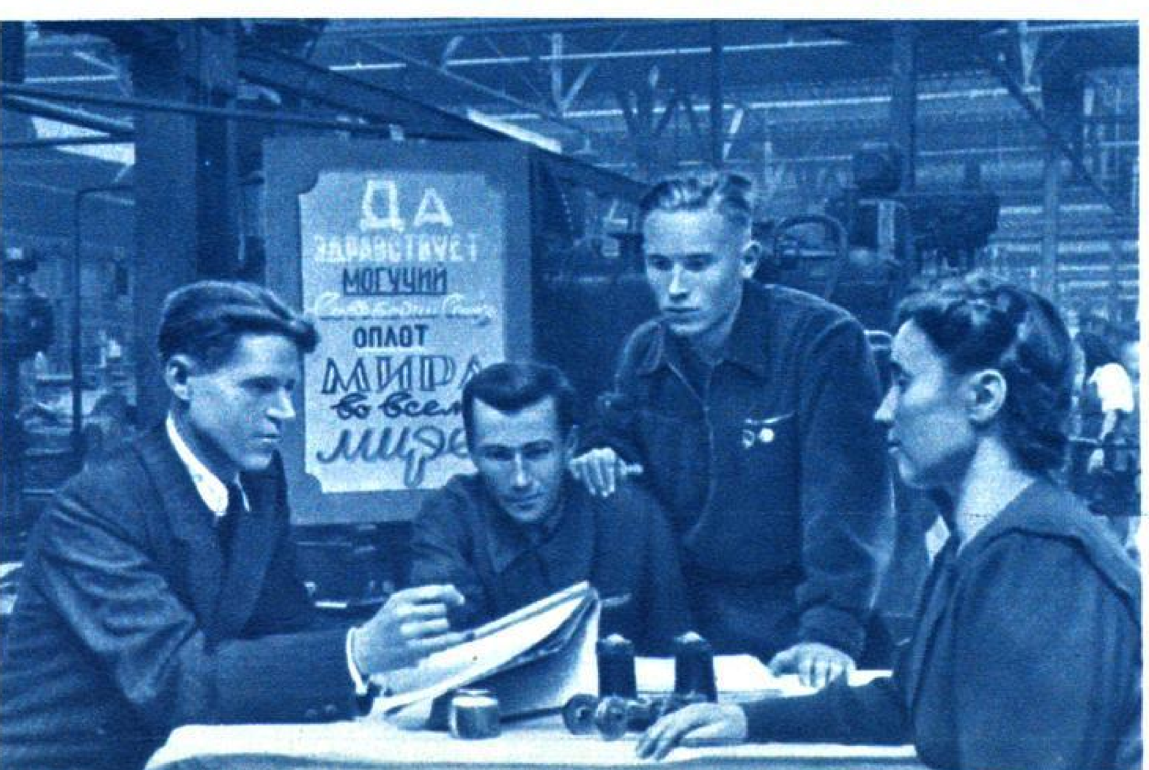
— Недолго этой цифирке вершиной быть. Как думаешь, Петр Михайлович? Теперь нашего движения никто не задержит!..

Они вышли в цех. Ряды непривычно молчаливых, словно заснувших станков уходили вдаль и тонули в полумраке.

Хохлов и Бусыгин остановились у большого плаката, на котором были написаны обязательства коллектива цеха, ставшего на вахту мира. Маленькая электрическая лампочка бросала сверху на плакат желтые блики света, и прочитать плакат сейчас было невозможно. Но Хохлов и Бусыгин знали: написано здесь то, чем живет сейчас каждый человек в нашей стране,— написаны слова о мирном труде ради жизни, ради счастья людей. И в этих словах на плакате была также и жизнь рабочего коллектива цеха шасси.

г. Ульяновск,
Автозавод
имени И. В. Сталина.

Член партбюро К. П. Жарков (слева); бригадиры-наладчики бригад отличного качества В. А. Уренцов и Р. Н. Ершова обсуждают производственный план участка мастера Н. В. Мочкасова.

ДЕНЬ АРТИЛЛЕРИИ

Генерал-полковник артиллерии Ф. А. САМСОНОВ,
действительный член Академии артиллерийских наук

19 ноября советский народ отмечает День артиллерии, установленный Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1944 году за большие боевые заслуги советской артиллерии в Великой Отечественной войне. Эти заслуги были подготовлены всей предшествующей историей отечественной артиллерии.

Как известно, Советская Армия получила очень неприглядное наследство. К весне 1919 года наша армия имела на вооружении всего около 2 тысяч орудий; артиллерийской промышленности в дореволюционной России почти не было. Тем не менее русские конструкторы и ученые еще в дореволюционную пору славились созданными в России образцами огнестрельного оружия и боеприпасов, которые превосходили своим качеством иностранные. Достаточно напомнить такой характерный факт: во время первой мировой войны, принимая от России заказы на изготовление орудий, американцы просили прислать русских инженеров наладить это производство на заводах США. По русским чертежам изготавливалось также и артиллерийское вооружение, заказанное в Англии и Франции. Искусство стрельбы русских артиллеристов всегда было самым высоким в мире.

Артиллерийская наука ни в одной стране не была столь развита, как в России. Основы конструирования орудий и боеприпасов, теория стрельбы артиллерии, исследования в области производства высококачественных орудийных сталей, порохов, приборов для стрельбы и наблюдения, ряд других научных открытий и изобретений русских ученых получили всеобщее признание. Их весьма бесцеремонно заимствовала зарубежная наука и техника. Но в дореволюционной России труды передовых ученых и инженеров не встречали поддержки. Преклоняющиеся перед всем заграничным продажные царские чиновники предпочитали пользоваться услугами иностранных фирм.

Однако даже та немногочисленная артиллерия, которая досталась нам в наследство от царской России, оказала неоценимые услуги молодой Советской республике.

Во время гражданской войны, учитывая ее исключительно маневренный характер, товарищ Сталин развивает производство и формирование бронепоездов. Уже в обороне Царицына участвует десять бронепоездов. Там же, под Царицыном, в октябре 1918 года осуществляется первое в истории Советской Армии решительное массирование артиллерии: в один ударный кулак на фронте в 3—4 километра собирается вся артиллерия 10-й армии — 240 орудий.

Подлинное развитие советской артиллерии начинается в период осуществления довоенных сталинских пятилеток. Товарищ Сталин, прозорливо смотревший вперед, гениально предвидевший ход развития исторических событий, готовил нашу страну к активной обороне. Оберегая мир на советской земле, большевистская партия и советское правительство позаботились о развитии такой советской артиллерии, которая способна была бы стоять на страже завоеваний Октября.

Уже в начале первой пятилетки товарищ Сталин дает указания о создании так называемой «Комиссии особых артиллерийских опытов». Она объединила передовых ученых и инженеров-артиллеристов, целеустремленно направляя их работу. Создаются первоклассные орудия и боеприпасы, быстрыми темпами развивается артиллерийская промышленность. Она позволяет уже в начале третьей пятилетки превысить по насыщенности артиллерией передовые для того времени армии Германии и Франции.

Такое быстрое развитие советской артиллерии отвечало требованиям самой совершенной в мире сталинской военной науки. И. В. Сталин неоднократно указывал, как важно довести до совершенства все рода войск, умело сочетать их действия для успешного ведения боев и операций.

Современная война — война большого количества различных боевых машин, управляемых людьми. Артиллерия же в машинный период войны приобретает исключительное значение. Среди боевых машин артиллерийские орудия обладают наибольшей мощностью огня и способностью наносить поражение. Скажем, легкая полевая 76-миллиметровая пушка при выстреле развивает мощность в 250 тысяч лошадиных сил, правда, на весьма короткий отрезок времени, исчисляемый долями секунды. Давление газов, образуемых при выстреле, на стенки канала орудия измеряется несколькими тысячами атмосфер, а температура горения порохов вдвое выше температуры плавления стали. Снаряд, выбрасываемый орудием, летит со сверхзвуковой скоростью, а в противотанковых орудиях эта скорость доходит до 1000—1200 метров в секунду. Такая скорость снаряда и его особое устройство позволяют пробивать самую мощную броню современных танков толщиною в 100—150 и более миллиметров.

Дальность стрельбы артиллерии непрестанно возрастает. Если к началу первой мировой войны средняя дальнобойность орудий не превышала 6—8 километров, то современные артиллерийские орудия забрасывают снаряды на несколько десятков километров, а реактивные снаряды могут быть заброшены на сотни километров. Так, например, немцы обстреливали Лондон снарядами, пролетавшими около 300 километров.

Вот эта способность артиллерийского оружия поражать любые цели и на больших расстояниях послужила стимулом для широкого его применения во всех родах войск. Танки вооружаются пушками, самолеты без артиллерийских орудий в современной войне беззащитны. Морские корабли способны вести бой, только располагая дальнобойными, мощными орудиями. Без зенитных пушек корабли становятся легкой добычей современной авиации. Пехота также все более и более оснащается не только автоматическим стрелковым оружием, но и противотанковыми средствами и различного рода артиллерийскими орудиями и минометами.

Таким образом, современный бой на земле и в воздухе, на воде и под водой немыслим без артиллерийского вооружения. Ни одно другое оружие по эффективности действия, способности к массовому применению не в состоянии конкурировать с артиллерийским вооружением, непрерывно развивающимся и приобретающим все новые и новые качества. Вот почему в современной войне роль артиллерии все больше и больше повышается.

Советская артиллерия, как род войск, во время Великой Отечественной войны количественно выросла более чем в пять раз. Это дало возможность широко применять ее мощный массированный огонь. Наша артиллерия намного превосходила вражескую, а также артиллерию американской и английской армий.

Не лишне отметить, что англичанам и американцам не удалось во время второй мировой войны достигнуть таких плотностей огня, какие создавались во французской и германской армиях даже во время первой мировой войны. Советская же артиллерия далеко опередила наивысшие показатели первой мировой войны.

За время Великой Отечественной войны наши артиллеристы сбили более 20 тысяч немецких самолетов и уничтожили несколько десятков тысяч вражеских танков. Главная ударная сила Советской Армии — артиллерия — надежно расчищала путь нашей пехоте и танкам, способствовала полному разгрому фашистских войск. Такой успех был обеспечен умелым управлением артиллерией, общевойсковыми и артиллерийскими командирами.

Родина высоко оценила подвиги советских артиллеристов, получивших за время войны свыше 1500 тысяч орденов и медалей; 1700 воинов-артиллеристов удостоены звания Героя Советского Союза.

Гигантский рост советской артиллерии в годы Великой Отечественной войны был обеспечен самоотверженным трудом рабочих, техников и инженеров нашей промышленности.

Советские воины, работники промышленности знают, кому они обязаны всеми своими успехами. Великий Сталин непосредственно и лично руководил строительством советской артиллерии, ее боевым использованием.

После Великой Отечественной войны советская артиллерия не останавливается в своем дальнейшем развитии. Она была и будет лучшей в мире. Об этом не следует забывать англо-американским поджигателям войны, мечтающим о мировом господстве и порабощении народов. Об этом и хотелось бы в связи с празднованием Дня артиллерии напомнить тем, кто угрожает коренным интересам и благополучию всего трудового человечества, пытается зажечь пожар войны во всем мире, кто залил кровью города и села свободолюбивой Кореи.

Советские воины исполнены сознания своего священного долга перед Родиной — оберегать мирный, созидательный труд советских людей. В СССР военные люди, как и весь советский народ, подписали Стокгольмское Воззвание. Войны мы не хотим и неизменно отстаиваем дело мира. Советские артиллеристы вместе со всеми Вооруженными Силами СССР способны отсечь любую руку, которая попытается занести меч над нашей миролюбивой социалистической Родиной.

С БЕРЕГОВ ДНЕПРА — НА БЕРЕГА ВОЛГИ

У контрольной будки киевского завода «Укркабель» рабочих встречает огромный щит. На нем значатся имена лучших стахановцев и показатели их работы за прошедшую смену. По этим данным можно узнать, как прошел трудовой день.

Ныне на доске красуются имена рабочих, выполняющих почетный заказ великих сталинских строек — волжских ГЭС и Главного Туркменского канала,— Изабелла Александрова, Матрена Костюченко, Леонид Корбут, Мария Коваленко, Галина Чайка...

Мы идем на завод и знакомимся с Изабеллой Александровой. Она возглавляет бригаду отличного качества в проволочном цехе.

Изабелла научилась считать свое рабочее время даже не минутами, а секундами. На одну из основных операций у нее уходит 45 секунд, а другие тратят более минуты.

— За смену,— говорит стахановка,— это дает 40 минут экономии, а в переводе на продукцию — сотни метров провода.

Метод инженера Ф. Ковалева очень популярен на заводе. Технологи активно помогают стахановцам, совместными усилиями они обучают наиболее совершенным приемам молодых рабочих, выполняющих заказы волжских новостроек.

Приятно посмотреть, как Изабелла Александрова непринужденно управляет двумя станками, быстрой и легкой походкой переходя от одного к другому! Штабелями лежат около нее катушки проводов. Среди них тонкие и средние, телефонные и для высоковольтных передач.

— Мы уже отправили в Куйбышев сотни километров провода и кабеля,— говорит Александрова.— Я даже представила себе, как наши провода запоют на ветру у Волги! Приятно сознавать, что доля и моего труда есть в этом большом деле.

* * *

Вся индустриальная Украина вносит свой вклад в созидание великих строек коммунизма. Мощные турбогенераторы изготовляет Харьковский завод имени Кирова. Первые вагоны с рельсами отгрузили из Енакиева, транспортеры — из Никополя, автокраны — из Одессы. Стальные балки изготовляет завод города Жданов «Азовсталь». Тысячи тонн высококачественной стали отправит на волжские стройки «Запорожсталь».

С берегов седого Днепра на широкую Волгу советская Украина посылает сложнейшие машины и высококвалифицированных мастеров.

В. КУЧЕР, Е. КРИЖАНОВСКИЙ

ЯСНАЯ ПОЛЯНА.
Акварельные рисунки
художника В. Богаткина

Вид с балкона дома Л. Н. Толстого.

Аллея в Клинах.

Дом Л. Н. Толстого со стороны сада.

На московском заводе «Красный пролетарий». Коллектив завода выдвинул кандидатом в депутаты Московского областного Совета заместителя министра станкостроения СССР Ф. Ф. Тараничева.

Фото Дм. Бальтерманца

ТЕ, КОМУ ДОВЕРЯЕТ НАРОД

Превыше всего для советского человека гражданский долг. Полноправный хозяин своего Отечества, он считает себя ответственным за все, что происходит на его заводе или в его колхозе, в городе и на селе — повсюду, где он живет и работает. Вся наша государственная и общественная жизнь находится под неусыпным контролем рядовых советских людей, безграничны возможности их воздействия на эту жизнь. С наибольшей зримостью широкие права гражданина нашей страны сказываются в дни всенародного волеизъявления — выборов органов государственной власти. Выборы — самое убедительное свидетельство подлинной демократичности социалистического строя. Сталинская Конституция гарантирует полное равноправие всех избирателей, которого и в помине нет в мире капитализма.

Если все общественное устройство в странах, где у власти стоит буржуазия, держится насилием над народом, то особенно вопиющий характер террор и произвол принимают в периоды так называемых выборов. Тут все пускается в ход: клевета и прямой обман, ограничения контингента избирателей, манипуляции с избирательной системой, вплоть до подтасовки результатов выборов и выкрадывания бюллетеней. По этой части, пожалуй, все рекорды побивает американская избирательная машина. Каждое звенышко ее щедро «смазано» долларами, все нити — в руках крупных дельцов и маститых гангстеров, причем трудно провести между ними водораздел. О каком народном волеизъявлении может идти речь в смердящей атмосфере диктатуры нескольких десятков или сотен семейств капиталистов!

В условиях советской демократии выборы превращаются во всенародный праздник. Характерной чертой первого же этапа начавшейся недавно кампании по выборам в местные Советы является высокая активность всего населения СССР. Огромная армия агитаторов несет в массы правдивое большевистское слово. Открыты двери агитпунктов, где в дружеской обстановке встречаются советские люди, беседуя и о международных событиях и о своих будничных делах. Молодежь, которой предстоит впервые идти к избирательным урнам, знакомится с избирательным законом.

Началось выдвижение кандидатов в депутаты местных Советов. На многочисленных собраниях рабочих, колхозников и интеллигенции названы имена людей, которые заслуживают народного доверия, достойны представлять интересы народа в органах государственной власти.

В Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске, Сталинграде, Брянске, множестве других городов первым кандидатом в областные Советы выдвинут великий вождь большевистской партии и советского народа Иосиф Виссарионович Сталин. Это любимое и дорогое имя на устах у советских людей, приступающих к свершению своего гражданского долга. И великий подвиг и скромный повседневный труд в Советской стране вдохновляются нашим вождем и учителем. Сталин незримо присутствует и при скоростной плавке уральского металлурга и при первых изысканиях на трассе будущего Главного Туркменского канала. Сталин с нами всегда и во всем! С какими прочувствованными, идущими из глубины сердца словами обращаются к великому Сталину московские электрозаводцы, ленинградские металлисты, инженеры и рабочие киевского «Укркабеля», железнодорожники Алма-Аты, владивостокские портовики!

Имя Сталина — в наших устах,
Сердце Сталина — в наших сердцах,
Имя Сталина — в наших делах,—
Вечно живи, могучий вождь!—

этой сердечной здравицей закончила свою речь комсомолка Электрозавода Клавдия Харитонова.

«Весь мир видит величие товарища Сталина. Товарищ Сталин ведет нас от одной победы к другой. Товарищ Сталин — самый мудрый и самый последовательный борец за мир. Вокруг товарища Сталина тесно сплотились народы Советского Союза, стран народной демократии и все прогрессивное человечество. Сталин — знамя мира во всем мире!» — так сказал инженер Ленинградского металлического завода А. Г. Антонов.

«С гордостью и большой радостью поднялся я на эту трибуну,— начал свое слово мастер литейного цеха Харьковского завода имени В. М. Молотова тов. Дробах,— чтобы внести предложение о выдвижении кандидатом в депутаты Харьковского областного Совета депутатов трудящихся нашего отца и учителя, знаменосца мира, организатора всех наших побед — Иосифа Виссарионовича Сталина».

Эту гордость и радость разделяют все коллективы, называющие первым своим кандидатом товарища Сталина.

Избиратели единодушно выдвигают кандидатуры соратников и верных учеников Сталина, руководителей партии и правительства, неуклонно осуществляющих ленинско-сталинскую политику.

Великая сила социалистической демократии в том, что наряду с крупнейшими, известными всему народу партийными и государственными деятелями в наших органах власти заседают рядовые люди, не оставляющие работы у станка, в колхозе, на стройке, в научном институте, школе. Сегодня приняв важнейшее решение, завтра каждый из них проводит его на практике, разъясняет товарищам, следит за тщательным его выполнением.

Эти люди по праву пользуются доверием народа, желающего видеть их своими представителями в Советах депутатов трудящихся. Среди них есть и коммунисты и непартийные большевики — все они горячие патриоты Родины, надежные бойцы армии коммунизма.

Знатный кузнец Андрей Загорный выдвинут коллективом Горьковского автозавода имени В. М. Молотова. Кандидатуру беспартийного слесаря-лекальщика Тимофея Макарова поддержало предвыборное собрание на Брянском заводе дорожных машин. Характерна биография инженера М. В. Лебедевой, выдвинутой кандидатом в депутаты областного Совета строителями Куйбышевского гидроузла. Инженер Кулямин сказал о ней:

«Как и все мы, она пришла на великую стройку коммунизма, чтобы отдать свои силы и знания осуществлению грандиозного сталинского плана преобразования природы. Тов. Лебедева — верная дочь ленинско-сталинского комсомола. В этом году она окончила Куйбышевский инженерно-строительный институт и с первых дней работы на стройке проявила себя как активная общественница, способный инженер-строитель».

Знатный прокатчик «Серпа и молота» И. И. Туртанов, лучшая прядильщица Ивановской фабрики имени Дзержинского В. М. Дмитриева, саратовский машинист-пятисотник И. Ф. Маслов и многие другие — кандидаты промышленных коллективов. Колхозное крестьянство называет среди своих кандидатов трактористку Крутовратской МТС Великолукской области А. И. Быкову, председателя колхоза имени Буденного, села Онорьевка, Одесской области, Героя Социалистического Труда М. А. Посмитного. Среди многочисленных представителей интеллигенции, выдвинутых кандидатами, старейшая русская актриса Е. Д. Турчанинова, профессор Крымского сельскохозяйственного института В. А. Колесников, латышская учительница Э. Я. Шкерстен.

Подготовка к выборам в местные Советы проходит в дни, когда советский народ, как и все трудовое человечество, участвует в грандиозной битве за мир, против империалистических поджигателей войны. Именно в эти дни Эттли, выполняя приказ своих заокеанских хозяев, не позволил Всемирному конгрессу сторонников мира собраться в Шеффилде.

Советские люди на предвыборных собраниях продемонстрировали свое стремление к миру. Они говорили о созидательных планах, выполнение которых сделает еще счастливее жизнь в нашей стране. И всенародное голосование, которое состоится в декабре, будет голосованием за процветание социалистической Родины, за мир!

СНОВА ЦВЕТЕТ

ВОРОНЕЖ

ПРОСПЕКТ РЕВОЛЮЦИИ

С первого взгляда приезжему кажется, что Воронеж все тот же, что вражеские бомбы и снаряды не коснулись его стен. В свете солнечного дня особенно наряден проспект Революции — гордость воронежцев. Дома украшены предвыборными плакатами. Мелькают вывески: «Музей искусств», «Университет», «Библиотека педагогического института», «Центральный лекторий». Афиши сообщают о концерте Воронежского хора, премьере в драматическом театре. Ваше внимание привлекает свежая окраска зданий, еще не убранный строительный мусор на асфальте. Какой город сейчас не прихорашивается, не молодеет в ожидании дня выборов своего Совета!

— Не знаете ли вы, где помещается горсовет? — спросили мы шедшую нам навстречу женщину.

— Как же, знаю,— ответила она. И, называя нам адрес, добавила: — Будете там, внимательно приглядитесь к дому. Это дом-счастливчик, его не тронули гитлеровцы. В феврале сорок третьего года мы на него ходили смотреть, как на чудо. Поверите, ничего от города не осталось. И этого проспекта не было, по снежной тропке передвигались. Ступить в сторону было страшно. Кругом мины. Так-то вот...

Мы поблагодарили нашу собеседницу, и женщина, улыбнувшись, сказала:

— Не за что! Рассказывать о судьбе нашего города — моя общественная обязанность. Я ведь работаю агитатором по выборам в горсовет, а у нас в Воронеже и стены голосуют...

Знаменательна судьба проспекта Революции. Летом 1942 года фашисты были здесь прижаты к земле, и некогда мирная улица стала передним краем ожесточенной битвы. Проспект остался передним краем и в послевоенные годы: воронежцы прежде всего начали восстанавливать свою главную магистраль.

Трудно сейчас представить себе, что этот величественный проспект, состоящий из ста больших, многоэтажных зданий, еще семь лет тому назад был грудой развалин. Но вот еще не восстановленный дом напоминает нам об этом.

Дом № 24. Он стал как бы памятником двух войн. В 1919 году, как гласит мемориальная доска, прибитая к обгорелому фасаду, здесь помещался штаб героического конного корпуса, который под руководством С. М. Буденного вместе с трудящимися Воронежа разгромил белогвардейские банды Мамонтова и Шкуро.

В 1942 году под крышей этого дома самоотверженно сражалась горстка советских солдат, до последнего дыхания защищавших славный русский город. А на одном из соседних корпусов, обросшем строительными лесами, висит бросский плакат: «Строительство осуществляет первый строительный участок треста «Воронежстрой», производитель работ Самодуров М. М. Срок ввода в эксплуатацию — 1951 год. Общая площадь — 13 546 квадратных метров».

Да, в этом городе и стены будут голосовать за тех, кто поднимает их из развалин!

НЕСКОЛЬКО ЦИФР

— Вас интересует, с какими успехами приходит Воронежский городской Совет к выборам? — спросил нас председатель горсовета Петр Дмитриевич Осипов.— Об этом можно говорить очень много и можно ограничиться несколькими сопоставлениями. Вот, пожалуйста: семнадцатого декабря к избирательным урнам придет на сорок две тысячи избирателей больше, чем на выборах 1947 года. С каждым днем растет население нашего города, а значит, растет и сам город. За три года в Воронеже стало больше на тысячу девятьсот два дома, на восемьдесят восемь улиц...— Петр Дмитриевич взглянул на нас и неожиданно улыбнулся.

— Впрочем, для того, чтобы вам стала ясней сущность этих цифр, вот несколько фактов из недавнего прошлого...

Когда мы, небольшая группа партийных и советских работников, вместе с передовыми частями Советской Армии перешли с левобережной части города, где находилась наша оборона, на правый берег и поднялись по высокому откосу, то не нашли знакомых мест. Перед нами лежали засыпанные снегом обгоревшие руины. Триста шестьдесят лет строился русскими людьми Воронеж — за семь месяцев он был разрушен врагами дотла! Достаточно сказать, что из двадцати тысяч зданий, составлявших до войны жилой фонд города, мы с трудом насчитали около полутора тысяч. В подавляющем большинстве своем это были небольшие домики окраин, центральная же часть Воронежа оказалась разрушенной на девяносто шесть процентов. Уничтожено было все, что составляло гордость нашего старинного города: большие общественные здания, музеи, театры, клубы, дома петровской эпохи и прекрасные новые корпуса, воздвигнутые в годы пятилеток. Разрушены были до основания водопровод, трамвайная сеть. Перестали существовать библиотеки, школы, вузы...

Ко дню выборов в фонде города семнадцать тысяч триста зданий. Из миллиона трехсот тысяч квадратных метров жилой площади, которую мы имели в городе до войны, восстановлен миллион шестьдесят шесть тысяч квадратных метров.

Снова цветет наш Воронеж, и как радостно видеть его хорошеющим с каждым днем!

ХОЗЯЕВА ГОРОДА

Перед нами сидели трое граждан Воронежа — люди, разные по общественному и служебному положению, по жизненному опыту, но одинаково плодотворно работающие на благо своего города.

Когда-то в царской России было в ходу такое прозвище — «отцы» города. Но, может быть, именно сейчас, в наше время, эти иронически звучавшие слова приобрели свой истинный, благородный смысл. Да, перед нами сидели отцы города, его создатели, его творцы.

Леонид Филиппович Смирнов родился, вырос, учился и работает в Воронеже. Он окончил Воронежский инженерно-строительный институт, построил перед самой войной большой завод и в 1937 году был избран депутатом городского Совета.

Сейчас Леонид Филиппович делит свое время между строительством керамического завода, которое ему доверено, и большой работой в горсовете. Он председатель строительной комиссии. С ним работают депутаты горсовета воронежские инженеры Н. И. Павлов, В. В. Белобродский, В. А. Карагодин, В. Ф. Шестаков. Они проверяют выполнение строительными организациями их планов, контролируют сохранность уже восстановленных зданий.

Рассказывая нам о генеральном плане восстановления и реконструкции Воронежа, разработанном четыре года тому назад в Москве под руководством действительного члена Академии архитектуры СССР Л. В. Руднева, Леонид Филиппович заметил:

— Давно ли этот план лежал перед нами в кальке, а теперь мы видим большую его часть перенесенной в жизнь... Взять хотя бы, к примеру, наши высшие учебные заведения. Воронеж всегда славился своими вузами. Ни одно из больших, благоустроенных учебных зданий не уцелело, а теперь в семи вузах города учатся десять тысяч студентов... Больше того, в Воронеже открыто несколько техникумов, которых до войны у нас не было. И для каждого из них построен специальный корпус с удобными аудиториями, студенческими общежитиями, лабораториями.

— Вот как размахнулись! — вступил в разговор бодрый усатый старик.— Еще не все восстановлено из того, что разбито фашистами, но уже появились целые улицы, которых до войны мы не знали...

Это был депутат горсовета Алексей Васильевич Логвинов. Всю свою долгую трудовую жизнь провел Алексей Васильевич в Воронеже. Сорок семь лет бессменно проработал он слесарем на паровозоремонтном заводе имени Дзержинского, и для него Воронеж в полном смысле слова — родной дом, где ему знаком каждый закоулок.

Начиная с 1928 года Алексей Васильевич Логвинов шесть созывов подряд избирается трудящимися депутатом городского Совета. Его «стихия» — трамвай, водопровод,— словом, коммунальные дела. И Алексей Васильевич подробно и увлеченно рассказывал нам о новых трамвайных линиях, соединивших центр с заводами, о водопроводной сети, не только восстановленной, но и значительно расширенной по сравнению с довоенным временем, о новых хлебозаводах.

Алексей Васильевич вынул лист бумаги, торжественно развернул его и спросил:

— Может быть, вы хотите познакомиться с тем, как выполнял я наказы своих избирателей, данные мне на выборах 1947 года? Вот, пожалуйста, посмотрите...

«Построить рынок на левом берегу»,— читал он и тут же добавил горделиво: — Выполнено! «Поставить водопроводную колонку». Выполнено! «Провести трамвайную линию к заводу». Выполнено!

Слушаешь это «выполнено», которое стало законом общественной деятельности для всех четырехсот двадцати девяти депутатов горсовета, и становится тебе ясно, что помогло воронежцам так быстро воскресить свой город.

Рядом с Алексеем Васильевичем Логвиновым сидела маленькая, скромная, видимо, уставшая за день женщина. Она слушала рассказ Алексея Васильевича и после каждого «выполнено» удовлетворенно кивала головой.

Ольга Федоровна Лопатина — председатель культурно-просветительной комиссии горсовета — тоже родилась и выросла в Воронеже. Она окончила здесь сельскохозяйственный институт и теперь преподает в том же институте экономику сельского хозяйства.

В возрожденном Воронеже 25 клубов, 125 красных уголков, 2 театра, множество библиотек. Трудно справиться с таким «хозяйством». Но вокруг депутата городского Совета Лопатиной сплотилась группа активистов — артистка драматического театра В. Г. Рощина, писатель М. Я. Булавин, артистка театра музыкальной комедии Л. М. Дашкевич, доцент Воронежского университета И. Я. Разумникова...

— Вот так мы и живем,— говорит Ольга Федоровна.— Одних библиотек у нас больше сотни. Три музея открыты: краеведческий, искусств, дом Ивана Саввича Никитина...

ЛУЧШИЙ ОТЧЕТ ГОРОДСКОГО СОВЕТА

— К Леониду Филипповичу на керамический завод,— сказал шоферу Петр Дмитриевич Осипов...

Так началась наша поездка по возрожденному Воронежу.

Мы миновали проспект Революции, свернули на улицу Карла Маркса, широкую, покрытую асфальтом, обсаженную деревьями, почти сплошь состоящую из новых многоэтажных зданий.

— Эту школу мы в нынешнем году привели в порядок,— говорит Петр Дмитриевич.— Двадцать четвертая по счету... Те два дома построены для рабочих кордной фабрики, а тот большой дом сдается ко дню выборов.

Леонид Филиппович Смирнов уже ждал нас, чтобы ехать на левый берег, но разве мог он не показать своего завода, который уже через два года начнет давать облицовочные плиты, кафельную глазурь... Смирнов провел нас по территории будущего предприятия. Еще недавно здесь была пустынная степь, теперь кипит работа, поднимаются корпуса больших цехов.

...Ту часть Воронежа, которая расположена на левом берегу реки, вы не найдете на дореволюционных картах. Город создан здесь вместе с заводами в годы сталинских пятилеток. Левобережье было разбито вражескими снарядами. Ныне оно полностью восстановлено. Выросли многоэтажные здания и целые поселки, а в тот день, когда мы побывали там, заканчивалась постройка пятикилометровой трамвайной линии — от улицы Героев стратосферы до самого дальнего завода.

Мы проехали весь город, и везде перед нами раскрывались все новые картины мирной стройки. Везде высились благоустроенные дома, протянулись новые магистрали.

Каждая воронежская улица — это участок строительного фронта. Нет в Воронеже человека, который не отдал бы для благоустройства города ста часов, поработав на стройках. И нам хотелось бы закончить описание славных дел жителей этого города рассказом о простой женщине Вере Григорьевне Липовской.

Вера Григорьевна вернулась в первый же месяц после освобождения Воронежа от фашистов. Дом ее был разбит. Явившись на пленум городского Совета, Вера Григорьевна сказала: «Я приступаю к восстановлению своей улицы Урицкого и прошу городской Совет меня поддержать...»

Совет одобрил инициативу Веры Григорьевны Липовской. Теперь скромная окраинная улица славится на весь город.

Каждый кирпич, каждый кустик, каждое деревцо подняты здесь председателем уличного комитета Верой Григорьевной Липовской, ее помощницами — Анисьей Павловной Кастырной, Полиной Ивановной Трепалиной, Марфой Селивановной Юровой, Анной Ивановной Паршиной,— всеми жителями улицы Урицкого.

Вот в чем секрет успешной деятельности городского Совета: ему удалось сплотить вокруг себя все население, сделать всех участниками возрождения Воронежа.

И Воронеж — такой, какой он есть, его восстановленные улицы — лучший отчет городского Совета перед своими избирателями.

В. ВИКТОРОВ

Фронт мира непобедим!

Раболепствуя перед американскими хозяевами, английское правительство, называющее себя «рабочим», фактически запретило проведение Второго Всемирного конгресса сторонников мира на территории Англии. Правительство Эттли — Бевина отказало в визах на въезд в страну большинству делегатов конгресса, в том числе почти всем членам Постоянного Комитета, многим ученым, пользующимся мировой известностью, виднейшим писателям, представителям церкви, деятелям международных демократических организаций. Отказано в визе двум третям делегатов Советского Союза и многим делегатам стран народной демократии. Этим английские лейбористские власти разоблачили свою враждебность делу мира, за который борется подавляющее большинство людей на земле. Они показали подлинное лицо хваленой буржуазной «демократии», допустив грубый произвол в отношении делегатов 72 стран мира. Действия английского правительства и других капиталистических правительств, идущих на поводу у американских поджигателей войны, еще и еще раз отразили страх империалистического лагеря перед могучим движением за мир, которое неудержимо растет.

Великое движение борцов за мир не остановить никакими полицейскими репрессиями! Волна негодования и возмущения прокатилась по всем странам. Миллионы простых людей, клеймя позором лейбористских прислужников американского империализма, еще крепче сплачивают ряды международного фронта мира. К конгрессу сторонников мира в Варшаве устремлены надежды всего передового человечества. Голос его не заглушить никаким жандармам и политиканам американо-английского агрессивного блока.

Во главе миролюбивых народов идет наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик. К великому знаменосцу мира товарищу Сталину обращены мысли и сердца участников Второго Всемирного конгресса.

Сталинская политика мира и дружбы народов снискала признание и безграничное уважение всего прогрессивного человечества. Вдохновляющий пример этой политики, мужественно разоблачающей империалистических агрессоров, отстаивающей суверенные права народов, стоит перед глазами каждого честного борца за мир.

Мир должен победить и победит войну!

Эжени КОТТОН,
председатель Международной демократической федерации женщин

В дни, когда миллионы людей во всех концах земного шара приветствуют 33-ю годовщину величайшего события нашей эпохи — Октябрьской революции 1917 года, мое самое искреннее пожелание, чтобы все народы еще теснее сплотились и отстояли мир во всем мире.

Существование Советского Союза и его достижения раскрыли перед честными и прогрессивными людьми всех стран силу единства и солидарности народа, создавшего новое, справедливое общество и сумевшего во время второй мировой войны в тягчайшей борьбе очистить свою Родину от фашистских захватчиков. Советский народ принес великие жертвы во имя спасения всего человечества, его героизм и самоотверженность явились основой победы над фашизмом.

Мог ли этот благородный пример остаться без последователей? Идеи Октябрьской революции, идеи мира, свободы, равенства и независимости всех народов привели к победе нового общества в странах народной демократии, они вдохновили на борьбу за свое освобождение великий китайский народ. Теперь на всей планете стремление к миру, свободе и справедливости приводит в движение все новые массы

мужчин и женщин всех цветов кожи, разных взглядов и вероисповеданий. Нет необходимости принадлежать к той или иной партии; достаточно раскрыть глаза, чтобы увидеть неотвратимый ход исторических событий: мир должен победить и победит войну, свобода восторжествует над угнетением. Мне вспоминается героиня романа Жан-Ришар Блока, которая сказала, что она не знает коммунистов, но она с теми, кто страдает, нуждается, зовет на помощь. Теперь сотни миллионов людей объединяются вокруг простого и великого слова «мир», которое является самым заветным и дорогим для каждого трудящегося человека, для каждой матери на земле.

Октябрьская революция 1917 года и великий пример Советского Союза вернули миллионам людей чувство собственного достоинства и солидарности в борьбе за самую благородную цель, которую ставило перед собой человечество, — за вечный мир между народами.

Сияющий маяк надежды

Хьюлетт ДЖОНСОН,
настоятель Кентерберийского собора

Я восхищен гигантскими успехами братских народов Советского Союза, которые сделали за эти годы столько, что изменили историю всего мира. Создавая новые, высокие моральные устои жизни, советские люди уничтожили эгоистическую эксплуатацию человека человеком, они обуздывают и переделывают природу, и — превыше всего — они уверенно прокладывают дорогу к миру.

Я наблюдал за Советским Союзом в мрачные дни войны. Я был свидетелем его сильного и могучего подъема, который привел к разгрому фашистского агрессора. Я видел глубокие раны, нанесенные ему фашистским зверем, и целебную силу социалистического труда, залечивающую эти раны.

Советский Союз возвышается, как сияющий маяк надежды для всех угнетенных, для всех, кто жаждет свободы от гнета, для всех, кто ненавидит войну и хочет мира, для всего прогрессивного человечества.

С чувством гордости я наблюдаю, как ваша великая страна возглавляет миролюбивые силы всего мира против тех, кто желает развязать третью мировую войну. Все эти дела Советского Союза отвечают чаяниям и надеждам всего человечества.

Привет народам Советского Союза и их великому вождю Сталину!

Мы верны союзу народов СССР и Франции

Клод МОРГАН,
главный редактор журнала «Сторонники мира»

Перед лицом беспрестанных угроз и провокаций американских империалистов, мечтающих предать огню весь мир, Советский Союз всегда сохранял твердую и спокойную позицию, срывая новые попытки агрессии. Это он недавно призвал западные правительства к благоразумию, протестуя против вооружения Западной Германии. Это благодаря Советскому Союзу, благодаря его непоколебимой воле к миру земной шар не охвачен еще судорогами третьей мировой войны.

Советский Союз обогатил мировую цивилизацию новыми произведениями литературы, искусства и кино. Он поднял еще выше уровень научных знаний. Он идет во главе прогрессивного человечества.

Нам, друзьям Советского Союза, надлежит доказать всем нашим соотечественникам, порою сбитым с толку преступной долларовой пропагандой, чем мы все обязаны СССР. Нам нужно выиграть великую битву за мир, сделать невозможным повторение гитлеровского похода, который Трумэн, Черчилль, все их поли рейно, все их жюли моки и все их плевены подготовляют против советского народа.

Империалисты ищут людей, которые воевали бы за них. Мы сделаем так, чтобы Франция им этих людей не дала. Мы остаемся теперь и навсегда верными союзу народов СССР и Франции. Мы будем бороться за мир со всей силой нашей воли.

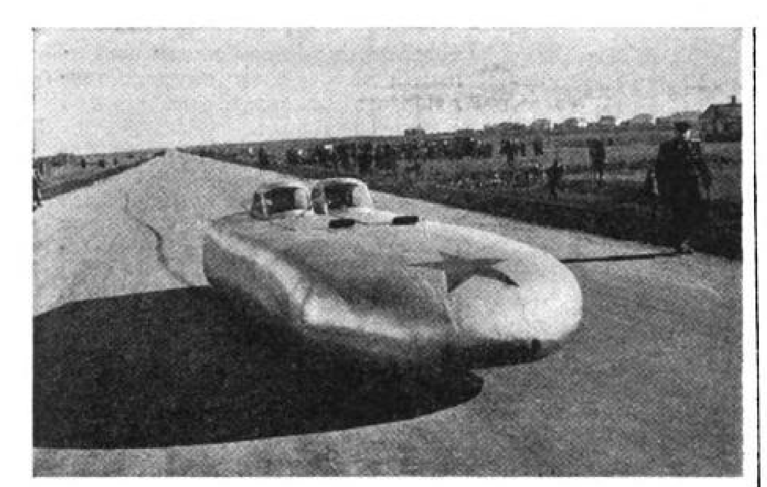

Фото В. Юдаева

Новая гоночная машина

На улицах Харькова появилась серебристая обтекаемая автомашина, имеющая форму ракеты. Это гоночный автомобиль, созданный на базе автомашины «Победа» активистами Харьковского автомотоклуба водителем В. К. Никитиным, механиками Б. П. Остапенко, И. В. Краснолобовым и рабочим П. В. Архангельским. Литраж двигателя доведен до 2500 кубических сантиметров. Благодаря цельнометаллическому дюралюминиевому кузову значительно снижено сопротивление ветра, повышены аэродинамические качества и увеличена скорость машины. Длина кузова — 6,5 метра, ширина — 1,08 метра, высота — 1 метр.

На Чугуевском шоссе под Харьковом состоялось испытание автомобиля. Водитель тов. Никитин (спортивное общество «Труд») прошел один километр с места за 36,53 секунды, показав скорость 98,549 километра в час, что превышает всесоюзный рекорд, ранее принадлежавший москвичу тов. Понизовкину (95,037 километра в час). Один километр с хода тов. Никитин прошел за 23,25 секунды, показав скорость 154,838 километра в час. Это новый рекорд Украины.

На снимке: новая гоночная машина на Чугуевском шоссе.

ПАСЕКА НА БАЛКОНЕ

Пасека, о которой идет речь, находится не в саду, не на опушке рощи или в поле. Она — в самом центре Киева, на балконе третьего этажа большого дома по улице Лысенко.

Пчеловод А. П. Даниленко.
Фото Л. Александрова

Владелец небольшой пасеки — преподаватель Киевского сельскохозяйственного института Александр Петрович Даниленко. Страстный любитель пчеловодства, он четыре года назад оборудовал две пасеки: одну — на даче, в живописном районе Клавдиево, близ Киева, а другую — на балконе своей городской квартиры.

— Оказалось, — рассказывает Александр Петрович, — что в городе пчелы чувствуют себя не хуже, чем на селе. За четыре года я собрал со своей пасеки в Киеве около 200 килограммов меду!

Александр Петрович показывает собранный в эти дни «городской» мед — прозрачный, ароматный. Чудесному аромату, напоминающему запах розы, способствует обилие декоративных растений в Киеве, где в нынешнем году было высажено около десяти миллионов цветов. Богатыми «пастбищами» для пчел являются также склоны Днепра, где раскинулись Первомайский парк, новый Ботанический сад Академии наук и утопающие в зелени пригороды.

— В таком большом городе, как Киев,— говорит Александр Петрович,— пчелам приходится, конечно, трудиться гораздо больше, чем на селе. Они совершают довольно далекие рейсы — до семи километров. И все же пчелы быстро привыкают, легко осваиваются в новой, казалось бы, непривычной для них обстановке и, что очень важно, ведут себя вполне пристойно. За все время от соседей и прохожих не поступило ни одной жалобы на моих питомиц.

Примерно в конце ноября ульи будут тщательно покрыты специальными соломенными матами, обеспечивающими теплую, совершенно безопасную зимовку дружной пчелиной семье.

В. КУЧЕР.

Голос гнева

Три фильма: «Брак в тени», «Пестроклетчатые» и «Совет богов» — создал немецкий режиссер Курт Метциг за время работы в прогрессивном акционерном обществе «ДЕФА». Фильм «Пестроклетчатые» демонстрировался на экранах нашей страны и хорошо известен советскому зрителю.

Кинокартина «Совет богов», поставленная по сценарию лауреата национальной премии Фридриха Вольфа и литератора Филиппа Гехта, раскрывает одну из тайн рождения второй мировой войны. «Голос гнева» — так называлась статья, посвященная этой выдающейся кинокартине, которая, по выражению Вальтера Ульбрихта, выступившего с речью на правительственном просмотре фильма, поднимает «немецкую кинематографию на новую, большую высоту».

Кадр за кадром фильм рассказывает о зарождении фашистского государства и дальнейших его судьбах, раскрывает агрессивную политику фашизма, приведшую ко второй мировой войне, и роль в этой войне хозяев немецкого концерна «ИГ Фарбениндустри», восседающих на вершине капиталистического Олимпа.

Действующие лица фильма — руководители и дельцы концерна — собираются в кабинете Мауха (артист П. Бильдт) у картины «Совет богов» художника Каульбаха. Сюжет этого полотна уходит в давние, мифологические времена. Боги наблюдают битву Гектора с Ахиллом.

Деятели концерна тоже мнят себя божествами. Эти «боги» готовят ядовитые газы, наживаются на бедствиях и горе народа во время второй мировой войны. В их «совет» входит и представитель американского капитала Лаусон (артист В. Кляйнау). Поэтому концерну, его предприятиям не страшны налеты англо-американской авиации. Летчики, производящие бомбежку, получили точный инструктаж — сбрасывать бомбы подальше от предприятий концерна «ИГ». И среди огня и разрушений его заводы остаются невредимыми. Зрителю фильма все это кажется чудовищным парадоксом...

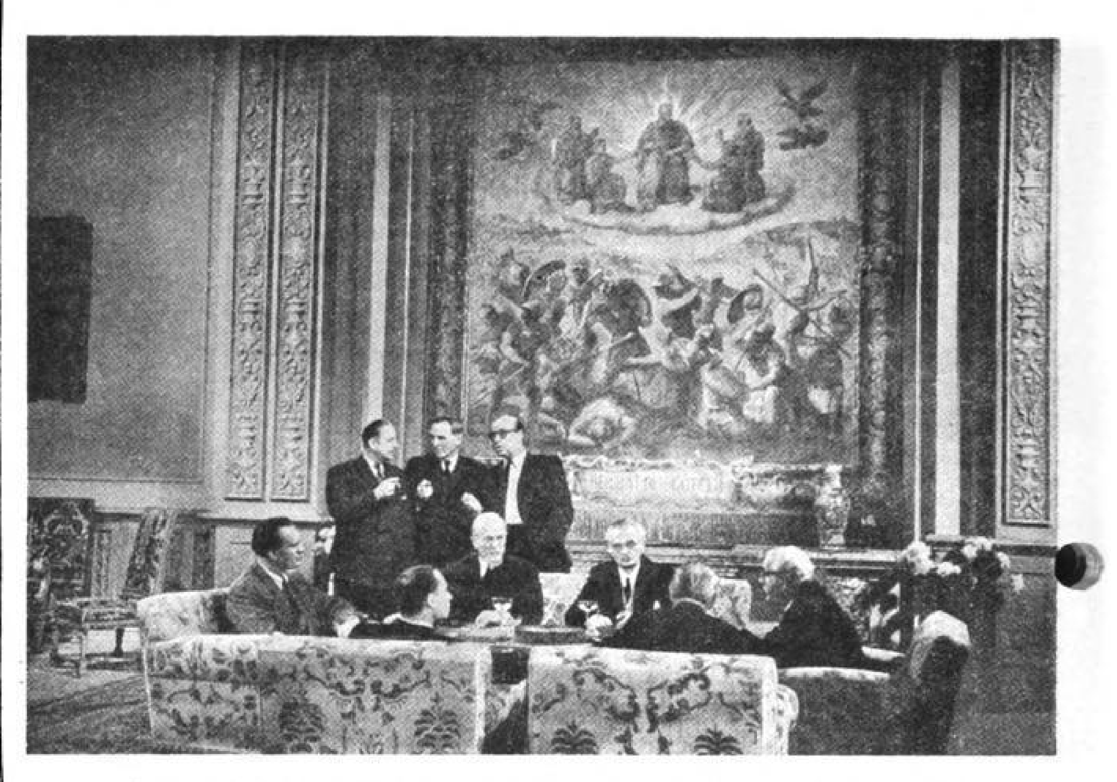
Вдохновенно создавал Курт Метциг фильм, построенный на документах Нюрнбергского процесса. И в своих первых работах: «Брак в тени» (о расовой теории фашизма), и «Пестроклетчатые» (о жизни рабочего люда в Германии), и особенно в «Совете богов» — К. Метциг выступает как художник-обвинитель, художник-обличитель. В сильнейших сценах кинокартины, таких, как катастрофа на заводе, пресс-конференция у директора Тильгнера, Нюрнбергский процесс, мы ощущаем нарастание народного волнения, предвидим неизбежность провала кровавых планов тех, кто превратил человеческие жизни в средство наживы.

Реакционная пресса Западной Германии ополчилась против Метцига за его последнюю картину. «Конец режиссера!» — рецензия под таким названием появилась в газете «Телеграф» (английский сектор Берлина). Врагов взбесила картина Метцига, и это ли не признание значения его работы?! Удар попал точно в цель.

В дни слета свободной немецкой молодежи на всех экранах кинотеатров Берлина, Лейпцига, Потсдама и других городов Германской демократической республики с успехом демонстрировался фильм «Совет богов», осуществленный молодым и смелым режиссером.

На кинофестивале в Карловых Варах фильм «Совет богов» получил почетный диплом.

И. ЧЕКИН

Кадр из фильма. В кабинете советника Мауха собрался «Совет богов».

По вызову из тундры

Сафрон Талеев, пастух оленеводческого колхоза имени Выучейского, обморозил ноги. Местный фельдшер не смог помочь больному: обморожение второй степени. Грозила ампутация. И вот в Нарьян-Мар передается радиограмма:

— Срочно шлите врача.

С аэродрома поднялся санитарный самолет. На борту врач Валентина Петровна Тетеревлева. Квалифицированная медицинская помощь была оказана во-время. Ампутации удалось избежать.

В большом рыбацком селе Великовисочное у рыбачки были трудные роды. Матери и ребенку грозила смерть. Самолет санитарной авиации, взяв на борт опытного гинеколога-хирурга, заслуженного врача РСФСР Рену Ивановну Батманову, ушел в рейс. Ребенок и роженица были спасены.

На счету скромных тружеников санитарной авиации много спасенных жизней. Трудящиеся Ненецкого национального округа тепло отзываются о врачах, отдавших много лет жизни работе на Крайнем Севере. В Ненецком окружном отделе здравоохранения нам сообщили примечательные цифры: в нынешнем году девяносто семь вылетов сделали врачи санитарной авиации; более пятисот часов провели они в воздухе, покрыв над просторами тундр около десяти тысяч километров.

Самолет санитарной авиации почти всегда водит опытный пилот Никулин, хорошо изучивший все уголки Ненецкого национального округа.

В. ГРОЗДОВ

КОРОТКО

ДЕСЯТИЛЕТИЕ КИШИНЕВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ торжественно отметила общественность столицы Молдавской ССР. Консерватория выпустила за годы своего существования много талантливых скрипачей, пианистов, певцов, дирижеров. Серьезное внимание уделяется популяризации среди населения советской и русской музыки.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ ВЕЛОСИПЕД хранится в Нижне-Тагильском краеведческом музее. Изобрел его в 1800 году мастеровой уральских заводов Артамонов. Через год, в день коронации Александра I, он проехал на своем двухколесном педальном велосипеде по улицам Москвы. Его изобретение на много лет опередило появление педального велосипеда в Европе.

МАТЬ

Рассказ

Ф. КНОРРЕ

Рисунки В. Высоцкого

Задремавшие на рассвете в ожидании своей станции пассажиры зашевелились, стряхивая с себя сонливость, когда в купе постучал проводник.

Высокий чех со впалыми щеками и сердито торчащими рыжими усами открыл свои усталые добрые глаза, окруженные множеством морщинок, укоризненно закачал головой и протянул нараспев:

— Ай-ай-ай!.. Ай, как неладно. Так и не ложились совсем?

Пожилая женщина в темном платье сидела, повернувшись к окну, за стеклом которого в неясном утреннем свете едва начинали выступать из тумана непрерывно убегающие назад контуры деревьев, рассаженных по краям уходящего куда-то за холмы шоссе, кусок черепичной красной крыши, проглянувшей сквозь густые ветви цветущих яблонь, высокий шпиль костела...

Женщина обернулась:

— Привыкла все дома да дома. А теперь вдруг за границей. Не спится на новом месте...

— Ай-ай-ай...— все повторял чех, доставая из глубокого дорожного мешка умывальные принадлежности. Даже по дороге в умывальную он все еще продолжал на ходу покачивать головой.

Вторая пассажирка, молодая чешка, тоже начала разбираться в своем саквояже, и из него высунулась едва помещавшаяся там голова лупоглазой, игрушечной лошади с длинными кожаными ушами, похожими на заячьи.

Пожилая женщина понимающе улыбнулась:

— Сыну?

Чешка с удовольствием подтвердила и нежно погладила лошадиную голову.

— Сколько же ему? — с тем неподдельным интересом к мельчайшим подробностям, касающимся жизни, здоровья и возраста детей, даже чужих, который понятен, вероятно, только матери, спросила Мария Федоровна.

Чешка сообщила, что ее сыну ровно три года, один месяц и три дня.

— О-о? Уже совсем мужчина! — точно удивляясь и восхищаясь тем, что этот незнакомый мальчик так ловко сумел дорасти до такого удивительного возраста, воскликнула Мария Федоровна.— Уже лошади, автомобили, паровозы! Да?

Чешка счастливо закивала:

— Да, да: паровозы, самолеты, автомобили... И никаких нежностей!

— Ну еще бы: моторы, и железо, и суровая дружба с хмурыми товарищами! Все мужчины таковы...— Глаза Марии Федоровны смотрели куда-то вдаль, и она посмеивалась нежно и снисходительно.— Большие и маленькие — все одинаковы...

— О да, да, да!— почти с восторгом от того, что они все так одинаково понимают, подтверждала молодая чешка.

За окном все больше рассветало. С вечера боявшиеся проспать пассажиры поторопились умыться и приготовить вещи, и тут, как это часто бывает, оказалось, что до последней пограничной станции, где нужно было сходить усатому чеху и молодой женщине, осталось еще больше часу езды.

После короткой суеты приготовлений все успокоились и сидели, посматривая друг на друга, не зная, как убить самый длинный, последний час путешествия.

Усатый чех рассеянно поглядел в окно, от нечего делать потирая руки, затем обратился прямо к Марии Федоровне:

— Если я не ошибаюсь, вы как будто едете через нашу республику куда-то дальше? За кордон?

— Да,— сказала Мария Федоровна,— я еду в Ло. Есть там такой небольшой город Ло.

— Ах вот оно что! — удивился усатый, еще раз оглядев женщину, нисколько не похожую на дипломатического работника.— Могу предположить, что вы к кому-нибудь из родных направляетесь? Если не секрет...

— Нет, я по приглашению... Какой может быть секрет? Это я могу кому угодно рассказать...

Мария Федоровна до половины вытащила из сумочки длинный конверт и нерешительно положила его обратно.

— Вот оно, это письмо, и еще фотография на открытке. Я целую ночь, знаете, мучилась, а потом думаю: «Возьму и поеду, раз хорошие люди зовут». И поехала.

И вдруг, застенчиво улыбнувшись, призналась:

— Это я себе так говорю, а сама-то на самом деле волнуюсь. Уж очень я путешественник непривычный!

— Кто же вас приглашает? — все интересовался чех.

— Так, жители... Они мне не прямо, конечно, приглашение прислали, а сперва мы с ними имели переписку. Они мне пишут, а я отвечаю...

— Очень интересно,— сказал мужчина с усами,— можно вашу открытку посмотреть? У вас там, кажется, открытка?

Молодая женщина придвинулась к нему, и они вдвоем стали разглядывать открытку, на которой была снята тесно заставленная старыми, узкими домами площадь со старинным собором и таким же старинным каменным фонтаном посредине вымощенной брусчаткой мостовой. В стороне можно было различить сводчатую нишу, отмеченную на фотографии красным чернильным крестиком.

Внизу, как обычно, стояла подпись на трех языках: «Город Ло».

— Я могу вам объяснить, если интересно, как это получилось, что я туда еду,— сказала Мария Федоровна.

История письма и фотографии, присланных из далекого городка Ло в приволжский районный город, была известна даже ей самой только отчасти, далеко не полностью.

История же эта такова.

Ло стоит на франко-бельгийской границе. Городок не только что старый, а, можно сказать, старинный. Древний собор, украшенный каменными статуями величавых святых и фигурами бесов; площадь Ратуши, где некогда сжигали еретиков. Городские стены со следами ядер времен религиозных войн. А на окраине завод оптических приборов, консервная и текстильная фабрики.

Многие годы прошли с тех пор, как потухли на площади последние костры с обугленными телами еретиков. Давным-давно упали последние ядра кровавых религиозных войн.

Медленно прополз над городом долгий кошмар империалистической войны 1914 года, и шаткий Версальский мир воцарился над истощенной, изрытой окопами, обожженной ядовитыми газами Европой.

Как в тысяче других городов, жители Ло восторженно приветствовали мир. Как в тысяче других городов, жители Ло с отвращением думали о войне. Вернее, они вообще старались больше о ней не думать, и от этого им казалось, что войны не может быть.

Потом, когда война все-таки началась, они себя утешали тем, что это очень далеко, в какой-то там Абиссинии, где даже и цвет кожи у людей совсем другой, чем у европейцев. Потом война шла уже в Испании, фашисты силой захватили Чехословакию... Война была уже у порога. И тут многие люди, слишком долго полагавшие, что «все как-нибудь само обойдется», разом поверили, что все равно война неизбежна и ничто не в силах ее остановить, и, опустив руки, покорно ждали неизбежного.

И тогда война пришла. Рухнула от фашистской бомбы башня старинного собора, и на площади, усыпанной осколками разноцветных стекол средневековых витражей, у перевернутых тележек с цветной капустой и артишоками лежали убитые дети и женщины с сумками для продуктов в руках. И это были француженки и бельгийки, и лица у них были белые, а не черные, как у абиссинок, и было уже это в самом центре старой Европы, а не в далекой Африке.

Вслед за бомбежкой под рев танков и вой мин надвигался фашизм. Народ, не любивший войны, но еще больше ненавидевший фашизм, протянул руки, чтоб схватиться за оружие и попытаться отстоять свою независимость, но было уже поздно. Высокомерные генералы европейских армий, сверкая золотыми галунами, в воинственных кепи, фуражках, беретах, украшенных орлами и львами своих национальных гербов, поспешно сдавали в плен гитлеровцам своих взбешенных, ничего не понимающих солдат, пушки и танки с нерасстрелянным боезапасом.

Эти танки и пушки захватчики клеймили черными хвостатыми крестами, ставили новые номера и грузили в эшелоны, мчавшиеся на восточный фронт.

На людей нельзя было навести через трафарет новый номер и свастику и после этого быть уверенным, что они станут послушными рабами.

Но и с человеком можно сделать кое-что. Его можно сперва запугать, потом как-нибудь запутать и обмануть, и если это делать долго и систематически, то можно многого добиться, хотя это вовсе не такая легкая работа, как кажется. Главное же — нужно лишить людей надежды. Надежды на освобождение, на победу, на мир. Ведь человек

Из рассказов, поступивших на конкурс журнала «Огонек».

не становится рабом, когда на него наденут цепь. Рабом он становится только тогда, когда перестает надеяться и бороться.

А до тех пор, пока советская армия, единственная во всем мире, продолжала сражаться с фашизмом, надежда никак не хотела угасать в сердцах людей.

Жителям Ло твердили каждый день, что надеяться больше не на что: русские разбиты навсегда, они никогда, никогда не придут освобождать другие народы. И многие люди начинали терять последнюю надежду и, может быть, потеряли бы ее совсем, если бы несколько слов правды, торопливо нацарапанных на обрывке листовки, не перевешивали иной раз целых тонн испачканной черной газетной ложью типографской бумаги.

Тогда-то один хитроумный высший фашистский чиновник придумал кое-что.

Он сказал:

— Они не верят нашим газетам. Они не верят документам. Они не верят нашим фотографиям. Отлично, мы покажем им нечто такое, что заставит их поверить.

Шел 1942 год, весна. Была суббота, наступал вечер, и на улицах народа было больше обычного.

Уныло звякал колокол старого собора. Рабочие оптического завода, отработавшие смену, угрюмо поднимали вверх руки у ворот, где двое фашистских сыщиков ощупывали их карманы, прежде чем выпустить с завода на улицу.

Весенний запах цветущих деревьев носился в воздухе, но людям он казался безрадостным, как запах цветов на кладбище. Люди замерли на улицах, услышав звук, напомнивший им о первых днях фашистского нашествия, когда город был заполнен унылым шумом моторов бегущих с фронта английских танков.

Скоро между двух рядов домов показался тягач, тащивший на цепях разбитый и обгорелый танк с красной звездой на башне.

Очень медленно, сотрясая мостовую, заставляя отчаянно дребезжать окна домов, эта странная процессия двигалась по улицам.

Люди выбегали из подъездов, останавливались на полдороге, бросали свои дела и шли следом.

Встречные машины для развозки молока, грузовички с рекламами гусиного паштета на бортах, малолитражки с мягкими сиденьями и слабыми моторчиками для увеселительных прогулок останавливались в переулках, сторонясь перед мертвой стальной машиной-бойцом.

Танк дотащили до площади и оставили его там для всеобщего обозрения. Окружившая его толпа читала плакат, сообщавший, что этот русский танк захвачен победоносными германскими войсками под Москвой.

Толпа в мертвом молчании рассматривала обожженную, израненную машину, точно из другого мира, мира борьбы, явившуюся в тихий и как будто смирившийся со своим пленом городок...

Немного погодя в первый ряд протолкался однорукий человек в помятом военном кепи без кокарды.

Он обошел кругом танка, осмотрел его внимательно и резко сказал:

— Да. Этот дрался не на шутку.

Узнав в нем бывшего солдата, к нему стали прислушиваться. Высокий полный мужчина с розовыми щеками уныло сказал:

— Какая ужасная сила у фашистов, вот что они сделали с этим несчастным танком!

Однорукий сперва хотел промолчать, но не удержался и вдруг, повернувшись, взял за плечо человека единственной, но очень цепкой рукой и подтолкнул его довольно невежливо к стволу пушки:

— А это вы видите?

Толпа стала тесниться поближе, чтоб слышать солдата, и все увидели белые полоски, сделанные краской на стволе. Две толстые и четыре тонкие.

— Ну, я вижу. Полоски,— сказал розовощекий человек не без усилия, осторожно стараясь снять солдатскую руку со своего плеча,— а что они означают, эти полоски?

— Мсье, наверное, не бывал в солдатах? А? — с ядовитой вежливостью сказал солдат.— А то бы он знал, что во всех армиях мира такие полоски могут обозначать только одно: количество уничтоженных танков или пушек врага. Вот, вы видите? Четыре и две... Говорю вам, уж этот дрался не на шутку!

— И вот все-таки он в плену,— подавленно отозвался чей-то голос.

Рабочий в рубчатой вельветовой куртке, с которой время стерло уже добрую половину ее рубчиков, сказал, обращаясь к своему товарищу, но так громко, что слышали все:

— Парень, видно,— совсем осел! Железный лом достался фашистам — и больше ничего. Всякому дураку видно, что петли выжигали где-нибудь в тылу на заводе электрорезкой, чтобы вскрыть люк... Экипаж не вышел и не сдался. Однорукий верно сказал: эти дрались насмерть!

Толпа все прибывала, и несколько мальчишек даже полезли на броню, чтоб все рассмотреть поближе. На них ожесточенно зашикали со всех сторон, точно они топтали ногами памятник или шалили в церкви.

— Боже мой! Что же там... внутри? — замирая от благоговейного страха, спросила женщина, уже почти готовая расплакаться от всего, что она слышала.

— Ну теперь-то там ничего нет,— сказал мужской голос из толпы,— а кто там был, я могу тебе сказать. Герои там были, вот кто!

Солдат вдруг оглянулся и сказал:

— А не найдется ли у кого-нибудь фонарик?

В городе было затемнение, и карманный фонарик найти было нетрудно. Поддерживаемый многими руками, солдат решительно забрался на борт танка и скрылся в зияющем люке с сорванной крышкой.

На площади уже темнело, и сквозь пробоину в борту стоящим вокруг людям был виден луч фонарика, бродивший внутри, освещая стены танка.

— Ну, что там? — спрашивали самые нетерпеливые, заглядывая сверху в люк.

— Ничего. Все разбито...— послышался глухой ответ изнутри.

Немного погодя солдат крикнул:

— Тут есть какие-то буквы. По-русски никто не сумеет разобрать?

Сидевший на броне человек в вельветовой куртке повторил, обращаясь к толпе, его слова, и все стали оглядываться, ища, нет ли когонибудь, кто сумел бы разобрать русские слова.

Пожилой человек в высоком воротничке и черном галстуке, преподаватель мужского лицея, подошел и в нерешительности остановился, поглядывая вверх:

— Я бы мог, но... как мне туда забраться?

Ему протянули сверху руки, и он сделал попытку подняться, но тотчас, покраснев от усилия, неловко спрыгнул обратно.

— Скажите, а там много написано?

— Всего несколько слов,— высовываясь из люка, ответил однорукий.

Преподаватель протянул записную книжку с тонким карандашиком.

— Может быть, вы сами сумеете списать?

Человек, сидевший около люка, на броне, передал книжку однорукому.

Толпа молча ждала. В сумерках на площади сквозь пробоину светил упершийся теперь неподвижно в одно место фонарик.

Наконец однорукий снова высунулся и отдал рабочему книжку, объявив, что больше разобрать ничего невозможно: дальше все обгорело.

— Можно что-нибудь понять? — слезая на землю, спросил он у преподавателя лицея.— Это там написано прямо на стенке химическим карандашом. Я все точно срисовал.

Преподаватель лицея надел пенсне, приблизил книжку к самым глазам, потом огляделся кругом, нервно откашлялся и сказал:

— Тут написано следующее: «...русские танкисты умирают...» — и дальше уже нельзя разобрать ничего, кроме слова «Александр». Это — имя, но также, может быть, незаконченная фамилия.

Он снял пенсне, растерянно моргая, вынул носовой платок и стал сморкаться.

Из задних рядов стали просить, чтоб он прочел еще раз, погромче.

И старый учитель прочел те же слова, но совсем по-другому. Он был преподаватель языков — новых и древних. И, сам не зная почему, он прочел эту надпись, сделанную чернильным карандашом на куске брони, тем звучным, немного тягучим и размеренным голосом, каким он читал ученикам строфы «Илиады». А «Илиада» для него была высшим проявлением человеческого духа на свете. Только когда он произносил последнее слово, голос у него дрогнул от волнения, чего с ним никогда не случалось, когда он декламировал «Илиаду».

— Дайте это нам,— сказал рабочий в вельветовой куртке, протягивая руку к записной книжке.

Тщедушный учитель сверкнул глазами:

— Ни за что! — он повернулся и пошел сквозь расступающуюся толпу, прижимая книжку к груди. Вся толпа в молчании, прерываемом вздохами женщин, стояла с обнаженными головами перед мертвым танком, как перед священным памятником.

На следующее утро фашистский наместник, приехавший полюбоваться тем, какое впечатление произвел на жителей выставленный на площади танк, стал свидетелем необыкновенного зрелища, весть о котором через несколько дней радио разнесло по всему миру: разбитый советский танк, выставленный на площади города, жители засыпали цветами так, что не стало видно его рваных стальных ран и обожженных бортов.

И этот день в летописях города был отмечен как начало народного движения сопротивления фашистам.

Такова была история, происшедшая в 1942 году в Ло, история, которую только в общих чертах знала Мария Федоровна. Закончив рассказ, она помолчала, вздохнула и добавила:

— Танк, конечно, фашисты поспешили убрать после такого приема. Но вот в письме оттуда мне пишут, что с тех пор каждый год в этой нише — видите, она на открытке отмечена красным крестиком — в годовщину события снова появляются цветы.

Послезавтра как раз будет опять годовщина. И жители попросили меня к ним приехать в этот день. Да, удалось установить, кто был командиром танка: сержант Александров. Я ведь вам, кажется, не назвала свою фамилию? Александрова, Мария Федоровна. Это был мой сын, младший, Саша.

Она произносила это имя без горечи, со спокойной, тихой нежностью.

— Сейчас многие матери в этом городе помогают собирать подписи за мир, и вот они зовут меня к себе, потому что очень, очень многие помнят все, что было, когда у них на площади появился сашин танк, и они пишут, что хотят в эти дни увидеть у себя его мать, русскую мать, которая, это они так пишут, вот тут в письме... которая отдала... да, они знают, что у меня трое сыновей погибло... Как же мне было отказаться? Вот я и поехала...

Мария Федоровна замолчала.

Усатый чех, потирая подбородок, сурово хмурился, упрямо глядя в пол.

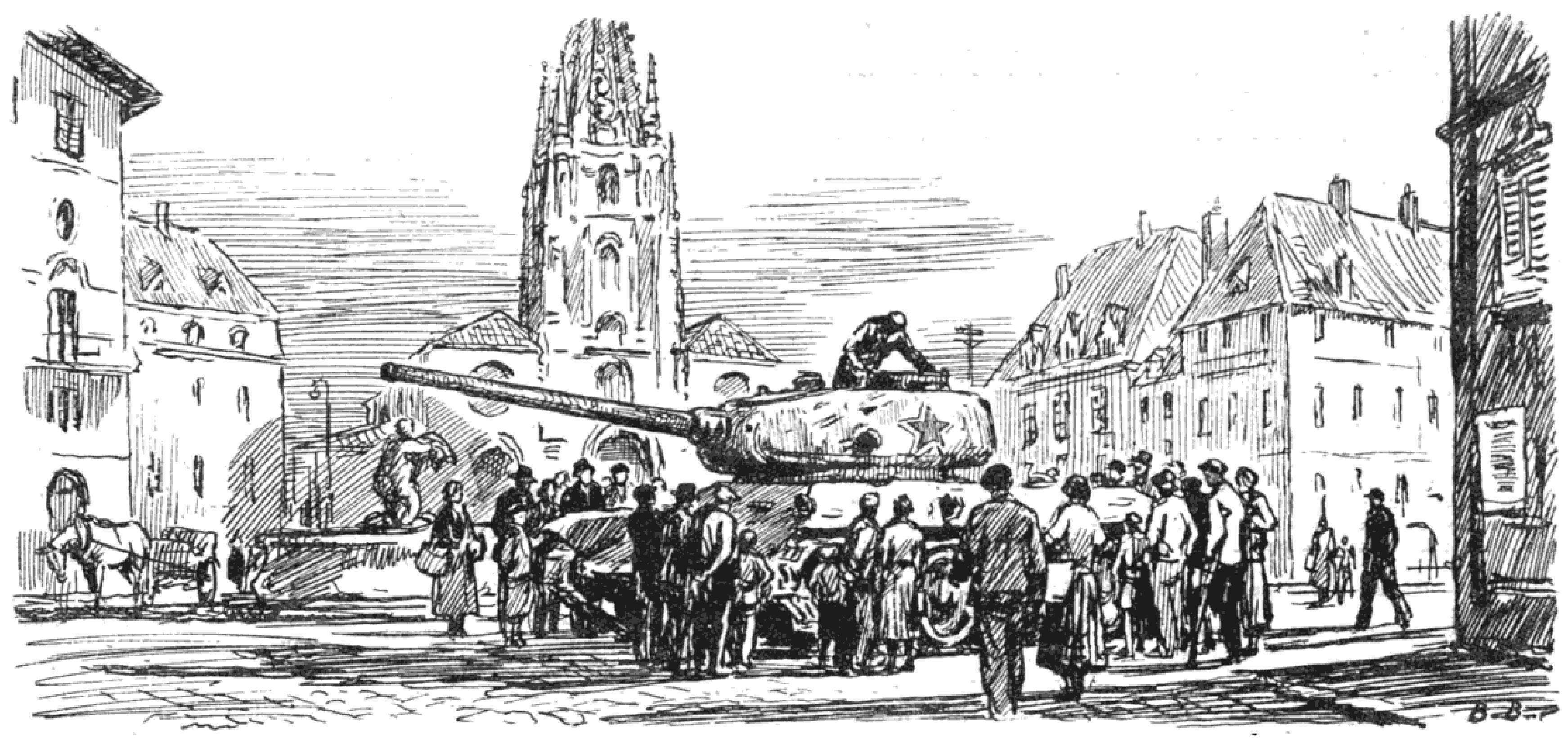
Молодая чешка, машинально поглаживая ушастую лошадиную головку, с тоской проговорила, глядя ей в лицо:

— Боже мой, трое?

— Да, все трое,— медленно наклонила голову мать,— Саша... Виктор погиб в бою под Варшавой. Третий, Сережа,— в Берлине, в день конца войны.

— Какое горе! — сказала почти шепотом молодая женщина.

— Что ж делать... У многих, многих матерей у нас и в других странах вырастут счастливые дети, потому что погибли мои сыновья...

— Любая мать мира могла бы только гордиться такими сыновьями,— сказал чех.— Герои! Воины!

— Да, герои... солдаты... воины... мальчики...— Мать на минуту прикрыла глаза и упрямо сжала задрожавшие губы.— Это только мы знаем с вами, какие они, наши мальчики... Только нам это знать, да?..

Молодая женщина порывисто протянула обе руки и сверху прижала ими морщинистую руку матери, лежавшую на колене.

Со снисходительной материнской лаской та ответила на пожатие и улыбнулась своей обычной тихой и как будто застенчивой улыбкой.

На последней станции перед границей поезд стоял долго — около часа. Усатый чех едва уговорил Марию Федоровну выйти погулять по платформе, подышать свежим воздухом — ей страшновато казалось сойти с подножки: вдруг поезд уйдет, и она останется, а там ждут ее люди!

После вагона на воздухе показалось свежо. Немногочисленные пассажиры неторопливо расходились с платформы. Где-то невдалеке по-домашнему пропел петух. Весенняя, праздничная тишина начиналась сразу от платформы. Было тихо в окрестных холмистых полях, на безлюдной утренней дороге и в селенье, разбросанном по склону зеленого холма.

Молодая женщина познакомила Марию Федоровну с мужем, который пришел ее встречать на станцию, и раза три принималась с ней прощаться, прежде чем решилась наконец уйти.

Усатый чех при прощании неожиданно снял шляпу и представился. Фамилию Мария Федоровна не разобрала, но имя запомнила: Милослав. Он обещался еще раз обязательно заглянуть на станцию перед отходом поезда.

Двое очень вежливых людей в форме просмотрели ее заграничный паспорт, сказали, что все в порядке, взяли под козырек и неторопливо ушли по своим делам.

Она и сама знала, что у нее все в порядке. Уложив паспорт обратно в сумочку, она присела на станционную скамейку, поближе к своему вагону, чтобы не прозевать отхода поезда.

На душе у нее было спокойно и немного торжественно, как в утро большого праздника. Она сидела, выпрямившись, по привычке не опираясь на спинку скамьи, и думала теперь уже только о том, что ждет ее впереди. Она старалась представить людей, которые ее ожидают. Увидит ли она там однорукого солдата, который срисовал надпись, сделанную ее сыном? Преподаватель лицея жив, его подпись стояла одной из первых в письме. Он один из организаторов сбора подписей в защиту мира в своем родном Ло.

С теплым чувством она думала об этом незнакомом человеке, в записной книжке которого до сих пор хранятся последние слова Саши... Ей казалось, что она сразу узнает этого человека, как только его увидит. Остальных она не могла себе представить ясно. Чаще всего ей казалось, что это все женщины, матери, как она сама. Молодые и старые и совсем юные матери, которые хотят спасти своих детей от ужасов новой войны. Некоторых она представляла себе теперь похожими на ту молодую чешку, которая ехала с ней в поезде.

Думая о предстоящей встрече, она все-таки начинала волноваться. Заметив, что пальцы сами собой судорожно переплелись, она сейчас же разняла их и попрежнему покойно сложила на коленях руки.

Потом подумала: как слабы руки матери, бессильно цепляющиеся за сына, которого отнимает у нее преступная война. Какая могучая сила может быть в руках матерей, когда они объединятся по всему свету для того, чтобы защитить не одного своего единственного, а всех сыновей и дочерей на земле, всех своих мальчиков и девочек, белых и черных, смуглых и желтых...

Паровоз, совсем было затихший, ожил и задышал шумно и медленно, точно расправляя грудь перед тем, как пуститься в путь. Мария Федоровна с легким беспокойством осмотрелась, но на платформе все было спокойно: видимо, поезд еще не так скоро собирался отходить. Только те двое в форме, что проверяли паспорт, вышли из помещения и, оглядевшись, направились в ее сторону.

Они остановились около ее скамейки, и один произнес какую-то длинную извинительную фразу, из которой она поняла, что хотя им и очень неприятно, но приходится еще раз попросить у нее паспорт.

— Да что вы извиняетесь? — приветливо сказала мать.— Пожалуйста, берите, если надо. Тут все в порядке.

Они поблагодарили и ушли в свое помещение, на ходу перелистывая странички паспорта.

Теперь ей хотелось бы, пожалуй, уже сидеть на своем месте в вагоне, потому что на платформу стали выходить понемногу пассажиры с багажом, а паровоз бухал паром, не затихая, точно ему не терпелось приняться за дело.

Запыхавшийся Милослав появился на платформе и, помахивая издали рукой, радостно устремился к Марии Федоровне. Они вместе подошли к вагону. Взявшись рукой за поручень, мать почувствовала себя увереннее. Они с Милославом стояли у подножки и смотрели на дверь станционного здания, откуда должны были принести ей паспорт.

— Ну вот! — обрадованно сказал Милослав.— Они уже идут, можете садиться в вагон!

Двое в форме подходили быстрыми шагами.

— Наконец-то,— с облегчением улыбнулась Мария Федоровна,— а то я, знаете, путешественник какой!.. Все волнуюсь, сама не знаю чего!

— Пани Александрова,— вполголоса сказал человек в форме, который держал ее паспорт,— ваша виза аннулирована. Вам нельзя будет переехать границу.

Мать почувствовала, как кровь медленно заливает краской лицо, точно ее ударили.

— Постойте,— сказала она, принимая у него из рук паспорт и еще крепче сжимая другой рукой поручень,— этого не может быть. Вы поймите, сейчас поезд уходит, я же опоздаю на поезд, а там меня ожидают люди...

— Виза на въезд!—терпеливо и печально повторил человек в форме.

— Ну да, да, виза. У меня есть виза. Они же мне дали визу на въезд,— почти обрадовавшись, мать нетерпеливо перелистала и раскрыла паспорт на том месте, где стоял штамп.

— Так, так,— не глядя, подтвердил человек в форме,— виза есть. Но нас предупредили, что виза аннулирована по параграфу 96... Пани понимает, что наша страна тут не при чем. Наша власть кончается на границе.

Милослав, который молча переводил взгляд с одного на другого и все больше мрачнел, нерешительно сказал:

— Может быть, можно дать телеграмму, попросить...

Мать, которая стояла с лицом, залитым краской, и молчала, при этих словах подняла голову.

— Я не просительница какая-нибудь!.. Ничего просить у них не стану.

— Надо снять вещи,— сказал один из людей в форме и поднялся по ступенькам на площадку.

Другой еще раз вполголоса обратился к матери:

— Прошу извинить, но мы тут совершенно не при чем. Нам так не хотелось, чтоб с вами было такое недоразумение!

— Великая подлость! — сказал Милослав, и человек в форме, покосившись на него, сочувственно кивнул.

Когда поезд медленно двинулся вдоль платформы, мать крепко сжала губы и отвернулась.

Вытащенные из вагона чемоданы сиротливо стояли рядышком на опустевшей платформе.

— Обратный поезд будет через четыре часа двадцать минут,—

сказал старший человек в форме. — Вы можете отдохнуть у меня в доме. Вот он, рядом со станцией. Моя жена будет очень счастлива.

— Мой дом тоже рядом,— сказал Милослав,— и мы с пани старые знакомые.

— Нет, мне бы лучше сейчас одной побыть,— тихо проговорила мать. — Я тут посижу... Что это за параграф 96, кажется, так вы сказали?

Старший пожал плечами с корректным презрением пограничного работника, привыкшего не вмешиваться в чужие дела:

— У них теперь введен параграф 96, это параграф о «нежелательных иностранцах».

— Понимаю. Да. И мои сыновья теперь «нежелательные иностранцы». Я теперь понимаю.

Она встала, спустилась по ступенькам и пошла по дорожке, в сторону от станции.

Тревожный, весенний ветерок шевелил волосы на лбу, земля под ногами еще не просохла, и на матовых стебельках и листьях травы застыли капельки чистой росы. Осыпавшийся цвет, белый и розовый, лежал на земле под белыми стволами фруктовых деревьев.

Она шла быстро, стараясь подальше отойти от людей. Наконец, когда ей показалось, что она совсем одна в поле, она сказала вслух:

— Гадко!.. Как это гадко! — и заплакала от обиды. Не за себя, а за тех троих солдат-воинов, которые остались для нее навсегда ее мальчиками в кожаных шлемах и стальных касках. Ей казалось, что их оскорбляли эти подлые, казенные слова о «нежелательных иностранцах»...

— Пани...— услышала она позади извиняющийся, полный огорчения голос Милослава.

— Гадко мне! — с тоской сказала мать.

— О, как гадко! — с отвращением подтвердил Милослав и, мягко взяв ее под руку, повел, незаметно стараясь заставить ее идти помедленней.

Они потихоньку прошли по тропинке через все поле и начали подниматься на зеленый, поросший травой холм.

— Вот тут можно немного посидеть, если вы устали,— сказал Милослав, и через открытую калитку они вошли на кладбище.

Негустая тень от деревьев, покрытых мелкой весенней листвой, колеблющимися пятнами лежала на крестах и каменных урнах с наброшенными на них траурными покрывалами. Монотонно позвякивал колокол костела, невидимого за деревьями.

Около старой железной ограды они сели на скамеечку под деревом, в ветвях которого шумно щебетали и перелетали с места на место птицы.

Несколько фигур в черном, большею частью женских, неторопливо, поодиночке расходились по заросшим травой дорожкам, каждая направляясь к своему уголку.

Немного в стороне, на поляне, сквозь листву просвечивал каменный обелиск, стоявший отдельно. Две женщины, проходя мимо, остановились около него, рассыпали у подножья пучки полевых цветов, постояли минуту, опустив головы, и пошли дальше.

Женщина, рассаживавшая кустики анютиных глазок в маленькой ограде, закончив свою работу, поднялась на ноги. В ее испачканных землей руках было три кустика фиолетовых бархатистых цветов. Осторожно прижимая их к груди, чтоб не осыпалась с корней земля, она пошла на поляну и там, став опять на колени, любовно и тщательно вкопала их в землю.

— Куда это все несут цветы, Милослав? — довольно безучастно спросила немного погодя мать.

Милослав следил глазами за двумя стариками, вероятно, мужем и женой. Поддерживая друг друга под руки, они медленно прошли за деревьями, бережно неся по нескольку белых нарциссов на тонких стебельках.

— Что ж! Пойдемте! — сказал Милослав и взял мать под руку.

Около ворот, где остановилась большая машина вроде автобуса, послышалось множество оживленных, очень молодых голосов. Переговариваясь вполголоса, несколько десятков молодых людей обогнали Милослава и Марию Федоровну.

Когда они вышли на поляну, молодежь уже стояла молча, окружив каменный обелиск с пятиконечной звездой на верхушке. Юноши были без шапок. Две девушки в светлых платьях заботливо раскладывали букеты цветов. Постояв в молчании, юноши и девушки двинулись к выходу, потом на полдороге негромко заговорили и, выйдя из ограды кладбища, шумно стали рассаживаться в машине.

Мать подошла к обелиску. Три имени были выбиты на камне:

Гвардии лейтенант Шаповалов В.
Гвардии рядовой Габриэлян С.
Наташа, санинструктор.

Железная цепь на столбиках огораживала небольшой квадрат у подножья, устланный свежими цветами. Немного дальше виднелись вчерашние и, вероятно, еще более ранние цветы.

Двое стариков, таких дряхлых, что никак нельзя было понять, кто из них кого поддерживает, только теперь добрались своими шаркающими шажками до поляны и, выбрав свободное место, с трудом нагибаясь, сложили в сторонке от более ярких и пышных цветов свои нарциссы на длинных стебельках.

— Ну вот, опять плакать? — укоризненно покачал головой Милослав.

Не отвечая, мать смотрела на старичков-чехов, на полузавядшие и совсем свежие цветы.

— Что сегодня за день, Милослав? — спросила она наконец.

— Просто воскресенье, пани. Только плакать не следует.

— Это совсем другие слезы. Сердце оттаяло — вот и все. Какой хороший ваш народ, Милослав!

— Ну-ну. Немало есть еще народов на этом свете, что умеют не забывать великого долга братской благодарности. И наш-то как раз не из тех, что забывают. Нет!

Незабываемое

Сергей ОРЛОВ

В КИНО

В колхозе в кино на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу.
И им бы,
вот так же рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу.

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен,

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкой на них непрестанно
Притихшие жены глядят.

Как будто кузнечик железный,
Стучит в тишине аппарат,
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага...
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал,
но медаль за отвагу
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет,
Мальчишки за нею бегут,
Кинопередвижку соседи
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые стяги
И дымный туман над рекой...
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

ДОМИК-МУЗЕЙ СТАЛИНА В ВОЛОГДЕ

Почистив сапоги о скобы
Старательно в сенях дощатых,
Заходят нынче хлеборобы
В дом, как в кремлевские палаты.

Идут степенно друг за другом...
Здесь вымыты полы до блеска.
И возле самой двери угол
Задернут легкой занавеской.

Так поселяются солдаты,
Чтобы в минуту в путь собраться,
В поход под пули и гранаты
По зову боевого братства.

В окно стучит березы ветка...
Глядят льноводы, плотогоны
На койку, столик, табуретку,
На старый том Фламмариона.

Как будто бы к суровой дали
Они сердцами прикоснулись.
И видят, как товарищ Сталин
Идет вдоль вологодских улиц,
Сквозь ночь и вьюгу строгим шагом,
Через высокие сугробы...

Восхищены его отвагой,
Стоят в музее хлеборобы,
Ходившие прямым маршрутом
От стен Москвы до стен Берлина,
Вошедшие под гром салютов
В приказы Сталина, в былины.

Синие дали

А. КОВАЛЕНКОВ

Рожь колосилась, березы шумели,
Дом окружали леса и луга...
Родина наша, ты нам с колыбели
Каждой былинкой своей дорога,
Каждой тропинкой, где с милой гуляли,
Вместе вечерние звезды встречали,
И за холмы нас манили и звали
Дальние дали, синие дали.

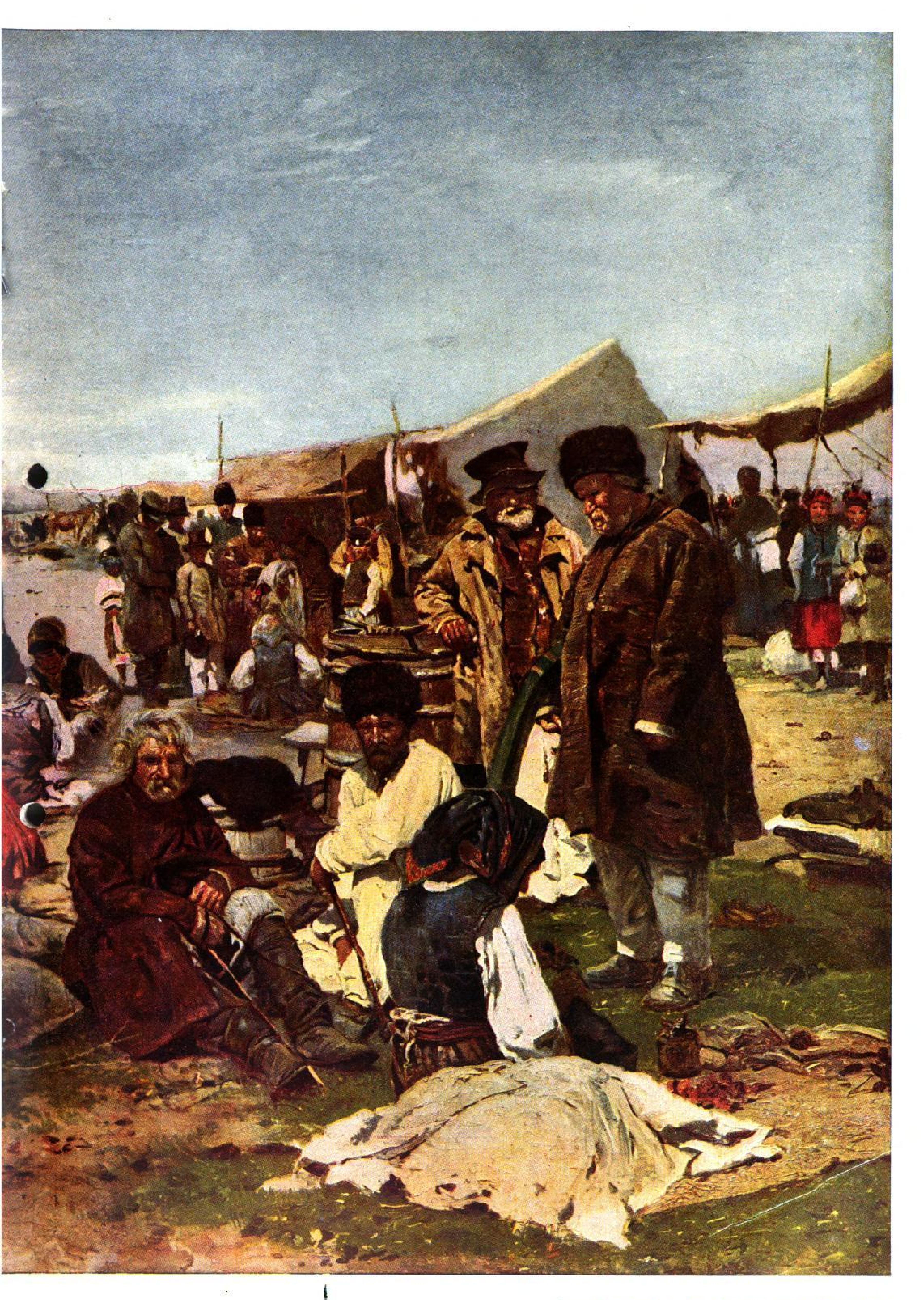
Но не затем, чтоб иная, чужая
Счастье свое отдала нам земля,
Мы уходили, и, нас провожая,
Ласточки мчались в родные поля.
Там, где мы были, сады расцветали,
Страны из праха и пепла вставали,
К дружбе дорогу сердцам открывали
Дальние дали, синие дали.

Утренним светом окрашены флаги,
Свежестью дышит простор полевой,
В селах румынских, на улицах Праги
Видно, как солнце взошло над Москвой.
Слышно, как в борозды зерна упали,
В знойной степи тополя зашептали...
Значит, недаром манили и звали
Дальние дали, синие дали.

В. Е. Маковский. ЯРМАРКА В ПОЛТАВЕ.

Государственный музей русского искусства, г. Киев.

И. Е. Репин. УКРАИНСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Государственный музей русского искусства, г. Киев.

«Огонек». 1950.

Величайший вклад Советского Союза

Джеймс Г. ЭНДИКОТТ,
председатель Канадского комитета защиты мира

Успешное построение социалистического общества — величайший вклад, который Советский Союз внес в дело мира во всем мире. Социалистическое общество продемонстрировало свой бесспорно мирный характер и показало, что оно не нуждается в войне, чтобы обеспечить всем работу и благосостояние.

Я принадлежу к протестантской церкви, которая на одной из своих самых больших конференций приняла резолюцию, осуждающую капиталистическую систему, основанную на алчности и эгоизме, систему, неспособную обеспечить работу и равноправие, систему, представляющую опасность для прогресса и благосостояния человечества. Многие честные люди в Канаде согласились бы с этим приговором, но некоторые из них еще верят буржуазной пропаганде о стране социализма. В то же время канадцы уже знают, что социализм доказал свой успех и что он ведет к миру и к улучшению благосостояния, а не к войне.

Д. Эндикотт.

Мне хотелось бы поздравить советский народ с одним из лучших доказательств мирного планирования. Я имею в виду новые проекты строительства мощных электростанций и оросительных каналов, которые вы начинаете строить. Капиталистическому миру, расходующему более половины своих бюджетов на вооружение и войну, трудно поверить в это. Более того, это строительство — лучшее доказательство, что вы трудитесь на благо мира и созидания, а не для разрушения.

Вот строки, которые миролюбивые люди всех стран с радостью читают в вашей печати:

«Осуществление проектов в заволжских равнинах, в пустынях Туркмении, в степях Украины и Крыма является делом огромной важности... Советская промышленность обеспечит высокий уровень механизации строительных работ. Советский народ обладает мощной социалистической промышленностью, которая поможет ему преобразить лицо земли. Советские люди направят стальные армии машин для прохода через горы и под землей, для изменения течения рек и подъема их уровня. Смелость новых проектов, не имеющая себе равной даже в истории Советского Союза, наполняет советских людей радостью и вдохновением».

Чем больше вы делаете в этой области, чем больше угнетенные народы мира узнают о достижениях Советского Союза в деле подъема благосостояния людей, тем сильнее становится требование мира во всем мире.

Говоря о роли Советского Союза в борьбе за мир, прежде всего следует с благодарностью указать на великолепную борьбу советского народа, защитившего свое социалистическое Отечество от армий растленного капитализма, от войск гитлеровского фашизма. Советский народ полностью уничтожил военную мощь злейших врагов человеческого прогресса. Союзники Гитлера с Уолл-стрита, фашиствующие монополисты пытаются в настоящее время восстановить военную мощь как Западной Германии, так и Японии, но это им не поможет.

Соединенные Штаты могут иметь армию в Европе, они могут объединить уцелевших фашистов, однако они не добьются успеха. Фактором, изменившим соотношение сил в пользу мира, является растущая мощь советского социалистического государства и его помощь демократическим странам в восстановлении хозяйства, разрушенного войной, на разумной, социалистической основе.

В настоящее время империалистам все труднее удерживать колониальные страны в состоянии отсталости. И сейчас важное значение имеет разрешение национального вопроса в международном масштабе.

Прозорливый гений великого Сталина разрешил национальный вопрос молодого социалистического государства с первых дней его существования на основе абсолютного равенства и независимости народов и рас. Грандиозный успех разрешения национального вопроса в СССР приобрел сейчас силу магнита, притягивающего угнетенные народы к союзу с советским государством и лагерем мира.

В Азии идет большая национально-освободительная война. Я был миссионером христианской церкви в Китае в течение двадцати лет и видел тяжелые условия и гнет, которые сделали эту войну китайского народа законной и справедливой борьбой за свободу и независимость.

Угнетенные народы Азии сознают, что в лице Советского Союза они имеют друга и помощника. Крупные капиталисты, землевладельцы и финансовые гангстеры понимают, что у них есть только один жандарм, который может помочь им удержаться у власти, а именно — Соединенные Штаты.

Президент Трумэн недавно заявил всему миру по радио, что американская политика миролюбива. Однако солдаты Трумэна заняты тем, что во всех частях мира убивают людей: в Греции, в Корее, в последнее время в Китае. Они жестоко подавляют национально-освободительную борьбу в Японии, Вьетнаме, на Формозе, Филиппинах и т. д. Ни один честный человек, знающий факты, не может верить Трумэну. Мистер Трумэн сказал, что Америка признает «частное хозяйство», а его агент Макартур и марионетка Ли Сын Ман в настоящее время заняты тем, что убивают людей в их домах в Корее и восстанавливают власть крупных землевладельцев. В противоположность этому Советский Союз показал, как его политика дружеских взаимоотношений, основанная на равенстве и независимости для всех народов, осуществляется на практике.

Силы мира во всем мире возросли благодаря тому энтузиазму, с каким советский народ подписался под Стокгольмским Воззванием. В капиталистических странах пропаганда вначале убеждала нас, что советское правительство никогда не согласится с этим Воззванием. Затем буржуазная печать заявила, что советскому народу не разрешат подписать его. В настоящее время эта печать пытается утверждать, что советские люди были-де «принуждены» подписать Воззвание и что поэтому успех кампании по сбору подписей ничего не доказывает.

Сотни миллионов подписей простых людей всего земного шара стали огромной моральной силой, препятствующей планам поджигателей войны.

Наступило время, когда все миролюбивые народы должны потребовать от всех правительств приступить к постепенному разоружению, прекратить военную пропаганду и придти к твердому соглашению о запрещении атомного оружия, предназначенного для массового уничтожения людей.

Единодушие советских людей — величайший фактор в деле успешного осуществления программы мира и прогресса.

Торонто, КАНАДА.

Перевод с английского
А. КУБИЦКОЙ

Большие перемены

«Это была настоящая катастрофа: теперь, когда после долгих месяцев скудных уловов показалась рыба, ему придется сидеть на берегу и смотреть, как ловят другие. Худшего несчастья нельзя и придумать для рыбака. И разве так скоро удастся обзавестись новыми сетями... Влезть в долги? Но к кому обратиться?»

Так горестно размышлял Оскар Клява, герой известного романа Вилиса Лациса «Сын рыбака», после того, как в море были уничтожены его сети.

Горькой была доля рыбака-труженика в буржуазной Латвии. Тяжелыми цепями долгов опутывали его со всех сторон рыботорговцы, лавочники, кулаки. До конца жизни не мог он выбраться из кабалы. Кто мог помочь тогда простому рыбаку?

Сейчас в рыболовецких колхозах советской Латвии никто не задает подобного вопроса. Государство предоставляет рыбакам прекрасные сети, суда, вдоволь снабжает всем необходимым. Созданы специальные судоверфи, строящие рыбачий флот, сетевязальная фабрика, разрабатываются и внедряются новые методы лова.

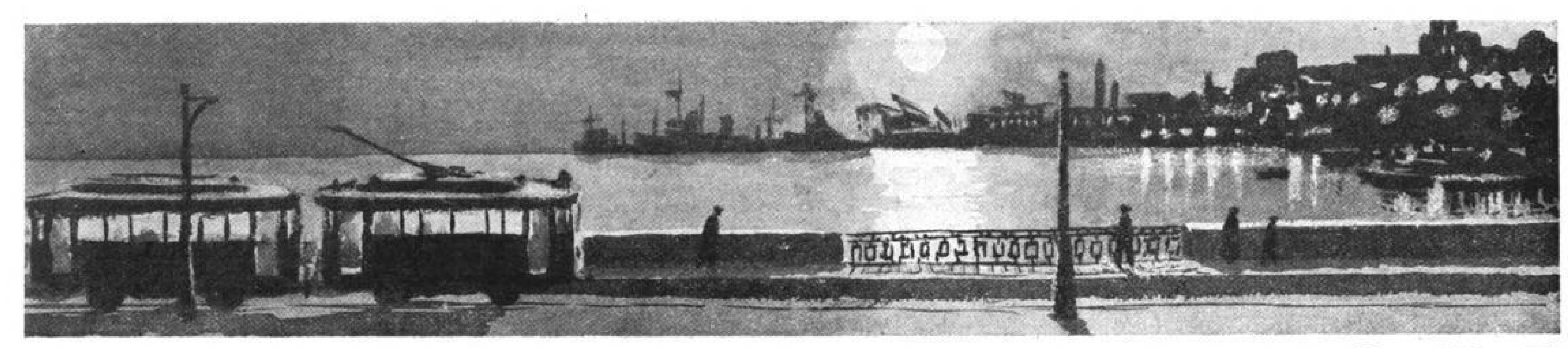
А недавно, по примеру машинно-тракторных станций, обслуживающих колхозы, в советской Латвии создана первая в республике моторно-рыболовная станция. Находится она в Повилосте, неподалеку от Вентспилса. Станция снабжает рыболовецкие колхозы судами и всеми необходимыми орудиями лова. В ее распоряжении гигантские ставные неводы длиной до полутора километров, подвесные неводы для глубинного лова, всевозможные сети... Она располагает флотилией тралово-рыболовецких ботов самой последней конструкции.

Мы побывали в рыбачьем поселке в Манголе и познакомились здесь с рыбаком Янисом Упаном.

— Смотрю я, — сказал Упан, — и море, и дюны, и сосны — все вокруг, как в давние времена. Только они и остались такими. А жизнь переменилась. Вот, знаете, Оскар Клява из «Сына рыбака» мечтал о лучших днях, а того, что мы сейчас имеем, он и в мечтах не видел. Куда там! Глядите, какая подмога опять нам идет, — и он показал рукой на новенькие мотоботы, только что спущенные с судоверфи.

Р. ЕВГЕНЬЕВ

Новый мотобот, недавно спущенный на воду.

В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ

Повесть

Михаил МАКЛЯРСКИЙ

Рисунки О. Верейского

ГЛАВА ВТОРАЯ

В тот же воскресный июльский день, когда подполковник Никонов беседовал со старшим лейтенантом Киселевым, Кларк лежал на тахте, изнемогая от духоты.

Час тому назад, вернувшись из консульства, где он читал только что привезенную дипкурьером почту, Кларк запер дверь комнаты, разделся, постелил на тахту свежую простыню, вынул из рефрижератора бутылку нарзана и ванночку с кубиками льда. Он хотел прихватить еще бутылку виски, но раздумал: «Очень уж жарко!» Поставив все это на столик у изголовья, он лег.

В квартире было тихо: соседи то ли ушли, то ли замерли в ожидании того времени, когда раскаленный полуденными лучами воздух хоть немного охладится.

Кларку не лежалось: слегка накрахмаленная и до блеска выутюженная простыня, еще недавно приятно прилегавшая к телу, взмокла и сделалась липкой.

Впрочем, лежать спокойно мешала не только жара, пожалуй, даже не столько жара, сколько тревожные мысли. Прочитанная в консульстве почта принесла Кларку весьма серьезные огорчения. Теперь он имел возможность без помех перебрать в памяти события последнего времени...

О существовании ОКБ инженера Дмитриева он узнал через восемь месяцев после приезда в город, а с тех пор прошло еще восемь.

«Ну можно ли было думать, что это превосходнейшее дело превратится чорт знает во что!» Теперь, когда триумф стал приносить одни неприятности, Кларк в унынии доходил даже до того, что ругал себя за свое открытие: «Идиот! Кретин! Выскочка! Вот и получай за свое дурацкое рвение!.. Дьявол его возьми, это «открытие»! Лучше бы его и не было вовсе!»

Но даже теперь Кларк не мог устоять против искушения и не вспомнить дней триумфа.

Полковник Паттон в одном из писем намекнул, что в случае удачного завершения дела (имелось в виду получение исчерпывающей технической информации о работе инженера Дмитриева) Кларк может рассчитывать на медаль «За заслуги» и повышение жалованья. Между тем шеф отнюдь не тароват на подобные посулы.

«Медаль!.. Тут уж не до медали. Ноги бы унести, и то было бы хорошо! — со злостью подумал Кларк. Он взял запотевший стакан, глотнул воды.— Надо было все-таки добавить виски...»

В коридоре раздался звонок телефона. Кларк прислушался. Старческий женский голос завел какой-то длинный разговор. Звонок на время отвлек от неприятных мыслей. Кларк подумал о том, как удобно удалось ему устроиться. Многие в консульстве были удивлены, когда узнали, что он поселился в квартире, где, кроме него, жили еще две семьи. Неужели ему приятно жить бок о бок с русскими? Правда, его две комнаты отделялись от остальных особым коридором и имели дополнительный выход через «черную лестницу», но все же... И почему он не поставит себе отдельного телефона? Кларк в ответ на это неопределенно разводил руками, говорил: «Я человек непритязательный!» Это, конечно, звучало не очень убедительно, но не мог же он объяснить, что лучшее место для конспиративных встреч придумать трудно: в квартире жил зубной врач, и люди, нужные Кларку, могли приходить под видом пациентов, а телефон стоял в общей передней, где пациенты сидели в ожидании приема,— Кларку удобно было, подойдя к телефону, незаметно сунуть «пациенту» записочку или получить от него необходимые сведения.

«Устроился удобно, ничего не скажешь. Да что толку-то?.. Если дела и дальше будут идти так же скверно, Паттон сживет со света».

В пачке писем, полученных сегодня консульством, он нашел конверт бледнозеленого цвета со штампом «Совершенно секретно». Полковник Паттон в обычном своем стиле, то есть в выражениях весьма энергичных, распекал капитана за медлительное выполнение операции «Грайф». Более того, полковник угрожал — в том случае, если операция будет сорвана,— перевести его в Эфиопию... О медали, повышении жалованья давно уже ничего не говорилось в начальственных посланиях.

Кларк хорошо знал нрав своего патрона: у полковника слово никогда не расходилось с делом. Если операция «Грайф» будет провалена... Провалена? Если Кларк не сумеет провести ее в самое ближайшее время, то и тогда путешествие в эту африканскую дыру можно считать вполне обеспеченным. А надежд на скорое осуществление операции не было.

Мысли Кларка вновь вернулись к его первому донесению об инженере Дмитриеве.

Впервые за все время работы в разведке Кларк не просто сообщил добытые факты, но и отважился на весьма широкие обобщения. Он был уверен, что шеф, не выносящий «разглагольствований» подчиненных и требовавший лишь голых фактов, на этот раз с величайшим удовольствием прочтет и «разглагольствования». И действительно, Паттон из «маринованной миноги в обмороке» (так подчиненные окрестили полковника за его необычайную худобу и столь же необычайную анемичность) превратился в настоящего угря, лишь только прочел следующие строки: «Учитывая все сказанное выше, можно утверждать, что русские работают над опытной («малой», как они называют) серией такого реактивного двигателя, установка которого на истребительном самолете позволит необычайно увеличить радиус действия последнего. Практически это означает — таково было завершающее «обобщение» Кларка,— что самолеты будут способны перехватывать нашу бомбардировочную авиацию еще до того, как она появится над территорией Советов. Нетрудно отсюда сделать вывод,— писал Кларк, любуясь изяществом своего эпистолярного стиля,— насколько мотор Дмитриева при данном уровне мировой реактивной техники снижает эффективность использования атомного оружия в предстоящей войне против СССР».

Что касается фактической стороны дела, то, по совести говоря, она в донесении Кларка выглядела не очень убедительно. Если уж быть совсем точным, вся она сводилась к одному факту: первые экспериментальные образцы двигателя, сконструированного Дмитриевым, работали на испытательном стенде срок, во много раз превышающий норму для данного рода двигателей, причем количество затраченного горючего было во много раз ниже нормы. Вот и все, что знал Кларк.

Какими путями пришел Дмитриев к этому результату? Путем ли использования какого-то нового, необычайно эффективного вида топлива, путем ли создания совершенно новой конструкции самого двигателя, позволившей резко снизить потребление обычного топлива, комбинацией ли этих путей?

И пока ответа на эти вопросы у Кларка не было, он, в сущности, не знал ничего, кроме самого факта, что русским удалось добиться результатов, о которых мечтали во всем мире конструкторы и исследователи, работающие в области реактивной техники.

Кларку надлежало «во что бы то ни стало, любой ценой, любыми средствами, не пренебрегая ничем, отложив в сторону все остальные дела,— так писал обычно немногословный Паттон,— достать чертежи или хотя бы разузнать основной принцип конструкции двигателя Дмитриева».

Более четырех месяцев пытался Кларк приоткрыть хоть краешек завесы, которая скрывала от постороннего взора двигатель Дмитриева, но одна неудача следовала за другой.

В начале апреля перед лицом опешившего Кларка неожиданно предстал... сам Мартин Паттон. Под личиной рядового дипкурьера он в сопровождении капитана Пилсбери явился в город, чтобы обследовать деятельность Кларка.

Одиннадцать дней весьма тщательно изучал полковник материал по делу Дмитриева. И все это время Кларка точно поджаривали на раскаленной сковородке.

Накануне отъезда Паттон долго совещался с «этим выскочкой Пилсбери» (в Вашингтоне Пилсбери считался одним из ценнейших специалистов по «японо-китайским делам» и на этом основании страшно задирал нос). Потом в кабинет — дело происходило в кабинете консула — был приглашен Кларк, с тревогой ожидавший решений шефа.

Продолжение. См. «Огонек» № 46.

Он со всеми деталями сохранил в памяти этот знаменательный разговор.

Шеф сидел в широком кресле консула... Сидел? Вряд ли это слово годилось для характеристики позы полковника. Его длинное, худое тело было изогнуто так, как если бы внутри не было ни одной косточки. Правая рука безжизненно свисала с подлокотника, а левая пряталась где-то за спиной. Голова полковника, чуть склоненная вправо, покоилась на спинке кресла, глаза были полузакрыты.

Кларк привык видеть в этом кресле тучного, вечно суетящегося Морлея, и, должно быть, по этой причине Паттон показался ему еще более худым, чем обычно.

«Вот уж действительно маринованная минога в обмороке»,— успел подумать Кларк, приближаясь к письменному столу.

Паттон медленно, как бы преодолевая чудовищную силу тяжести, приоткрыл веки и еле заметным движением глаз дал понять Кларку, что ему надлежит сесть в кресло напротив Пилсбери.

— Повидимому, дело зашло втупик,— сказал полковник, как всегда очень тихо, без каких-либо оживляющих речь интонаций.

Кларку хотелось придавить рукой бешено колотившееся сердце. Он еле удержался от этого опрометчивого жеста.

— Повидимому, вы... э... Кларк... не в состоянии проникнуть в тайны этого... ОКБ...

Кларк почувствовал, как пот выступил где-то между лопаток.

— Впрочем,— продолжал Паттон с прежней бесстрастностью, ухитряясь произносить слова, почти не открывая рта,— должен признать, что другой на вашем месте, возможно... э... я не утверждаю, а говорю, возможно... э... оказался бы в том же положении... Надо отдать русским должное: они... э... неплохо засекретили Дмитриева...

Паттон сделал какое-то неуловимое движение корпусом, и его фигура приобрела новый, но столь же причудливый излом. Это усилие, надо полагать, вконец истощило жизненные силы полковника: он замолчал и впал в состояние полного анабиоза.

Но Кларк, как и все подчиненные Паттона, хорошо изучил причуды шефа.

«Кажется, мы недалеки от финиша»,— подумал он и не ошибся.

Полуопущенные веки Паттона опять чуть поднялись.

— Дмитриев серьезно болен,— сказал полковник.— У Пилсбери родилась хорошая... э... точнее сказать, неплохая идея... Если бы Дмитриев выехал для лечения куда-нибудь за пределы... э... вы меня понимаете, Кларк?.. Но это вам не под силу. Это я беру на себя... Ваша задача другая... страховочная. Если поездку Дмитриева организовать... э... не удастся — надо предвидеть и такой случай — и если план его похищения там... за пределами СССР, окажется сорванным, вам, Кларк, надлежит ликвидировать Дмитриева... э... здесь... Вы хотите что-то сказать?

— Нет! — поспешно ответил Кларк.

— Очень хорошо...— продолжал Паттон —...Итак, если похищение не удастся, надо хоть на время дезорганизовать работу ОКБ. Вы убираете... э... тихо, без эксцессов, Дмитриева... Он весьма серьезно болен, такие люди могут умереть в любую минуту. Следовательно, отравление — наиболее подходящий способ... Что касается... э... необходимых медикаментов, вы их получите...

Паттон умолк и опять погрузился в состояние анабиоза. Но вот слегка зашевелилась его странная нижняя челюсть. Тяжелая, почти квадратная, она так резко отличалась от остальных, немного инфантильных частей лица, что казалась чужой, взятой от другого человека и по чьей-то нелепой прихоти приложенной к физиономии полковника.

Кларк, увидев пришедшую в движение нижнюю челюсть шефа, мысленно усмехнулся и, разумеется, мысленно сказал: «Сейчас мы выкинем очередной номер!»

И действительно, Паттон совершил нечто напоминающее ловкую проделку циркового фокусника: в одно мгновение он совершенно преобразился. Теперь в кресле Морлея сидел человек, тело которого не имело ни малейшего сходства с «маринованной миногой в обмороке», но походило на тонкую, слегка согнутую, стальную пружину. Полковник любил ошеломлять своих подчиненных подобными трансформациями, и подчиненные, знающие натуру шефа, всегда спешили выказать восхищение столь необычными актерскими дарованиями.

Метнув взгляд на Пилсбери и Кларка и удовлетворившись произведенным успехом, Паттон заговорил.

Его речь уже не была ни монотонной, ни тягучей: в ней звучали эмоции.

— Друзья мои! — сказал Мертин Паттон не без пафоса, как бы уведомляя слушателей об особой важности последующих слов.— Друзья мои,— повторил он,— мне не приходится вам разъяснять, что деятельность наших дипломатов, убеждающих западный мир в необходимости готовиться к обороне, есть нормальная дипломатическая деятельность. Дипломатия... если говорить языком нашей профессии, всегда играет роль дымовой завесы, прикрывающей подготовку главных сил к наступлению... Да! — полковник вскочил с кресла.— Да, мы хотим использовать мощь атомного оружия! Мы хотим этого по многим причинам и... главное, мы хотим, чтобы это произошло как можно скорей. Чем раньше, тем лучше, потому что время сейчас работает не на нас... Слава богу, это в Вашингтоне понимают не одни только военные. Я бы сказал даже, что руководящие деловые круги частенько нас, военных, опережают...

Паттон резким движением отодвинул назад кресло, как бы ощущая необходимость иметь вокруг себя больше свободного пространства, и продолжал:

— Но что значит «начало войны»? Можно ли сколько-нибудь точно устанавливать начало современных войн? — Полковник посмотрел на своих сотрудников.— Это не праздный для нас с вами вопрос. Ведь разведчики всегда впереди армии... и территориально и во времени. Мы с вами сражение с русскими уже начали... Капитан Кларк! Считайте, что в этом сражении Дмитриев — первый убитый вами вражеский солдат.

Рот Паттона растянулся в странной гримасе: полковник улыбался, довольный энергическим тоном своей речи.

Кларк и Пилсбери стояли перед шефом, как солдаты, получающие боевое задание...

На следующий день полковник и Пилсбери на американском пароходе отбыли в Сан-Франциско, а Кларк приступил к подготовке «страховочного варианта» (в целях конспирации этот террористический акт получил условное наименование: операция «Грайф»).

Вскоре Паттон со своей обычной педантичностью выполнил все взятые на себя обязательства. Он, в частности, прислал Кларку целый набор ампул с различными этикетками. По внешнему виду и упаковке ампулы эти ничем не отличались от ампул советского производства.

«Ничего не скажешь, ловко сработано!» — восхитился Кларк, пряча в сейф прибывшие из-за океана «медикаменты».

Впрочем, удивляться не приходилось ни внешнему виду ампул, ни их содержимому — яду, который действовал медленно (смерть от паралича сердца наступала не раньше чем через 12—15 часов) и исчезал в организме совершенно бесследно. Кларк ведь знал, что целый сонм химиков, фармакологов, микробиологов, возглавляемый начальником военно-химического корпуса американской армии генерал-майором Альденом Уэйтом, изобретает, испытывает, совершенствует ультрасовременные способы индивидуальных и массовых умерщвлений. Еще в сорок четвертом году Кларк слышал кое-что о работе «Отдела специальных проблем» военно-химической службы американской армии, основной исследовательский центр которого, как и опытный завод, был расположен в укромном месте в штате Мериленд. Он слышал также и о существовании особо секретных лабораторий на острове Хорн и в городе Вилло... «Да, это настоящие кухни преисподней! Они в своих колбах и ретортах состряпают хоть самого чорта... Кстати, он бы мне весьма пригодился...»

Беда, в которую попал Кларк, заключалась в том, что до сих пор не удалось найти исполнителя. Кто-то ведь должен был подсунуть врачам, прикрепленным к инженеру Дмитриеву, ампулы с ядом?

Еще не так давно Кларк надеялся на свою счастливую звезду: «Кто-нибудь да подвернется!» Но время шло — никто не подворачивался, а Паттон с возрастающей настойчивостью спрашивал в письмах, как обстоит дело с подготовкой убийства Дмитриева. И Кларк стал тешить себя другой, в сущности, совсем не радостной надеждой: «Авось Дмитриев

уедет лечиться за границу, и операция «Грайф» вообще окажется ненужной!» Паттон, вероятно, сумел бы там организовать похищение Дмитриева или, на худой конец, ликвидировать его за пределами России. Правда, в этом случае лавры достались бы Паттону. «А! Чорт с ними, с лаврами! Лишь бы пронесло...»

Но и эта безрадостная надежда сегодня приказала долго жить: шеф в своем последнем письме потребовал, чтобы Кларк незамедлительно назвал непосредственного исполнителя операции «Грайф» и доложил также, что этот человек уже получил в свои руки ампулы с ядом...

Перед умственным взором Кларка маячили грозные строчки письма: «Если операция «Грайф» будет сорвана, Вы будете смещены и направлены в Эфиопию в распоряжение Дреппера. Впрочем, имейте в виду: служба под началом Дреппера не самый худший из возможных вариантов».

«Не худший? Что же может быть хуже? — Кларк достаточно хорошо знал капитана Дреппера.— Этот службист выколотит из меня всю душу!..»

Тело Кларка вдруг пронизал острый озноб.

Кларк поднялся со своего ложа и подошел к рефрижератору. Достав початую уже бутылку виски, он наполнил стакан холодной жидкостью, залпом выпил и повалился лицом на тахту.

Через две — три минуты Кларк лег на спину. Мозг его, возбужденный алкоголем, начал работать с лихорадочной быстротой:

«Рано, рано, дорогой шеф, грозить мне Эфиопией!.. Пока вы там со своими «главными силами» соберетесь, капитан Кларк успеет ухлопать не одного вражеского солдата... Мы еще посмотрим. Может быть, придется вам расщедриться и на медаль и на прибавку жалованья... Да! Надо решаться...»

Кларк не раз думал о том, что самый верный способ обеспечить выполнение операции «Грайф» — это втянуть в дело одного из двух врачей, которым было доверено здоровье инженера Дмитриева. Конечно, риск огромный, что и говорить! Правда, ему, защищенному дипломатической неприкосновенностью, ничего серьезного со стороны русских не угрожало. «Ну, попросят покинуть советскую землю, на худой конец!.. Но если рыбка не клюнет или сорвется с крючка и побежит с доносом, полковник Паттон такого провала никогда не простит... Но почему сорвется? Есть немало шансов на успех».

Во-первых, Кларк имел полномочия предложить весьма солидный денежный куш в любой валюте. Во-вторых, если бы после смерти Дмитриева «рыбка» пожелала тратить свои доллары в стране, где они изготовляются, Кларк обязывался доставить ее на американском пароходе в эту страну. В-третьих,— и это было весьма и весьма существенным обстоятельством — Кларк мог гарантировать убийце полную безнаказанность: если действовать с умом, то убийство Дмитриева будет выглядеть как естественная смерть и ни малейшее подозрение не коснется виновного... Итак, полная безнаказанность, солидное вознаграждение, возможность очутиться в Америке!

«Не так уж плохо, а? — мысленно говорил Кларк в тоне веселой шутки воображаемому собеседнику.— Не так уж плохо для начала!»

Кларку мерещилась улыбка на лице собеседника, и собеседник отвечал: «Я же понимаю, что вы шутите. Конечно, это неплохо, очень неплохо!»

Вот только неясно было лицо воображаемого собеседника: мужское оно или женское? «Вакулов или Наумова?»

Если бы у Кларка была свобода выбора, то он выбрал бы в собеседники мужчину, доктора Василия Георгиевича Вакулова. Кларк терпеть не мог впутывать в свои дела женщин, хотя и знал, что есть такие дела, для которых женщины-шпионки наиболее подходящи. Он знал историю выдающихся авантюристок, предававших свою родину за деньги, а иногда не только за деньги, но и из любви к приключениям. Впрочем, в многочисленных книгах об этих «королевах шпионажа» зачастую было трудно отделить правду от вымысла. (Кларк видел как-то фильм о знаменитой германской шпионке Мата Хари. Это была просто идиотская голливудская стряпня, в которой не содержалось ни грана правды.) Он знал об англичанках — воспитанницах леди Астор и сэра Мосли, шпионивших в пользу гитлеровцев,— об американках, продавшихся японцам, о русских белогвардейках, готовых пойти на любую подлость и на любое преступление. Но это были женщины иного типа, каких не сыщешь в Советском Союзе. И все же самое главное, пожалуй, заключалось в том, что Кларк с какой-то почти суеверной неприязнью каждый раз вступал в деловые отношения с женщинами. «Мужчина, он как-то надежнее в нашем беспокойном деле».

В служебном сейфе Кларка лежала небольшая папка с подробными биографическими сведениями об обоих врачах. Кларк многое знал об их личной жизни, о привычках, вкусах, привязанностях: целых четыре месяца незаметно крутились его люди — бывшие японские агенты — около Вакулова и Наумовой.

«Боже мой, какие идиоты! — подумал Кларк непочтительно о своих высокопоставленных шефах.— Какие идиоты!»

Инструкции, скрепленные подписями шефов американской разведки, рекомендовали при вербовке женской шпионской агентуры в России завязывать знакомство с помощью подарков... Чулки, духи, губная помада, шоколад, сказки о блистательных карьерах голливудских звезд! Приехав в Советский Союз, Кларк быстро понял, что вся эта «галантерейная артиллерия» годится для его дела так же, как оловянные солдатики для настоящей войны.

Кларк ясно представил себе сейчас доктора Наумову, эту высокую, уже немолодую и некрасивую женщину, на лице которой застыло выражение не то каменного спокойствия, не то крайнего равнодушия ко всему окружающему.

Кларк явно начинал злиться. Видимо, алкоголь уже не действовал возбуждающе — наступала депрессия, и мысли Кларка снова стали окрашиваться в густой черный цвет.

«А с чем я подступлюсь к Вакулову?.. И в какую Америку он побежит, когда у него семья, которую он любит не меньше своей медицины? И зачем ему Америка?.. Солидный куш в долларах или советской валюте?.. В ответ на такие предложения эти фанатики обычно бьют морду и тащат к ближайшему милиционеру. Безнаказанность?.. На кой чорт им она, если они не желают идти на преступление? Нечего кривить душой, такие люди, как Вакулов, Наумова, не идут на золотую приманку. Слава богу, я уже успел раскусить эту советскую породу людей... И это не риск, а безумие! Значит?.. Значит, у меня нет выхода...»

Кларк представил себе, как он пишет донесение Паттону: «Несмотря на все принятые меры, вашу директиву выполнить пока не удалось...»

И тут из уст Кларка полился поток проклятий.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Готовясь вызвать на допрос врачей, лечивших инженера Дмитриева, подполковник Никонов несколько раз внимательно пересмотрел лежавшее перед ним «дело». Сейчас оно было раскрыто на протоколе врачебного консилиума, как раз на том документе, который еще в конце июля заставил предположить, что Дмитриевым заинтересовалась иностранная разведка. В середине августа телеграмма из Москвы подтвердила правильность предположения. А вот теперь, в конце сентября...

«Вакулов и Наумова,— размышлял подполковник,— недвусмысленно высказались против предложения профессора-консультанта. Это сразу же парализовало замысел иностранных разведчиков похитить конструктора во время его пребывания на заграничном курорте. Значит?.. Еще вчера утром из этого можно было сделать вывод, что ни Вакулов, ни Наумова не причастны к действиям разведчиков, но уже к вечеру такой вывод стал немыслимым. После того, как преступление совершилось, позиция Наумовой и Вакулова во время консилиума свидетельствовала лишь о том, что в июле ни один из них не находился в связи...».

Правая рука подполковника полезла в карманчик для часов и уже нащупала перочинный ножик, но остановилась в нерешительности: Никонов увидел, что в стакане нет ни одного карандаша, который нуждался бы в очинке. Подполковник вздохнул, взял из портсигара папиросу и закурил.

«Ну и что? — спросил он себя. — Во-первых, такое умозаключение...»

Фраза так и осталась незаконченной.

«Впрочем,— стал снова размышлять Никонов,— это умозаключение имеет практический смысл. Если оно справедливо, то именно в период конца июля — конца сентября кто-то из врачей был завербован... Следовательно, этот короткий период времени в жизни Наумовой и Вакулова и нужно осветить со всей тщательностью».

Он был убежден, что виновен один из врачей, а не оба. Убежденность покоилась на простом рассуждении: «Зачем вовлекать в это злодеяние двух, когда вполне достаточно и одного? Ведь вербовка связана с огромным риском. Зачем же вербующий будет удваивать риск? Можно еще было бы предположить соучастие, если бы оба врача находились в близких отношениях, если бы их связывали семейные узы или узы старой дружбы. Но Наумова и Вакулов были связаны только работой, во всем остальном они совершенно чужды друг другу».

Никонов знал, что Вакулов и Наумова не встречались друг с другом нигде, кроме мест, имевших прямое отношение к работе: заводская поликлиника, городской отдел здравоохранения, конференц-зал больницы, где два раза в месяц заседало терапевтическое общество.

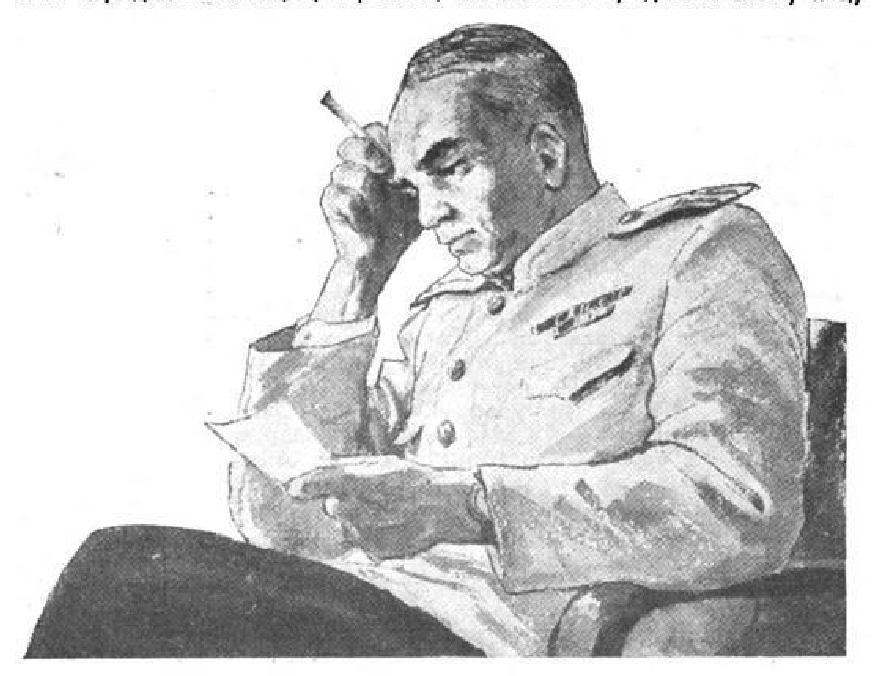
«Нет, почти наверняка можно утверждать, что виновен только один».

Предстояло решить необычайно трудную задачу: добыть неопровержимые улики, с помощью которых можно было бы заставить виновного сознаться. А улик не было никаких. Никонов знал пока только одно: либо один врач либо другой (третье лицо безусловно исключалось) положил в ящик с медикаментами ампулу, наполненную ядом.

Никонов бросил недокуренную папиросу в пепельницу и записал что-то в блокноте. Потом, откинувшись на спинку кресла, он заложил руки за голову. Ему хотелось представить себе людей, которых он должен был вскоре вызвать в кабинет для допроса.

В «деле» имелись анкеты, автобиографии обоих врачей, фотографические карточки и еще кое-какой материал, полученный сегодня утром старшим лейтенантом Киселевым в горздраве. Что могли сказать эти материалы?

Наумова была немолодой женщиной: ей исполнилось пятьдесят. С фотографии, когда ее рассматривал Никонов, прямо глядел человек с крупными, но не резкими чертами лица. Только линия рта отличалась определенностью, и, вероятно, именно она придавала всему лицу

выражение... усталости, замкнутости... Скорее всего его следовало определить как горечь... затаенную горечь. Да, пожалуй, именно горечь или, вернее сказать, горе затаилось в чуть опущенных углах рта Наумовой.

В этой связи Никонов обратил внимание на глубокую складку на лбу, вертикально опускавшуюся к переносице. «Она явно подчеркивает выражение затаенного горя». Никонов прикрыл ладонью верхнюю часть фотографии, но тут же подумал: «Мало ли что можно сочинить таким образом, да и фотография может оказаться лишь отдаленно похожей на оригинал».

К тому же Никонову нетрудно было «увидеть» на фотографии Наумовой следы затаенного горя; по анкетным сведениям и автобиографии, написанной угловатым, но четким почерком, Никонов уже знал, что жизнь Наумовой сложилась весьма несчастливо. Самое большое горе — смерть единственной дочери — она перенесла шесть лет назад.

Наумова обычно скупо, одной лишь фразой, сообщала об этом: «Осенью тысяча девятьсот сорок второго года моя дочь Ирина, прервав учебу на медицинском факультете, добровольно ушла в качестве медсестры на фронт и вскоре, а именно 8 ноября этого же года, была убита при обороне Сталинграда».

«Что же,— подумал Никонов, прочтя эту фразу,— таков уж стиль автобиографий — душа прикрыта канцелярскими оборотами речи».

Со смертью дочери Наумова оставалась совершенно одиноким человеком: ее муж, отец Ирины, погиб от кулацкой пули еще в тысяча девятьсот тридцатом году, а ее собственный отец, старик-пенсионер, умер в сорок первом году в Бобруйске.

— Да, нелегкая жизнь! — должен был признать Никонов.

«Что же могло бы ее заставить пойти на преступление? Да, да, если предположить, что виновной была именно Наумова, где нужно искать побудительные причины?..»

В биографии Ольги Эрнестовны Наумовой (урожденной Армфельд) был один пункт, задержавший на себе внимание Никонова. Наумова родилась в семье крупного бобруйского лесопромышленника Эрнеста Людвиговича Армфельда, дед которого, прибалтийский немец, еще в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, как сообщала Наумова в своей автобиографии, переселился из Риги в Белоруссию и основал лесопромышленную фирму. Наумова, следовательно, принадлежала по своему рождению к классу, который был политически и экономически уничтожен в результате Октябрьской революции. Это существенно!.. Но в семнадцатом году Наумовой было девятнадцать лет. Возраст, конечно, вполне достаточный, чтобы характер, взгляды, чувства, симпатии, жизненные привычки могли сформироваться, и все же...

Никонову представились следующие три десятилетия жизни Наумовой: ученье в советской высшей школе, работа в одной из крупных московских клиник, замужество (муж Наумовой, окончивший вместе с ней медицинский институт, происходил из крестьянской семьи), рождение и воспитание дочери — дочь была комсомолкой, а до этого, вероятно, пионеркой... Естественно думать, что с каждым годом жизнь все крепче и крепче привязывала Наумову к новому строю. А что же могло тянуть назад? Отец все эти годы работал в Бобруйске. Судя по анкетным сведениям, дочь могла с ним встречаться во время отпуска.

«Надо тщательно проверить все, что касается отца Наумовой»,— подумал Никонов и записал это в блокнот.

Казалось немыслимым, чтобы женщина, муж и дочь которой погибли в борьбе за Родину, могла стать предательницей.

Мысли подполковника обратились к Вакулову.

Вакулов во многих отношениях являлся как бы антиподом Наумовой. Он был молод — на целых четырнадцать лет моложе Наумовой — и обладал не то чтобы красивой, но на редкость привлекательной наружностью. Характер его, общительный и веселый, в глазах медицинского персонала и больных еще более выигрывал от сопоставления с замкнутым характером Наумовой.

Старший лейтенант Киселев, ознакомившийся еще в июле с заводской поликлиникой, докладывал подполковнику:

— Наумова — кремень и дело, видимо, знает хорошо. Ее уважают и побаиваются. Вакулова и уважают и любят. Девушки души в нем не чают — он очень веселый, жизнерадостный и...

Киселев хотел еще сказать, что Вакулов — страстный «болельщик», но удержался.

— ...И вообще,— закончил он фразу несколько туманно,— настоящий человек!

— И футбол, поди, любит? — в тоне крайнего простодушия спросил подполковник.

— И футбол... любит,— выдавил из себя старший лейтенант, раскусив ехидство вопроса.

В сравнении с Наумовой Вакулов был молодым врачом, но он обладал блестящими способностями и немалыми теоретическими познаниями, а врачебный опыт приобрел главным образом в годы войны, которые все провел на фронте. В сорок шестом с успехом защитил кандидатскую диссертацию, в сорок седьмом утвержден в звании доцента.

Счастливо сложилась и личная жизнь Вакулова. Он был женат на талантливой актрисе, женщине жизнерадостной, остроумной и веселой, как и сам Вакулов. У них было двое детей: восьмилетний мальчик и девочка двух с половиной лет. Гостеприимный дом Вакуловых с утра до позднего вечера жил шумной жизнью.

«Обилие знакомых, легкость, с которой попадали в дом Вакуловых самые различные люди, легкость, с какой вчера еще чужой человек сегодня становился в этом доме своим...— размышлял Никонов.— Да, пожалуй, над этим стоит задуматься. Это удобная почва для того, чтобы незаметно подъехать к человеку и окрутить его. Однако нужен же какой-то повод. Нужно найти мотив, побудительную причину... Чего ради этот счастливый, вполне довольный своей жизнью советский человек вдруг станет на путь предательства?.. Ну, а если именно это счастье и есть причина?.. Если, скажем, счастье вдруг оказывается перед страшной угрозой и человек ставится лицом к лицу с альтернативой: либо счастью конец, либо... либо конец честной жизни? Но ведь Вакулов — советский человек! Может ли он считать счастливой жизнь, если счастье сохранено ценою предательства? И может ли человек с таким складом характера, как у Вакулова, вступив на путь предательства, хотя бы внешне остаться самим собой? Не есть ли тогда вся общительность, жизнерадостность, веселость — маскировка, которая скрывает другого человека — человека чужого и, может быть, враждебного?.. Но это уже чистая логистика и умственная эквилибристика! — с досадой на себя прервал свои размышления Никонов.— Можно задать столько вопросов, что...»

Дверь кабинета почти бесшумно открылась: вошел секретарь и снова плотно ее прикрыл.

— Что, товарищ Артемьев?

— Вы вызывали на четырнадцать тридцать лейтенанта Лазареву. Она здесь, Леонид Федорович.

— Через пять минут попросите ее в кабинет.

Секретарь ушел.

Никонов подумал:

«Это кстати, а я и забыл о Лазаревой».

Он поднялся с кресла и подошел к окну.

— Эх, погодка! — с восхищением и завистью сказал Никонов, щуря свои покрасневшие от бессонной ночи глаза.— Ружьишко бы да побродить,— и стал быстрыми шагами ходить по кабинету.

Когда Лазарева вошла в кабинет, Никонов снова сидел за столом.

— Здравствуйте, товарищ подполковник!

— Здравствуйте, Марья Игнатьевна, садитесь... Мне Киселев уже докладывал все, что вы ему сообщили, да и рапорт ваш я читал.— Никонов перелистал несколько страниц, напечатанных на машинке и вшитых в «дело».— Я хочу выяснить некоторые детали... Кто наполнял шприц? Вы или Наумова? Как это все происходило?

— Я подошла к ней с ампулой. Она в это время смазывала руку товарища Дмитриева иодом. Потом она наложила жгут и говорит мне: «Марья Игнатьевна, давайте ампулу». Тут я надпилила кончик, отломила его и подала ампулу, и когда...

— Значит, шприц наполняла сама Наумова?

— Да...

— А вы не заметили при этом ничего особенного?.. Ну, например, Наумова внимательно осмотрела ампулу или... ну, скажем, замешкалась?

— Нет, по совести говоря, ничего особенного не заметила. Да ведь я и сама в тот момент еще не знала, что в ящике уже лежит чужая ампула. Так что у меня и не было еще причин особенно следить за Наумовой.

— А теперь скажите... Когда вы отпирали ящик... я имею в виду тот день, когда вы уже обнаружили, что в нем лежит чужая ампула,— то ключ вращался, как обычно, легко?

— Как обычно, легко.

— Когда, Марья Игнатьевна, вы увидели Вакулова?

— Это было в тот момент, когда товарищу Дмитриеву делалось вливание. Он как раз вошел в перевязочную.

— Вы не поинтересовались, почему Вакулов пришел в поликлинику в свой выходной день?

— Нет, товарищ подполковник. Тогда я не придала этому никакого значения.

— А не можете ли вы сказать, когда увидела его Наумова? До того, как сообщила вам, что будет делать вливание, или после?

— Этого я также не могу сказать.

Ответы Лазаревой не дали ничего нового. И хотя это было досадно, но он не имел к ней никаких претензий: Лазарева сумела справиться с тем трудным заданием, которое возложил он на нее, посылая в качестве медсестры в заводскую поликлинику.

Еще в августе, как только было получено указание из Москвы установить тщательный контроль за инъекциями, которые делались Дмитриеву, он двух своих сотрудниц, Лазареву и Мелкумову, во время войны прошедших курс медицинских сестер, направил в поликлинику завода. Первоначально их задача была простой: следить за тем, чтобы ампулы брались только из специального металлического ящика со сложным замком, где хранились медикаменты, предназначенные для Дмитриева. Но так как Никонов знал, что умелые руки могут открывать самые хитроумные замки, он стал подумывать о более надежных мерах, и тут в голову пришла мысль: попытаться заодно схватить эти руки.

В этой связи сменявшие друг друга Лазарева и Мелкумова получили новые инструкции: расположить все медикаменты в ящике особым образом и дважды в день — по приходе на дежурство и по уходе — тщательно проверять, не нарушен ли этот порядок. Кроме того обе они, отправляясь на дежурство, заходили в управление к Никонову и здесь получали каждый раз новую, запечатанную коробку ампул. Из этих-то коробок, а не из ящика, они и доставали ампулы всякий раз, когда врачи назначали инъекции. Разумеется, никто в поликлинике, в том числе и Наумова и Вакулов, об этом не знал.

Ящик, превращенный таким образом в замаскированную ловушку, сыграл свою роль: вчера, уходя с дежурства, Лазарева обнаружила, что чья-то рука хозяйничала в ящике. Анализ ампулы, доставленной Лазаревой, подтвердил подозрения: она содержала очень сильное ядовитое вещество. Теперь надо было установить, кто же совершил это преступление.

— Скажите, Марья Игнатьевна,— спросил Никонов после длинной паузы,— вы не допускаете мысли, что ящик мог открыть кто-нибудь другой? Не Наумова и не Вакулов?

— Нет, товарищ подполковник! Это исключено. В кабинет дежурного врача, где стоит ящик, никто вчера не входил, кроме меня, Наумовой и Вакулова. За это я могу поручиться.

— Так... Ну, что же, попытаемся разгадать эту загадку.

Никонов встал и протянул руку женщине:

— Благодарю вас, товарищ лейтенант! Вы хорошо справились с порученной вам задачей.

(Продолжение следует.)

КНИГИ обвиняют

В. МИНАЕВ «АМЕРИКАНСКОЕ ГЕСТАПО». ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ». 1950. 400 стр. ЦЕНА 9 руб.

Познакомившись с этой содержательной книгой, читатель получит отчетливое представление об американских преемниках Гиммлера, американских сыскных агентах, охарактеризованных одним из их же собственных руководителей как «крупнейшая банда воров и вымогателей, из которой каждый должен стоять вне закона», и о судьях, являющихся, по словам одного сенатора, худшими врагами правосудия.

Б. ВРОНСКИЙ «ПОРАБОЩЕННАЯ ЮНОСТЬ». ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1950. 184 стр. ЦЕНА 4 руб.

В некоторых местностях описанной в книге страны девочек выдают замуж с 12—13 лет. В столице этого государства существуют такие трущобы, где лежащих в колыбелях детей кусают крысы. Половина школьных зданий в стране непригодна для занятий...

«Что это за государство?» — подумает читатель, мысленно перебирая самые отсталые страны мира. Всё это происходит... в Соединенных Штатах Америки.

Об изнурительном труде, в результате которого, по словам одного горняка, «люди недолго бывают молодыми», о квалифицированных специалистах, берущихся за любую работу, чтобы не умереть с голоду, о «высших учебных заведениях», воспитывающих невежд, о калечащей юные души пропаганде расистского человеконенавистничества и войны рассказывает книга Б. Вронского.

ЧЭНЬ БО-ДА «ЧАН КАЙ-ШИ — ВРАГ КИТАЙСКОГО НАРОДА». ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. М. 1950. 300 стр. ЦЕНА 8 руб. 75 коп.

Эта книга крупного китайского историка и политического деятеля, известного нашим читателям по своей работе «Четыре семейства Китая», показывает в подлинном свете битого гоминдановского вояку — «последнего цепного пса империализма в Китае», тюремщика народа и предателя родины.

Э. ВИЛЬЯМС «КАПИТАЛИЗМ И РАБСТВО». ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 1950. 214 стр. ЦЕНА 10 руб. 40 коп.

В книге американского историка содержится богатый фактический материал о гнусном промысле торговли людьми — источнике обогащения господствующих классов Англии. Автор показывает роль торговли рабами в развитии английской промышленности, в истории политики и дипломатии Великобритании. Книга — результат большой исследовательской работы над литературой и неопубликованными архивными материалами.

Препарат ВНС

Недавно в московскую больницу машина «Скорой помощи» доставила человека, пострадавшего при случайной катастрофе. Требовалось срочное хирургическое вмешательство. Но, прежде чем приступить к операции, следовало вывести больного из тяжелого состояния.

Дежурный распорядился:

— Сделать переливание ВНС!

Через несколько минут из тонкой прозрачной ампулы в вену стали переливать янтарно-желтую жидкость. Лицо больного порозовело, появился пульс, поднялось кровяное давление. Теперь можно было начинать операцию, которая увенчалась успехом.

...Сотрудница одного из ленинградских институтов принесла сына, страдавшего тяжелой формой токсикоинфекции. Обычные методы лечения не помогали. Надежда на выздоровление ребенка казалась потерянной.

Решили применить препарат ВНС. Мальчику сделали вливание, и в тот же день болезненные явления прекратились. Врачи повторяли переливание несколько дней. Через неделю юного больного выписали: он поправился.

Что же это за целебная жидкость? Она получена советским ученым академиком Н. Г. Беленьким из крови крупного рогатого скота.

Идея переливания животной крови человеку родилась в глубокой древности, но до последнего времени оставалась неосуществимой мечтой. История рассказывает о судебном процессе, который возник в XVII веке из-за неудачного переливания животной крови душевнобольному. Правда, врача оправдали, но самая операция была запрещена по всей Европе.

Почему же такое переливание вызывало осложнение и смерть? Объяснение этой загадки лежит в особенностях самой крови. Как выяснилось позже, кровь любого животного (коровы, собаки, кошки) обладает лишь ей одной присущими свойствами. Они-то обусловливают несовместимость, скажем, коровьей крови с человеческой. Если даже первое вливание прошло бы благополучно, то повторное может повлечь за собой катастрофу, вызванную именно этой «несовместимостью».

Русские ученые Спасский, Хотовицкий, Буяльский, Филомафитский упорно искали методы уничтожения этих вредных свойств крови. Завершила начатое ими дело советская биология.

Веское слово в решении трудной проблемы сказал академик Н. Г. Беленький. Он предложил оригинальный метод обработки животной крови, благодаря которому она превратилась в лечебный препарат ВНС. Проверил и внедрил новое средство в медицинскую практику профессор Д. А. Арапов. Труд обоих ученых-новаторов увенчан Сталинской премией.

Исследования показывают, что ВНС содержит в себе белок. Введенный в вену, он легко усваивается организмом. При таких заболеваниях, как, например, заростание пищевода, рак пищевода и желудка, когда больной не в состоянии принимать пищу нормальным путем, его можно неделями кормить питательным препаратом. В институте Склифосовского известны случаи, когда больному на протяжении одного—двух месяцев ежедневно вводили через вену ВНС. Другой пищи он не получал.

Препарат пригоден даже для грудных младенцев. Многие детские больницы уже успешно его применяют при острых кишечных заболеваниях.

Возможность вводить большие дозы препарата делают его лекарством исключительной ценности. Его действие направлено не на болезнетворное начало, а на весь организм в целом. ВНС регулирует процессы обмена, мобилизует скрытые силы организма, резко повышает его защитные свойства.

Качество ВНС проявляется и при некоторых нарушениях кровяного давления. Нередко оно выравнивается, и состояние больного улучшается.

Так советские ученые разрешили проблему, над которой билась наука на протяжении веков.

К. СИМОНЯН

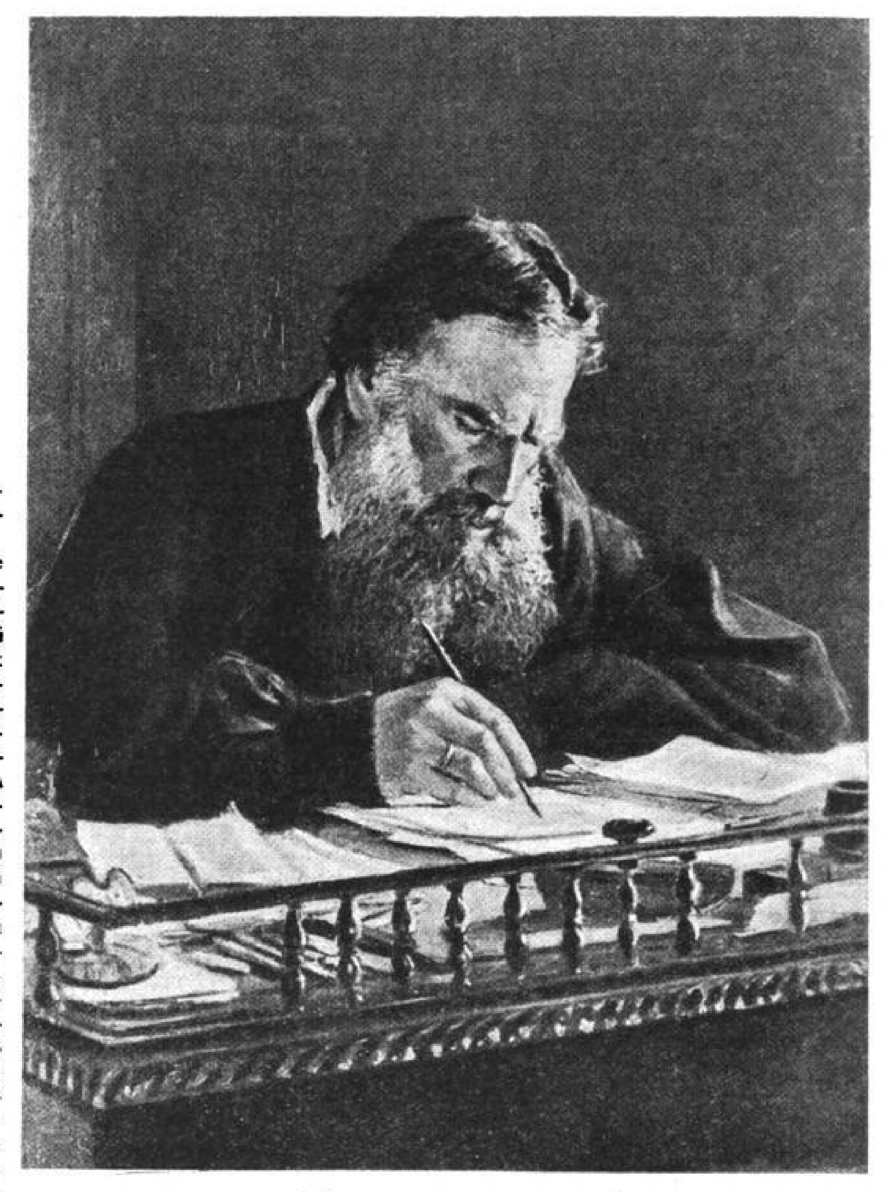
Врач-хирург Научно-исследовательского института имени Склифосовского

Больному вливается препарат ВНС.

Фото В. Евграфова

Легенда о зеленой палочке

Л. Н. Толстой.

1

Некоторые впечатления детства обладают такой силой, что следы от них сохраняются в памяти до конца жизни. По этим следам, как по остаткам древних надписей, можно иной раз восстановить факты, имеющие историческое значение.

Лев Толстой запомнил на всю жизнь, как однажды старший брат, Николенька, объявил младшим, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми «муравейными братьями»; тайна эта написана на зеленой палочке, а палочка зарыта в лесу, у дороги, на краю оврага. Николеньке было тогда десять лет, Льву — пять. Прошло семьдесят лет, и Толстой рассказал в «Воспоминаниях» эту полюбившуюся ему детскую утопию, ставшую для него своего рода символом веры: «Как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».

В памяти Толстого сохранилась, конечно, только самая основа николенькиной легенды; в полном виде легенда эта была, наверно, и таинственнее, и занимательнее, и ближе к детским интересам и представлениям. Толстой говорит о Николеньке: «Воображение у него было такое, что он мог рассказывать сказки или истории с привидениями или юмористические истории... без остановки и запинки целыми часами и с такой уверенностью в действительность рассказываемого, что забывалось, что это выдумка». Николенька сумел уверить братьев в действительном существовании зеленой палочки с написанной на ней тайной, а игра в «муравейное братство» стала одной из любимых: «...помню ту таинственную важность, с которой Николенька посвящал нас в эти тайны, и наше уважение и трепет перед теми удивительными вещами, которые нам открывались. В особенности же оставило во мне сильное впечатление муравейное братство и таинственная зеленая палочка, связывавшаяся с ним и долженствующая осчастливить всех людей».

Откуда же взял Николенька сюжет для этой замысловатой легенды-утопии? Что означают и чему соответствуют ее образы? Эти вопросы возникли и у Толстого: «Как теперь я думаю,— говорит он в «Воспоминаниях»,— Николенька, вероятно, прочел или наслушался о масонах, об их стремлении к осчастливлению человечества, о таинственных обрядах приема в их ордене, вероятно слышал о Моравских братьях и соединил все это в одно в своем живом воображении и любви к людям, к доброте...»

Предположение Толстого, что Николенька «наслушался» взрослых или присутствовал при их беседах, поддерживается «Войной и миром» — той сценой в конце романа, где Николенька Болконский слушает рассказ Пьера о последних событиях в Петербурге. Эта сцена написана явно по следам детских воспоминаний о брате: «Кудрявый болезненный мальчик, с своими блестящими глазами, сидел никем незамечаемый в уголку, и только, поворачивая кудрявую голову на тонкой шее, выходившей из отложных воротничков, в ту сторону, где был Пьер, он изредка вздрагивал и что-то шептал сам с собою, видимо, испытывая какое-то новое и сильное чувство».

Вот под таким же впечатлением Николенька Толстой и мог сочинить легенду о зеленой палочке и муравейных братьях. Он, видимо, часто оказывался в обществе взрослых и пристрастился к этому времяпрепровождению, тем более что после смерти матери (ему было тогда семь лет) домашний присмотр за ним ослабел. Из услышанных рассказов он талантливо лепил всевозможные фантастические истории, которыми увлекал и «морочил» (по выражению Толстого) младших братьев. Он обладал несомненным писательским дарованием: «Тургенев говорил про него очень верно,— вспоминает Толстой,— что [он] не имел только тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть писателем».

Вполне правдоподобно, что легенда о зеленой палочке была сочинена Николенькой на основе услышанной им беседы взрослых; но о чем шла эта беседа? Толстой высказал предположение, что Николенька «наслушался о масонах» и о таинственных обрядах приема в их орден; значит, он считал, что отец был связан с масонством. Однако ниоткуда не видно, чтобы отец и его друзья увлекались религиозно-обрядовой стороной масонства: как и Пьер Безухов, Николай Ильич Толстой занимался масонством лишь в той мере, в какой оно могло тогда способствовать просвещению общества. Он не проявлял интереса к религиозным вопросам, но увлекался политикой и историей; естественно предположить, что темой взволновавшей Николеньку беседы были политические события — в том роде, как это описано в «Войне и мире».

Николенька Болконский слышал разговор Пьера с Николаем Ростовым и Денисовым в 1820 году (бунт в Семеновском полку, Аракчеев и пр.), а Николенька Толстой оказался свидетелем каких-то бесед взрослых в 1832 или 1833 году. Кто же были эти взрослые и о чем они беседовали?

2

Толстой имел довольно смутное представление об отце. Иначе и быть не могло. Отец умер внезапно в 1837 году, когда Толстому было всего девять лет (мать умерла в 1830 году); опекавшие его потом «тетеньки» мало что могли рассказать об отце (особенно о его молодости), кроме семейных и бытовых подробностей. В одном наброске к «Казакам» Толстой говорит об отце Оленина: «Отец умер, когда еще ребенок не успел оценить его. И когда старые друзья отца встречались с сыном, и, взяв его за руку и глядя ему в лицо, говаривали: «как я любил вашего отца! Какой славный, отличный человек был ваш батюшка!» — мальчику казалось, что в глазах друзей проступали слезы, и ему становилось хорошо. Отец так и остался для сына туманным, но величаво мужественным образом простого, бодрого и всеми любимого существа». Это несомненный мемуар, рисующий действительное представление об отце, как оно сложилось у Толстого в итоге юности (набросок сделан в 1858 году). В дальнейшем образ отца несколько уточнился,— вероятно, благодаря воспоминаниям друзей, с которыми сохранилась семейная связь.

В «Воспоминаниях» Толстой говорит об общественно-политической позиции отца: «Сколько я могу судить, он не имел склонности к наукам, но был на уровне образованных людей своего времени. Как большая часть людей первого Александровского времени и походов 13, 14 и 15 годов, он был не то что теперь называется либералом, а просто, по чувству собственного достоинства, не считал для себя возможным служить ни при конце царствования Александра I, ни при Николае». Толстой не хочет называть отца «либералом», потому что к концу XIX века это слово стало обозначать политическую партию. Однако отказ от службы «по чувству собственного достоинства» нельзя считать просто личным капризом: по тому времени это было выражением определенной гражданской позиции. Так вели себя оппозиционеры, «либералисты» — люди, связанные с декабристским движением. Борьба за независимость взглядов и поведения была их главной заботой. Об этом говорит Пьер в конце «Войны и мира», когда он рассказывает о положении в Петербурге: «Все молодое, сильное притягивается туда и развращается. Одного соблазняют женщины, другого почести, третьего тщеславие, деньги, и они переходят в тот лагерь. Независимых, свободных людей, как вы и я, совсем не остается».

Николай Ильич Толстой принадлежал к этой дворянской оппозиции[1]: именно поэтому он, бывший кавалергард и герой Отечественной войны, бросил военную службу (как делали тогда многие из будущих декабристов) и замкнулся в деревне. Толстой говорит: «Дома отец, кроме занятий хозяйством и нами, детьми, еще много читал. Он собирал библиотеку, состоящую по тому времени в французских классиках, исторических и естественно-исторических сочинениях — Бюфон, Кювье». В начале двадцатых годов это было типично для оппозиционно настроенной молодежи. В «Горе от ума» Скалозуб с возмущением говорит о своем двоюродном брате, вместе с которым они «отличились» в 1813 году:

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Так повел себя и отец Толстого. Это не значило, что он решил уйти от людей, от общества; он ушел только от петербургского правительства, от чиновников — «по чувству собственного достоинства». Он окружил себя родственниками и друзьями.

Толстой вспоминает: «События в детской деревенской жизни были следующие: поездки отца к Киреевскому и в отъезжее поле, рассказы об охотничьих похождениях, к которым мы, дети, прислушивались, как к важным событиям. Потом приезды моего крестного Языкова с его гримасами, трубкой и лакеем, стоявшим за его стулом во время обеда. Потом приезды Исленьева с его детьми, одна из которых стала потом моей тещей (т. е. мать Софьи Андреевны, Любовь Александровна Берс.— *Б. Э.*). Потом приезды Юшкова, который всегда привозил что-нибудь странное: карикатуры, кукол, игрушки... Еще памятные впечатления: приезд Петра Ивановича Толстого, отца Валериана, мужа моей сестры... Другое — приезд его брата — знаменитого американца Федора Толстого».

Как видно, Ясная Поляна была в тридцатых годах местом, куда охотно приезжали гостить и соседи по имению, и дальние родственники, и знакомые, но только люди «независимые» по положению и взглядам. Толстой говорит об отце: «Он не только не служил нигде во времена Николая, но даже все друзья его были такие же люди свободные, не служащие и немного фрондирующие правительство. За все мое детство и даже юность наше семейство не имело близких сношений ни с одним чиновником».

Из воспоминаний Толстого видно не только то, что в Ясную Поляну часто приезжали гости, но и то, что эти приезды были событиями в жизни детей: дети с любопытством «прислушивались» к рассказам и беседам взрослых — именно так, как это описано в «Войне и мире». Отец женился и уединился в деревне в 1824 году; о событиях 1825 года и о последовавших казнях и ссылках он мог знать только от приезжавших в Ясную Поляну друзей. Кое-что мог рассказать, например, упомянутый Толстым А. М. Исленьев, бывший когда-то адъютантом генерала М. Ф. Орлова и знавший многих декабристов. Но еще больше, подробнее и основательнее мог и должен был рассказать Н. И. Толстому один из самых близких его друзей — Павел Иванович Колошин, приезжавший в Ясную Поляну с женой (родственницей Толстых) и детьми[2].

П. И. Колошин был не просто «фрондером» (как это можно сказать об А. М. Исленьеве), а серьезным декабристом (как и его брат Петр Иванович), членом Союза благоденствия, принимавшим деятельное участие в составлении «Зеленой книги» (устава Союза благоденствия). Друг И. И. Пущина, В. П. Зубкова и С. Н. Кашкина, он принадлежал к числу умеренных декабристов «Муравьевской группы»; ближайшей и важнейшей целью тайного общества он считал «нравственное и умственное образование», а «содействие к получению конституции» — целью отдаленнейшей, нужной и возможной только после того, как поднимется умственный и нравственный уровень народа. Такая позиция была, наверно, по душе и Н. И. Толстому: по его поведению в годы 1819—1824 видно, что он был близок к правым декабристам. Как бы следуя указаниям «Зеленой книги», он бросил военную службу и занял скромную должность воспитателя в военно-сиротском училище.

В декабре 1825 года Колошин был арестован, а в июле 1826 года выслан в сельцо Смольново, Владимирской губернии, под надзор полиции. Общение его с Н. И. Толстым, таким образом, прервалось, но ненадолго: в 1831 году он уже получил разрешение приехать в Москву для лечения, а затем и для постоянного жительства. Можно не сомневаться, что скоро после этого, то есть в 1832 или в 1833 году, Колошин приехал в Ясную Поляну повидать своего друга после семилетней разлуки. Это были, конечно, дни больших радостей и волнений для всех жителей яснополянского дома, вплоть до детей.

Колошин, конечно, рассказывал Н. И. Толстому о судьбе декабристов; как человек светского круга, он, приехав в Москву, мог узнать подробности следствия и суда над ними. Естественно, что друзья, обсуждая создавшееся положение, говорили и о «Зеленой книге», и о конституции Никиты Муравьева, и о «Русской правде» Пестеля как о трех важнейших документах декабристской эпохи. В связи с этим Колошин, вероятно, рассказал интересную историю поисков рукописи «Русской правды», содержавшей основной закон будущего Российского государства. Сначала следственные власти искали эту рукопись в зеленых портфелях, в которых (как было сказано в доносе) Пестель хранил все важные бумаги; там ее, однако, не оказалось. В дальнейшем выяснилось, что рукопись зарыта в земле — в канаве у села Кирнасовки. В этой канаве рукопись «Русской правды» была в конце концов найдена и доставлена Николаю I.

Допустим, что Николенька слышал хотя бы часть беседы Колошина с отцом: слышал о «Зеленой книге» и зеленых портфелях (зеленый цвет был у декабристов цветом свободы), о **правде**, зарытой в землю, о братьях Муравьевых (о них Колошин говорил с особым уважением). Это должно было произвести на него огромное впечатление — не меньшее, чем то, какое произвел рассказ Пьера на Николеньку Болконского: «Когда все поднялись к ужину, Николенька Болконский подошел к Пьеру, бледный, с блестящими, лучистыми глазами... Пьер вдруг понял, какая особенная, независимая, сложная и сильная работа чувства и мысли должна была происходить в этом мальчике во время разговора...» Вот так получилось и с Николенькой Толстым. Из разговора Колошина с отцом он понял, что есть люди, которые знают тайну, как избавить людей от зла, «сделать их счастливыми»; они написали правду об этом и зарыли ее в землю. Все было готово для создания легенды, оставалось дать ход воображению. Из запаса детских игр и сказок явилась палочка-выручалочка; она оказалась зарытой в землю, но с ясным следом от рассказа о рукописи: на палочке **написана** тайна, как сделать людей счастливыми. Братья Муравьевы превратились в «муравейных братьев».

Так история «Русской правды» послужила основой для создания детской легенды о зеленой палочке, настолько поразившей воображение пятилетнего Льва Толстого, что он запомнил ее на всю жизнь и даже просил похоронить себя на том месте, где, по словам Николеньки, была зарыта эта палочка. При скудости материалов, относящихся к детству Толстого и к жизни его родителей, эта легенда (если верна сделанная здесь расшифровка) является любопытным свидетельством о связи его отца с декабризмом. Интерес Николеньки к вопросу о том, как сделать людей счастливыми, мог образоваться только в атмосфере постоянных бесед и споров на социально-исторические и политические темы; в этой атмосфере формировалось детское сознание Льва Толстого.

Б. ЭЙХЕНБАУМ

[1] Распространенное мнение, что в Николае Ростове Толстой изобразил отца, неверно, как неверно вообще сводить образы Толстого к тому или другому «прототипу». Сам Толстой говорил С. А. Берсу, что некоторые черты отца он передал Пьеру. Характеристика отца, сделанная в «Воспоминаниях», никак не совпадает с позицией Николая Ростова в споре с Пьером.

[2] Дочь П. И. Колошина Сонечка была предметом детской любви Толстого—«самой сильной»,— как писал он П. И. Бирюкову в 1903 году. Эта любовь описана в «Детстве» и «Отрочестве» (Сонечка Валахина). Сыновья Колошина были его близкими приятелями в пятидесятых годах. В «Воспоминаниях» Толстой не упоминает о приездах П. И. Колошина, вероятно, потому, что он был тогда (в годы 1832—1833) еще очень мал.

Портрет П. П. Иванова работы художника Б. Кличко.

Музей, созданный самоучкой

Напрасно было бы искать в перечне имен видных археологов нашего времени упоминания о П. П. Иванове. Ни в одном справочном издании, ни в одном специальном учебнике не найти фамилии этого человека, родившегося и почти безвыездно прожившего всю свою жизнь в небольшом городке Моршанске, Тамбовской области.

Здесь, на углу Советской улицы и Октябрьской площади, высится красивое двухэтажное здание, выделяющееся белизной стен и зеркальной гладью огромных стекол. После Октября этот дом, некогда принадлежавший местному богатею — купцу Каверину,— зажил иной, совершенно отличной от прежней, жизнью. По предложению П. П. Иванова здесь был создан музей.

...В 1912 году в городскую управу поступило ходатайство о разрешении открыть в Моршанске краеведческий музей, который, по мысли инициатора, должен был бы стать центром исследовательских работ в уезде, представляющих, как подчеркивалось в прошении, незаурядный интерес с точки зрения исторической науки. «Отцы города» посмеялись над чудачеством странного просителя, пребывавшего тогда в должности десятника-монтера по водопроводным и малярным работам в той же управе, и просьбу П. П. Иванова отклонили. Между тем «чудак» к тому времени обладал изрядным количеством редчайших экспонатов, им собранных.

В советское время музей был открыт, и первым его хранителем назначили того же П. П. Иванова, коллекции которого насчитывали уже две с половиной тысячи предметов. Почти двадцать пять лет, до самой своей кончины, провел он на этом посту, создав на пустом месте незаурядный музей.

Благодаря энергичной деятельности П. П. Иванова Моршанский музей стал хранилищем значительных художественно-исторических ценностей. Его экспозиции и фонды насчитывают ныне более двадцати тысяч предметов, помимо археологических реликвий; здесь представлены замечательные образцы русского народного творчества минувших веков: деревянная скульптура, резьба по кости, уникальные коллекции предметов церковной старины, дворянского и купеческого быта, полотна Левицкого, Шишкина, Айвазовского, Поленова, видных иностранных живописцев.

...Однажды, будучи еще мальчиком, Петр Петрович услышал из уст старухи рассказ о том, что по берегу реки Цны встречаются, как она выразилась, «стрелы молнии». Любознательный подросток при первом же удобном случае отправился на розыски. Вернулся он с карманами, набитыми кремневыми наконечниками стрел и другими диковинными вещами, действительно обильно попадавшимися в окрестностях города.

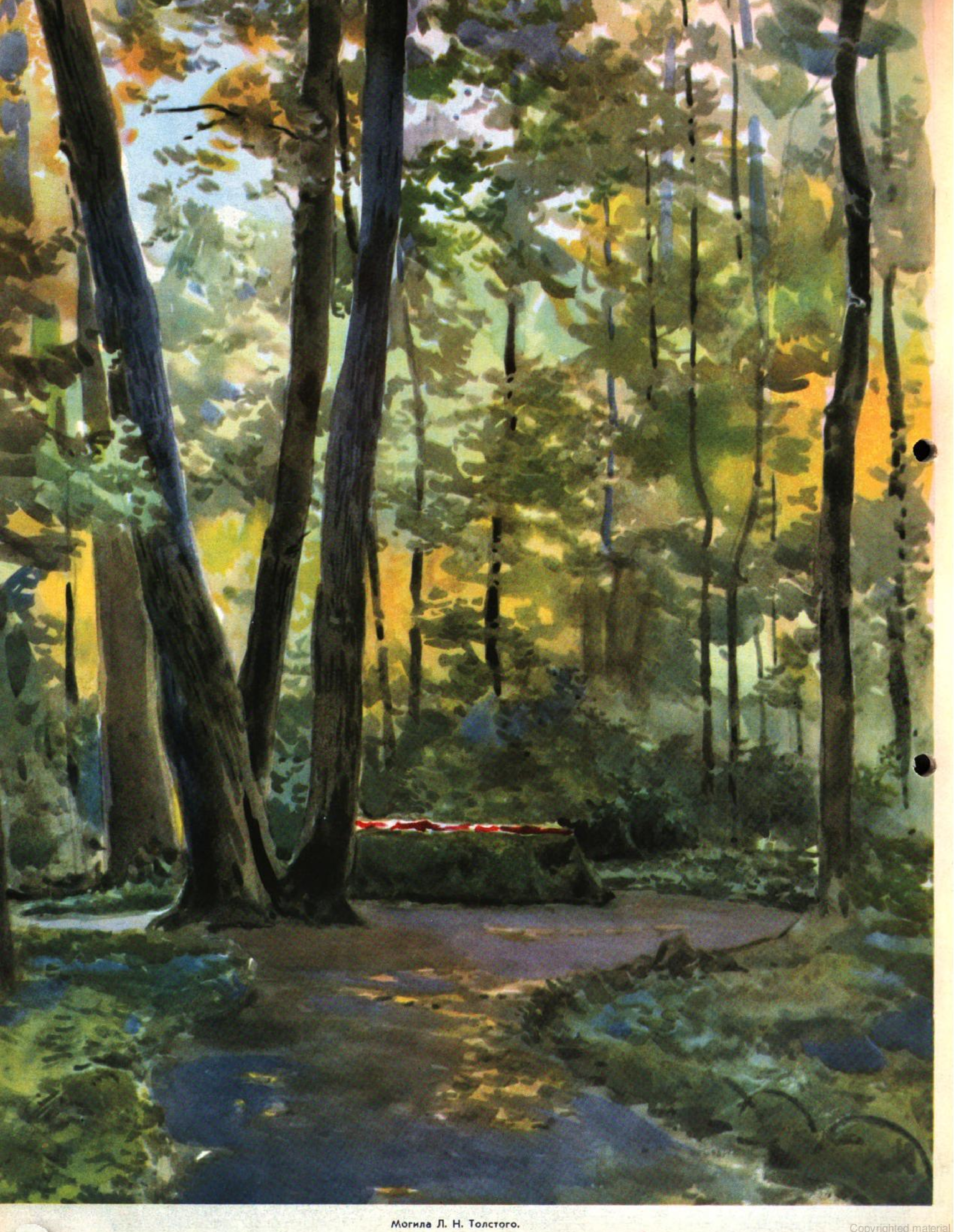
Много позже П. П. Иванов методично обследовал значительную территорию вокруг Моршанска и сделал чрезвычайно важные открытия, касающиеся истории культуры мордовских племен и проливающие свет на малоизученный период в жизни нашей Родины. В результате раскопок, проведенных Ивановым, были обнаружены стоянки и погребения, таившие множество исторических памятников. Некоторые из них восходят к бронзовой и каменной эпохам, большинство же относится к IX—XI векам нашей эры.

По мнению компетентных ученых, раскопки П. П. Иванова, ныне покойного, дают исключительный по ценности материал для определения связей Мордвы с Русью и служат неопровержимым свидетельством давнишнего проникновения элементов славянской культуры в среду мордовских племен.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА.
Акварельные рисунки художника В. Богаткина

Калинов Луг.

Дерево бедных.

Могила Л. Н. Толстого.

Голоса друзей

Композитор Вано Мурадели, делегат Второй Всесоюзной конференции сторонников мира — автор ряда произведений, посвященных теме защиты мира. Его «Песня студентов» получила первую международную премию и провозглашена гимном Международного союза студентов.

В настоящей статье В. Мурадели рассказывает о творческом участии советских и зарубежных композиторов в борьбе за мирное содружество народов.

Борьба прогрессивного человечества за мир и свободу — одна из центральных тем в творчестве советских композиторов. Глубокое и разностороннее воплощение получила тема мира и свободы народов в нашем кантатно-ораториальном творчестве. После популярной кантаты Александра Маневича «За мир» появились уже десятки произведений хоровой музыки, отражающих те же передовые, благородные помыслы.

Только на днях прозвучала в Москве новая оркестрово-хоровая кантата дагестанского композитора Г. Гасанова. В ее вступительной картине «Красная площадь», в трогательно-нежной «Песне матери», в темпераментном хоре «Там, где трудится страна», в мощном финале и особенно в ярком эпизоде «Взгляни, наш Сталин», написанном в характере медленной, красивой лезгинской песни-танца,—всюду красной нитью проходит тема мира. Обращаясь к любимому вождю, автор провозглашает:

«На страже мира за тобой
Стеною стал народ!»

Произведения советских композиторов, воспевающие мирный труд, получают широчайшую известность. Особенно популярны за рубежами Советской страны наши песни мира, песенный наш жанр, самый популярный, самый «крылатый», самый злободневный — «сиюминутный», по меткому выражению В. Маяковского.

Таковы гимны и песни о мире А. Новикова, И. Дунаевского, В. Белого, С. Туликова, В. Кручинина, М. Блантера.

Наше искусство идейно вооружает миллионы борцов против современных каннибалов во всем мире. Реакционное буржуазное искусство, наоборот, целиком отдало свое продажное «вдохновение» на службу поджигателям войны.

Мы хорошо знаем, какие цели ставит перед собой реакционное искусство, пропагандирующее гангстерство, культ убийства, садизм и расистскую мерзость. В Америке широко рекламируется, например, балет, поставленный Агнессой де Милль; героиня этого балета зверски убивает своих родителей. Одна из последних опер небезызвестного композитора Пауля Хиндемита называется «Убийца — надежда женщин»... Усердно популяризируемый реакционной критикой, композитор-модернист Джон Кейдж «изобретает» новые тембры, имитирующие свист летящей пули!

Такие примеры использования «искусства» обыденны в современной Америке и характерны для «американского образа жизни». Даже реакционная печать вынуждена признать — такое «творчество» не находит признания народа: это мертворожденное, античеловеческое и антихудожественное «искусство» слишком далеко от интересов рядового американского слушателя, жаждущего, как и все простые люди, мира, и только мира!

Если реакционное буржуазное искусство культивирует в молодежи человеконенавистнические инстинкты, то советская песня воспитывает в нашем юношестве гуманные, передовые идеи. В этой связи хочется добрым словом отметить тех композиторов, чье творчество обращено к детской и юношеской аудитории и играет немалую роль в формировании мировоззрения нашей молодежи.

Композитор М. Старокадомский — любимец советской детворы. Его новую песню «Под знаменем мира», мы уверены, широко подхватит юная аудитория.

Композитор Зара Левина создала для детей цикл песен о мире и свободе, завоевавших любовь слушателей. Особенно значительны ее песни «Дети мира за мир» и «Девочка из Вьетнама». В последней выразительная, волнующая музыка сочетается с ярким, увлекательным сюжетом. В далеком Вьетнаме девочка вышивает в подарок Сталину знамя с его портретом. И вот

«...утром одним туманным,
Под гневный призыв тамтама,
С оружием на плантаторов
Поднялся народ Вьетнама...»

И знамя, так любовно вышитое маленькой девочкой, оказалось в центре восстания, воодушевляя народ на борьбу:

«Свой дорогой подарок
Она отдала народу,
Который в борьбе отстаивал
Мир и свою свободу».

Мягкая, задушевная мелодия начала песни, призывно-мятежный характер музыкального эпизода восстания гармонируют с содержанием текста.

Прочно вошли в быт советских людей новые песни А. Хачатуряна («Песня гнева», «О чем мечтают дети»), Л. Бакалова («Солдаты мира»), С. Каца («Дай руку, товарищ далекий»), Г. Носова («За мир и свободу») и многие другие.

Советское песнетворчество — народное и профессиональное — многонационально, различно по форме, музыкальному языку и колориту, но едино в своей идейно-художественной основе. Достаточно сравнить песню А. Арутюняна «О мире я пою», которой свойственны лучшие черты армянского народного искусства, с яркой «Песней матери» (из цикла «Песен о мире») татарского композитора А. Бакирова, выдержанной в национальной ладовой системе, чтобы убедиться в благородстве идейно-художественных устремлений всех советских музыкантов, воспевающих светлые мечты прогрессивного человечества.

Советские композиторы могут с гордостью отметить, что их борьба за мир и свободу нашла отклик в творчестве музыкантов за рубежом.

Недавно с радостью и удовлетворением услышали москвичи давно знакомый голос композитора-революционера Г. Эйслера, гражданина Германской демократической республики.

«Братья, сестры! Мы добудем
Мир — земле, свободу —
людям!» —

поется в мужественном припеве его «Весенней песни». Она льется в чеканном, твердом ритме и заканчивается лаконично, призывно, по-эйслеровски:

«Всех подымем, всех разбудим!
Мир — земле, свободу —
людям...»

И та же страсть звучит в его популярной «Песне голубых знамен».

«Мир хочет мира» — так называется песня чехословацкого композитора Яна Ежека. Эмоционально, убежденно, страстно звучат гневные слова:

«...Все, что мы любим, товарищ,
с тобой,
Враг угрожает разрушить
войной...
...Честные люди каждой страны,
Мир хочет мира, а не войны!»

Мы слышали уже десятки песен на эти темы, принадлежащих композиторам стран народной демократии — П. Филимону, Ф. Кутеву, Л. Профетта, Т. Попову и многим другим.

Сильно, выразительно звучат новые китайские песни о мире, в частности, великолепная народная песня «Без коммунистов нет Китая», с огромным успехом исполняемая вокальным октетом Краснознаменного ансамбля песни и пляски имени А. В. Александрова.

Несгибаемый оптимизм чувствуется в новых французских песнях о мире.

«За мир, друзья! На дно
морское — грузы,
Что смерть и разрушение таят!
На страже мира докеры-
французы
Железною колонною стоят...»—

так поется в глубоко волнующей «Песне французских докеров» Шантела Сюливана. Перекликается с ней и недавно опубликованная в нашей музыкальной печати песня Сержа Нигга «Клятва Торезу», торжественная и пламенная:

«Мы клянемся тебе, что
покончим
С проклятой войной,
Чтоб счастлив был простой
человек,
Чтоб цвел весь шар земной...»

Велика честь — воспевать мир и свободу, своим творческим оружием отстаивать передовые идеи человечества. И этому славному делу служат наши советские композиторы и передовые певцы и музыканты всех стран.

В. МУРАДЕЛИ,
лауреат Сталинской премии

Сверху вниз: члены Советского Комитета защиты мира композиторы Д. Кабалевский, Т. Хренников, Д. Шостакович.

Сцена из третьего действия комической оперы «Кето и Котэ» в театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Слева направо: Маро — О. Борисова, князь Леван — С. Ильинский, Кето — Т. Юдина, Котэ — М. Матвеев.

Фото А. Горнштейна

„Кето и Котэ"

В театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Народный певец — артист Н. Коршунов.

В глубь веков уходит народно-песенная культура Грузии. Музыкальные ее сокровища, отражающие героическую историю и быт мужественного народа, служат неисчерпаемым источником вдохновения для грузинских композиторов, для всей профессионально-музыкальной культуры Грузии.

Основоположник грузинской оперной музыки Захарий Палиашвили (автор немеркнущих классических опер «Абесалом и Этери» и «Даиси»), его талантливые соратники покойный Мелитон Баланчивадзе и ныне здравствующий Дмитрий Аракишвили выступили со своими первыми произведениями лишь в конце прошлого века. И теперь, когда грузинская музыкальная драматургия насчитывает уже десятки названий, мы можем лишь поражаться невиданным темпам ее развития в социалистических условиях.

Младшим современником Палиашвили и Баланчивадзе был композитор Виктор Долидзе (1890—1933), положивший начало развитию грузинской музыкальной комедии. Его комическая опера «Кето и Котэ» более тридцати лет (впервые она была поставлена в конце 1919 года) украшает репертуар не только грузинского музыкального театра, но и театральных сцен многих союзных республик. Ставится она и в городах Российской Федерации.

Сюжет «Кето и Котэ» заимствован из популярнейшей в дореволюционной Грузии комедии «Ханума» драматурга А. Цагарели (1857—1902). Оперетта «Кето и Котэ» ярко, метко, а подчас и ядовито высмеивает быт и нравы дореволюционного Тифлиса с его прогнившей аристократией, фанфаронистым купечеством, отлично уживавшимся с царско-колонизаторским полицейским миром. Галерее уродливо смешных, почти гротескных фигур прокутившихся князей, скрягкупцов, соперниц-свах и прочих «экспонатов» прошлого противостоит светлая юношеская любовь Кето и Котэ. Влюбленные добиваются своего счастья в забавной, хитрой борьбе с «сильными мира», используя трения между ними и опираясь на помощь жизнерадостных, никогда не унывающих «кинто» (кинто — уличные торговцы-разносчики, издавна славящиеся своей плутоватостью и юмором).

Для грузинской музыки характерно сочетание народного искусства с традициями классической, прежде всего русской музыки. Эти традиции унаследованы основоположниками грузинской оперы от своих непосредственных учителей — русских композиторов Н. А. Римского-Корсакова, С. И. Танеева.

В. Долидзе был композитором-самоучкой, и, тем не менее, он также испытал и отразил в своем творчестве плодотворные влияния русских классиков, с сочинениями которых он был хорошо знаком. Что касается влияний народно-грузинской музыки, то в «Кето и Котэ» слышатся интонации и напевы не только старой народной песни, но и более позднего городского грузинского фольклора с его характерным танцевальным ритмом и современным частушечным складом.

Оперетта «Кето и Котэ» богата вокальными эпизодами самого различного характера. В ариитосте из 1-го акта воспевается Грузия — прекрасная роза, выпавшая из клюва горного орла.

Он розу уронил в горах
пустынных, —
И Грузия, как сад, расцвела в
долинах...
Выпьем за розу юга, рай
земной,
За нашу Грузию, за край
родной!.. —

поется в этом тосте.

В сочных, вакхических частушках двух кинто вместе с прославлением радостей жизни отчетливо сквозит сатирическая струя.

Много в музыкальной комедии и проникновенно лирических эпизодов вроде увлекательной песни ашуга, передающей спор девушек из различных местностей Грузии о любви.

Оперетта «Кето и Котэ», брызжущая весельем, жизнерадостностью, остроумием, была с успехом показана в Москве в январе 1937 года, в памятные дни декады грузинского искусства. Сейчас «Кето и Котэ» в русском переводе и с заметными изменениями в либретто и музыке поставлена в музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Авторы русского текста «Кето и Котэ» — С. Болотин и Т. Сикорская. Художественный уровень нового либретто надо признать высоким. Но авторы допустили ошибку, когда они княжеского сына Котэ, вначале совсем не всерьез фрондирующего по поводу прокученных дядей-князем имений, в финале пьесы изобразили чуть ли не революционером, отрекающимся от своей среды и вступающим на путь трудовой жизни. Такие метаморфозы даже в оперетте звучат фальшиво и безвкусно.

«Душой» постановки, несомненно, должен быть признан В. Канделаки. В творческом содружестве с Н. Кемарской он поставил спектакль, он же с блеском исполняет обаятельную роль кинто Сако.

На фоне уродливых окаменелостей прошлого постановщики с особой симпатией оттеняют свежесть первой юношеской любви, веселую беззаботность бедных, но честных кинто — все то живое, передовое, хорошее, что всегда бытует в жизни народа.

С удовлетворением хочется отметить талантливую молодежь театра, удачно выступающую в спектакле: артистку Г. Зенкову (Кето), О. Борисову (княгиня Маро), артистов М. Матвеева и В. Радзиевского (Котэ), Н. Коршунова, а также представителей более старшего поколения, как Т. Юдина (Кето), И. Петров (князь Леван) и другие.

Привлекают внимание декорации художника В. Айвазяна. Музыкально и выразительно дирижирует А. Шавердов.

Грузинская оперетта «Кето и Котэ» — ценное пополнение репертуара столичной музыкальной комедии.

Московский зритель, несомненно, будет рад увидеть в дальнейшем на сцене и украинскую народно-музыкальную комедию «Запорожец за Дунаем», и азербайджанскую «Аршин-мал-алан», и многие другие выдающиеся музыкально-сценические произведения, которыми богата многонациональная советская культура.

С. КОРЕВ

У земляков Тутаринова

На съемках фильма «Кавалер Золотой Звезды» в станице Зеленчукской. Слева направо: артист С. Бондарчук в роли Сергея Тутаринова, А. Чемодуров в роли Семена Гончаренко.

Фото В. Уварова

На съемках фильма «Кавалер Золотой Звезды»

П. ПОТАНИН

Несколько лет тому назад писатель Семен Петрович Бабаевский часто бывал в Зеленчукском районе на Ставрополье, где тогда шло строительство межколхозной гидроэлектростанции.

Время было трудное. Война только что отгремела. Рабочих рук не хватало. Однако строительство гидроэлектростанции было в разгаре.

Шумели, пенились буйные воды горной реки Большой Зеленчук, и по берегам ее шла неутомимая созидательная работа. Глухие удары кирок и ломов, хруст врезающихся в галечную землю лопат оглашали берега быстро бегущих вод.

На строительстве канала работали десятки колхозных бригад. Красный флажок передовика переходил от одной бригады к другой. Писатель Бабаевский познакомился со многими строителями, часто беседовал с ними.

Среди колхозников были молодые, только что вступившие на путь самостоятельной жизни, и чуть постарше, и пожилые казаки и казачки, и крепкого сложения старики и старухи, и совсем недавно вернувшиеся из боевых походов воины...

Много добрых дум и замыслов породили эти люди у писателя. Они и послужили прототипами героев романа «Кавалер Золотой Звезды».

С тех пор прошло пять лет. Зеленчукские хлеборобы построили пять гидроэлектростанций. Электрические лампочки ярко осветили села и станицы горного района Ставрополья. Зеленчукский район стал районом сплошной электрификации.

* * *

Этим летом в красивейшем Аксаутском ущелье на берегу реки Аксаут появился строительный материал. Вслед за этим на площадку пришли строители. Зеленчукцы были удивлены: «Кто и что тут будет строить?»

Тайна была вскоре разгадана. Оказалось, что здесь сооружается здание-макет гидроэлектростанции для съемок кинокартины «Кавалер Золотой Звезды».

— А что же вы наши не сфотографируете? — спрашивали зеленчукцы кинооператоров.

— Станции ваши хороши, — отвечали те, — но снимать их трудно: в лощинах они, а нам надо простор, перспективу...

Молва о съемках кинокартины по роману «Кавалер Золотой Звезды», столь популярному среди советских людей, быстро облетела села и станицы.

Съемочная киногруппа была уже в сборе. На больших крытых автомашинах, с вышками и фотокамерами кинооператоры и артисты появлялись то там, то здесь, и везде их встречали, как давно знакомых, старых друзей.

— Земля у нас хороша, — приговаривали зеленчукцы, — и неплохо мы на ней трудимся, такую землю не грех показать всему миру.

А сами, встав утром пораньше, приводили в порядок свои улицы, прихорашивали дома и зеленые пахучие садики.

* * *

Широки колхозные поля. Созревшие хлеба колышутся от легкого ветерка. Подойдешь к ним — и не можешь удержаться, чтобы не дотронуться рукой до колосьев — могучих, рослых, густо золотистых.

Началась страдная пора. Ожили просторы полей. Вот идет красавец-корабль, самоходный комбайн «С-4». Дальше виднеется комбайн «Сталинец-6», за ним — другой. Еще дальше стрекочут простые уборочные машины. Всюду, как рассыпанные цветы, виднеются пестрые косынки, повязанные на головах сноповязальщиц.

Вместе с колхозниками на поля выехала киноэкспедиция «Мосфильм» для съемки цветной картины «Кавалер Золотой Звезды». Кинооператоры торопятся заснять замечательные картины праздника труда, запечатлеть их на кинопленке. Медлить нельзя. Уборка ведется быстрыми темпами: еще вчера здесь стоял огромный массив пшеницы, а сейчас его нет, и тянутся лишь ровные рядки суслонов, ночью же и суслонов не будет — свезут молотить.

В один из таких дней в гостях у съемочной группы побывал писатель Бабаевский. Здесь он встретился со своими героями. Вот кавалер Золотой Звезды Сергей Тутаринов — его играет молодой артист Бондарчук; Ирина Любашева — ее играет молодая артистка, впервые выступающая в кино, Канаева. Подходят Семен Гончаренко (артист Чемодуров), сестра Тутаринова Анфиса (артистка Носова), отец Тутаринова (артист Ильченко). Роль секретаря райкома ВКП(б) Кондратьева исполняет народный артист СССР Борис Чирков, председателя райисполкома Хохлакова — народный артист РСФСР Комиссаров, председателя колхоза Рагулина — заслуженный артист РСФСР Ратомский, Рубцова-Емницкого — заслуженный артист РСФСР Каюков.

Ставит фильм кинорежиссер народный артист Латвийской ССР Ю. Райзман. Он шутливо жалуется Бабаевскому:

— Плохо нам, Семен Петрович. Бегаем здесь, как зайцы. Посмотрите кругом. Везде столбы, провода. Куда ни сунься, всюду электричество. Вот и попробуй заснять предстроительный ландшафт. Ведь у нас по ходу действия только еще идет строительство ГЭС, проводов не должно быть, а здесь их так много... — Райзман махнул рукой вправо. — Вот, посмотрите.

На пригорке, совсем недалеко, на полях колхоза "Первое мая», медленно движется электротрактор, большой, массивный.

Чуть правее шла электромолотьба. Розоватая пыль поднималась вверх. Снопы беспрерывно подбрасывались с обеих сторон к молотилке.

* * *

Самая массовая сцена в кинофильме — это праздник открытия гидроэлектростанции. В ней участвует свыше 2000 местных жителей.

С раннего утра из станиц Зеленчукской и Кардоникской на автомашинах, линейках, тачанках съезжались колхозники к отстроенной гидроэлектростанции. Яркий, светящийся осенний день. На небе ни облачка. Самая подходящая погода для съемок.

В ожидании станичники осматривают здание-макет гидроэлектростанции, беседуют о своих делах. Люди все прибывают. В одной из групп разговор идет об электрификации района.

Преобразились села и станицы Зеленчукского района; с каждым днем они все более походят на города и труд жителей становится высокомеханизированным, высокопроизводительным...

— Внимание! — раздается команда кинооператора.

Все участники съемки поспешили занять свои места. И по воле режиссера ожили страницы романа Бабаевского: «...над Кубанью поднялся такой разноголосый шум, говор, шутки, смех... повсюду разливались такие протяжные песни, а гармонисты с таким старанием перебирали пальцами, что даже заглушали плеск падающей на сбросе воды... было так пестро и шумно, было столько веселых лиц, обрадованных улыбок, крепких рукопожатий, радостно сияющих глаз...»

Станица Зеленчукская.

Встреча писателя С. Бабаевского с участниками фильма «Кавалер Золотой Звезды». Слева направо: народный артист Латвийской ССР режиссер Ю. Райзман, артист С. Бондарчук, писатель С. Бабаевский, артистка К. Канаева, артист А. Чемодуров.

И. ПАВЛОВСКИЙ

ПЕРЕД СЕЗОНОМ

Чемпион мира М. Исакова (справа) и ее тренер Иван Аниканов вышли на лед.

— «Здравствуйте, уважаемая товарищ Исакова! Горячий солдатский привет шлют вам воины-комсомольцы войсковой части. Из газеты «Советский спорт» мы узнали о том, что вы в третий раз завоевали звание чемпиона мира. От всей души поздравляем вас с замечательной спортивной победой. Дорогая наша победительница! Желаем вам и впредь добиваться наилучших успехов в спорте. Большое вам солдатское спасибо за то, что вы стоите в первых рядах борцов за славу и возвеличивание Родины. Просим вас прислать нам свою фотографию, она займет достойное место в нашем альбоме. С солдатским приветом комсомольцы-отличники Мордовцев, Филенко, Васильченко, Селезнев, Ширшиков, Лосев».

Прочитав вслух письмо, Мария Исакова бережно кладет его в конверт и убирает в объемистую папку, в которой она хранит свою почту, затем говорит:

— Десятки таких писем получила я в этом году от незнакомых людей. Трогательны их забота и внимание. Хотелось бы и предстоящей зимой оправдать надежды моих друзей.

Вспоминая о своем последнем единоборстве с сильнейшими конькобежками мира, Мария Григорьевна вдруг усмехается и говорит:

— А вы знаете, когда перед началом матча в Москве я в результате жеребьевки получила «роковой» тринадцатый номер, многие зарубежные спортсменки самым серьезным образом пророчили мне неудачу. Они даже сочли своим долгом выразить мне сочувствие.

Я отвечала, что не верю в приметы, но мои собеседницы твердили свое:

— Мария, ваши дела плохи.

После окончания соревнований я напомнила им об их мрачных «предсказаниях».

— Как видите, — сказала я, — цифра «13» не так уж плоха. Ее надо толковать так: первое место в третий раз!

Нынешняя весна у меня была неважная, — говорит Мария Григорьевна, — попутала она мне планы. Еще в Горьком, где в этом году проходили соревнования конькобежцев общества «Динамо» и разыгрывалось первенство Российской Федерации, я почувствовала недомогание. А в конце зимы, когда в Кирове проводились состязания на приз имени С. М. Кирова, уже было ясно, что мне вскоре придется оперировать аппендикс. В мае мне сделали операцию. Пришлось нарушить многолетний спортивный режим.

Впрочем, как говорят, нет худа без добра. Уже давно мне хотелось написать о своих выступлениях на ледяных дорожках. Выйдя из больницы, я за летние месяцы закончила рукопись. Книжка так и будет называться — «Ледяные дорожки».

Летние месяцы я, таким образом, из-за болезни не могла использовать для тренировки.

Сейчас я тренируюсь три раза в неделю. Один день — в спортивном зале стадиона «Динамо», где конькобежцы занимаются гимнастикой, ходьбой, бегом, работают с гирями и штангой и имитируют движения, которые они обычно совершают при беге на коньках. Два дня тренировки проводятся в парке или лесу. Там мы прыгаем в высоту и длину, толкаем ядро и, чтобы разработать дыхание, бегаем на короткие и длинные дистанции.

Сейчас, правда, я вынуждена прервать тренировку: еду на Всемирный конгресс сторонников мира. Горжусь тем, что мне оказано высокое доверие представлять на конгрессе нашу Родину — оплот мира во всем мире.

Не знаю, что сулит мне мой семнадцатый спортивный сезон, но предвижу острую борьбу со своими подругами — Риммой Жуковой, Зоей Холщевниковой, Зинаидой Кротовой, Лидией Селиховой, Татьяной Карелиной.

«Спартак» — победитель «Кубка СССР»

Николай Дементьев сильным ударом издали послал мяч в ворота «Динамо», и тот настолько стремительно влетел в сетку, что вратарь В. Саная никак не смог реагировать на него.

Этот последний мяч финальной встречи был и последним в розыгрыше «Кубка СССР». Он закрепил победу «Спартака» над московскими динамовцами. Счет стал 3 : 0. Почетный трофей «Кубок СССР» под несмолкающие аплодисменты был вручен капитану «Спартака» Василию Соколову и тренеру А. Х. Дангулову.

Финальный матч проходил под дождем. На поле блестели лужи, и мяч, замедляя бег на мокрой траве, временами продолжал свой путь... вплавь.

Это, конечно, не дало возможности ни той, ни другой команде в полной мере показать мастерскую игру, но зато выявило их способность в любых условиях играть коллективно и тактически остроумно.

Несмотря на непогоду, «Спартак» играл в своей манере стремительных атак, построенных на короткой передаче мяча. Они принесли успех.

Кто-то на трибуне заметил:

— Спартаковцы умудрились на мокром поле выиграть с сухим счетом...

Это, впрочем, относится не только к этому матчу: в «сухом» счете выразились победы спартаковцев над чемпионом страны ЦДКА и кишиневской командой «Буревестник».

Всего «Спартак» провел четыре встречи на «Кубок СССР». Его быстрые нападающие вбили 17 мячей, а защита пропустила лишь один. Уже это говорит об активных наступательных действиях команды.

И лидер ее атак Никита Симонян и левый инсайт Н. Дементьев показали себя в нынешнем сезоне как умные тактики, обладающие богатым арсеналом технических приемов, сильным и метким ударом по воротам. Зрители имели возможность видеть также стремительный бег с мячом А. Паромонова, внезапные выходы к воротам В. Терентьева и А. Рысцова. Все это делало наступление «Спартака» грозным.

Отлично играли полузащитники И. Нетто и О. Тимаков. Они всегда включались в атаку и во-время уходили оборонять свои ворота. Наконец, очень уверенно провела все матчи защита во главе с неутомимым В. Соколовым.

«Спартак» в пятый раз выиграл «Кубок СССР» и показал себя как цельный, хорошо слаженный коллектив с прекрасными волевыми качествами.

Капитан команды «Спартак» заслуженный мастер спорта Василий Соколов.

Изошутка В. Высоцкого

67 СЕКУНД С НЕРАСКРЫТЫМ ПАРАШЮТОМ

Рассказ Аминат Султановой

Фото И. Цыганко

Среди шести спортсменок, выполнивших недавно беспримерный в истории парашютизма затяжной прыжок ночью, была студентка Дагестанского женского учительского института Аминат Султанова — первая рекордсменка Советского Союза из Дагестана.

Плавно оторвавшись от зеленого поля аэродрома, самолет стал подниматься в ночную высь... Высота 3000, 4000, 4500 метров. Парашютистки внимательно присматриваются к световым ориентирам, подготовленным для их прыжка. Высота 5500 метров. Подана команда «приготовиться». Вскоре парашютистки оставили самолет.

Вот что рассказала Аминат Султанова об этом прыжке:

— Отделившись от самолета, я попала во вращательное движение. Зная, что это от скорости самолета, я спокойно ждала. Через несколько секунд вращение прекратилось, но я падала вниз спиной. Отчетливо были видны звезды. Я сразу же выставила в сторону левую руку, и воздушный поток перевернул меня вниз лицом. Торопливо отыскиваю выложенные на земле огни — большие костры.

Скорость все увеличивается, мои руки, протянутые несколько вперед, дают возможность управлять падением. Падаю 20 секунд, скорость уже предельная, стараюсь при помощи рук удерживать тело в горизонтальном положении. Это позволяет мне все время видеть огни. Они еще далеко. На предыдущих тренировках я научилась управлять своим падением. При затяжном прыжке руки становятся хорошим помощником.

От сильного потока воздуха тяжело дышать. Внезапно резко бросило в сторону. Выставляю правую руку и снова падаю нормально. Подношу к лицу секундомер со светящимся циферблатом. Прошло уже 40 секунд. Рассматривая секундомер, потеряла управление. Снова вижу звезды — значит, падаю вниз спиной. Начинается сильное вращение — «штопор». Прогнувшись, выставляю в необходимое положение руки и ноги. Вращение прекращается, и я снова лечу вниз лицом, снова все внимание на огни. В штопоре была всего 4—5 секунд, но они показались минутами. Очень тяжело падать, не видя огней. Невольно начинаешь думать о кольце парашюта.

Снова смотрю на секундомер. Лечу 55 секунд. Отсчитываю секунды про себя. Считаю, а сама смотрю на огни. Они находятся от меня несколько в стороне, проектируются под острым углом. Значит, все в порядке, до земли еще далеко. Но и земля, освещенная луной, просматривается в виде каких-то серых и темных прямоугольников. На счете 10 секунд; вдруг рядом со мной мелькнул купол парашюта,— значит, кто-то из подруг открыл парашют.

Через две секунды берусь и я за кольцо и открываю парашют. Рывок, и падение прекратилось. Осматриваюсь. Вижу своих подруг.

Со страхом вспомнила про барограф. На месте ли этот механический судья затяжного прыжка? Не потеряла ли я его?

Я плавно приземлилась на пахоту, освободилась от парашюта и дала сигнальную ракету о благополучном спуске. Это был мой 62-й прыжок.

...Аминат Султанова окончила аэроклуб по курсу пилотов и самостоятельно пилотирует легкомоторный самолет. Свободное падение, по данным спортивной комиссии, продолжалось 3533,3 метра. Это всесоюзный рекорд для женщин.

П. СТОРЧИЕНКО,
мастер спорта СССР

ФЕОДОСИЙ ВАНИН УСТУПАЕТ ДОРОЖКУ

Это был удивительный бег. Он надолго останется в памяти всех, кто присутствовал тогда на киевском стадионе имени Хрущева.

В финальном беге на первенство страны по легкой атлетике четыре бегуна показали время лучше всесоюзного рекорда, причем новый рекорд, установленный Иваном Семеновым, почти на 20 секунд лучше прежнего.

Да, это был удивительный бег! И все-таки, когда думаешь о нем, в памяти оживают прежде всего не секунды, не торжествующий голос диктора, а то, что произошло на последнем повороте,— эпизод, о котором с волнением говорили потом и участники соревнований и зрители.

...На второй половине дистанции бег повел Феодосий Ванин. Сделав сильный бросок, он резко увеличил темп и оторвался от соперников. До десятого километра Ванин уверенно возглавлял бег, идя по графику, превышающему график рекордного бега. Однако в тот момент, когда до финиша оставалось 500—600 метров, лидера стал настигать Иван Семенов.

Вот уже звук колокола возвестил о том, что начат последний круг. Семенов бурно финиширует, он уже вплотную приблизился к Ванину. Зрители замерли. И в этот решающий момент бега произошло то, что никогда не могло случиться на стадионе буржуазной страны: Ванин вдруг уступил Семенову бровку.

В чем заключалась причина этого загадочного на первый взгляд решения? Перед выходом на последнюю прямую Ванин почувствовал, что ему не удастся придти первым. Что делать? Бороться еще два — три десятка метров или уступить? Ванин избрал второе.

Им безраздельно руководила одна ясная мысль: «Нет, Семенов еще далеко не исчерпал своих сил, он все равно будет первым, а ты, загораживая бровку, заставишь его обгонять тебя на повороте и терять доли секунды. А это значит, что новый рекорд страны будет хуже, чем он может быть». И Ванин освободил Семенову дорожку.

Это был удивительный, незабываемый бег. Но когда думаешь о нем, вспоминаются прежде всего не секунды...

В. ВАСИЛЬЕВ

Феодосий Ванин.

Свойство сердца

Фельетон

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки И. Семенова

Произошло недоразумение. Разметчик сборочного цеха Иван Петрович Сырокваша собирался на юг, в санаторий «Светлана», а путевка ему оказалась выписанной в «Чистые ключи». Правда, в профиле этих санаториев не было почти никакой разницы, тем не менее Иван Петрович бросил путевку на стол и сказал:

— Не поеду!

— Почему? — удивленно спросил председатель завкома.

— Не тот санаторий.

— Да в нем все, как в том. Ванное отделение, электролечебные кабинеты, врачи...

Но на Ивана Петровича не действовали никакие резоны:

— Нет — и больше ничего.

— Если ты насчет кухни опасаешься,— сказал предзавкома,— то это зря. Повар в «Чистых ключах» лучше, чем в «Светлане». Он такие борщи и бифштексы готовит, что ты, Иван Петрович, по меньшей мере, пять кило в весе прибавишь.

— Спасибо, не нуждаюсь.

Повар и в самом деле был здесь не при чем. Упрямствовал Иван Петрович вовсе не из-за борщей и бифштексов, а из-за своего зятя. Пятнадцать лет этот самый зять был хорошим отцом и супругом, а на шестнадцатый его точно подменили. Завел он себе каких-то забубенных дружков-приятелей и стал обижать жену и детей.

Ивану Петровичу уже давно хотелось съездить в Казань и поругать зятя за его поведение. Хотеть хотелось, а вот решиться на поездку он не мог. Неудобно. Это и в самом деле не такое простое дело — явиться из-за тридевять земель к взрослому человеку и начать читать ему нотации и наставления. И вдруг подвернулся удобный случай. Иван Петрович узнает из письма дочери, что ее муж едет в сентябре на юг в «Светлану».

— Вот и хорошо,— решил Сырокваша.— Я тоже поеду туда. Полечусь, похожу с зятем на ванны. Не может быть, чтобы за месяц у нас с ним не нашлось повода откровенно, по-мужски поговорить друг с другом.

И вот когда все уже, казалось, было на мази, Ивану Петровичу выписали путевку не в тот санаторий. Ему бы рассказать председателю завкома, почему именно «не в тот», и все, глядишь, обошлось бы по-хорошему, а он не рассказал, постеснялся. Все-таки, как-никак, семейные неприятности. И что предзавкома ни делал, как он ни уговаривал Ивана Петровича ехать в «Чистые ключи», у того на все доводы был только один ответ:

— Или в «Светлану» или никуда.

— И не езжай! — сказал с досады предзавкома и добавил: — Ох, уж эти мне ревматики! Болезни у них на пятак, зато капризов, как у хорошей барыни.

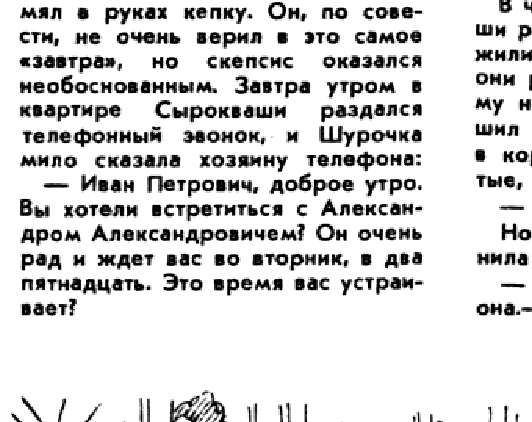
— Это кто же здесь барыня? — раскрасневшись, спросил Иван Петрович.

Предзавкома был мужик в общем неплохой, но резкий на язык. Ему бы успокоить Сыроквашу, а он нет, сам вспылил, обидел старика и вынудил его отправиться с жалобой в обком союза. Но попасть к председателю в этот вечер Ивану Петровичу не удалось.

— Александр Александрович проводит заседание президиума,— сказала Сырокваше синеглазая Шурочка.— Оставьте номер вашего телефона, я сообщу завтра, когда вам надо будет придти на прием.

Иван Петрович недовольно помял в руках кепку. Он, по совести, не очень верил в это самое «завтра», но скепсис оказался необоснованным. Завтра утром в квартире Сырокваши раздался телефонный звонок, и Шурочка мило сказала хозяину телефона:

— Иван Петрович, доброе утро. Вы хотели встретиться с Александром Александровичем? Он очень рад и ждет вас во вторник, в два пятнадцать. Это время вас устраивает?

— Да, да, устраивает,— поспешил сказать Сырокваша, хотя два пятнадцать никак его не устраивало. Но звонок от имени председателя на квартиру так растрогал старика, что он решил даже перемениться во вторник сменой.

Три дня, от субботы до вторника, Сырокваша находился под впечатлением телефонного разговора, а во вторник утром в его квартире раздался новый звонок. У аппарата была Шурочка.

— Иван Петрович,— сказала она,— Александр Александрович просил напомнить, что сегодня в два пятнадцать он ждет вас у себя.

— Спасибо, я помню,— сказал Сырокваша. А сам подумал: «Да, этот Александр Александрович не чета нашему предзавкома. С таким председателем можно быть откровенным. Такому расскажешь и про зятя и про дочь, не постесняешься».

В радужном, приподнятом настроении собирался Иван Петрович на свидание с председателем обкома союза. В час дня, побритый, принаряженный, вышел он из дома, как вдруг телефонный звонок неожиданно вернул его с лестницы. У аппарата опять была Шурочка.

— Иван Петрович,— сказала она,— Александр Александрович просит извинить его. Сегодня он вас принять не сможет. В два пятнадцать ему надо быть на заседании жюри смотра хоровых и танцевальных кружков.

Что и говорить, извещение было не из приятных. И хотя старый разметчик ничего не имел против самодеятельного искусства и совсем не собирался противопоставлять свою скромную персону певцам и танцорам, тем не менее в его радужном настроении произошел такой спад, что он забыл даже спросить, на какой день переносится его свидание с председателем обкома.

Но то, что забыл Иван Петрович, хорошо помнил Александр Александрович.

В час ночи в квартире Сырокваши раздался резкий звонок. Люди жили в этой квартире тихие. Днем они работали, ночью спали, поэтому неурочный трезвон переполошил весь дом. Из каждой двери в коридор выскакивали полуодетые, взбудораженные люди:

— Что случилось? Где пожар?

Но это был не пожар, это звонила Шурочка.

— Иван Петрович, — сказала она.— Вы хотели встретиться с Александром Александровичем. Он очень рад и ждет вас в пятницу в два пятнадцать. Это время вас устраивает?

Ночной звонок вызвал в сердце старого Сырокваши раскаяние.

«Вот ты лежишь и спишь, — говорил он себе,— а в это время где-то бодрствует человек, который думает о тебе, желает тебе хорошее».

Это раскаяние увеличилось еще больше в пятницу утром, когда в телефонной трубке снова раздался шурочкин голос:

— Александр Александрович просил напомнить, что сегодня, в два пятнадцать, он ждет вас у себя.

К часу дня Иван Петрович был готов к свиданию. Он вышел из квартиры с теплым, хорошим чувством к Александру Александровичу, и он бы донес это чувство до кабинета председателя, если бы новый звонок по телефону не возвратил его с лестницы. И вновь, как и в прошлый раз, у аппарата была Шурочка:

— Александр Александрович просит извинить его. Сегодня он вас принять не сможет. В два часа ему надо быть в ВЦСПС.

После этого звонка Ивану Петровичу уже не хотелось больше встречаться с Александром Александровичем. Да и зачем? Он бы не смог теперь быть откровенным с ним, не смог бы рассказать ему ни про свою дочь, ни про своего зятя. А идти с жалобой на председателя завкома тоже не было уже никакой надобности. После ссоры с Сыроквашей предзавкома быстро отошел и, хотя дело было хлопотливым, не поленился, сходил в курортное управление, затем в Центральный комитет союза и переписал Ивану Петровичу путевку из «Чистых ключей» в «Светлану».

В пятницу вечером Сырокваша уехал на юг, а в час ночи в его квартире раздался очередной звонок. И хотя к телефону подошел не сам Иван Петрович, а только его сосед, Шурочка ласково задала ему свой привычный вопрос:

— Вы хотели встретиться с Александром Александровичем? Он очень рад и ждет вас во вторник.

Сосед Сырокваши был человек молодой, веселый, любопытный. Соседу было интересно узнать, чем могут окончиться все эти телефонные перезвоны, и он не стал отказываться от свидания с председателем. Но нового, повидимому, ничего не предвиделось. Со вторника свидание было перенесено на пятницу, с пятницы на вторник.

Иван Петрович заканчивал уже на юге курс лечения, он давно помирился с зятем и скоро должен был вернуться назад, а в его квартире попрежнему дважды в неделю звонит телефон, и веселый молодой сосед спрашивает у Шурочки, как у своей старой знакомой:

— Как дела? Что сказал Александр Александрович?

И Шурочка, не чувствуя в заданном вопросе иронии, милым, приветливым голосом отвечает:

Ночью: Александр Александрович рад с вами встретиться...

Утром: Александр Александрович просил напомнить вам...

Днем: Александр Александрович просил извинить его, но сегодня он не сможет встретиться с вами.

Сосед слушает и посмеивается над незадачливым помощником Александра Александровича, а этому помощнику хочется только одного: чтобы ее Александр Александрович выглядел в глазах членов профсоюза чутким, отзывчивым человеком.

Бедная Шурочка по молодости лет не учитывает одного обстоятельства, что чуткость не профессия, а свойство человеческого сердца, и если такого свойства нет в председательском сердце, то его уже ничем не заменить: ни телефонными звонками, ни ласковыми пожеланиями «доброго утра» от имени этого самого председателя.

Забытый изобретатель

«Я познакомился, — писал своему другу Павел Свиньин, редактор петербургского журнала «Отечественные записки», — с необыкновенным чудаком нашего века, который целую жизнь трудился, познавал, изобретал для пользы других».

Имя этого талантливого русского самородка, забытого изобретателя — Иван Миронович Кукин.

Он рассказал Свиньину о цели своего визита. Именитые купцы и богатые заводчики предлагают ему много денег за его «достояние», но он отказывается, так как считает, что оно должно принадлежать народу.

— О каком достоянии идет речь?— недоумевал редактор.

И когда Кукин указал на принесенный чемоданчик, Свиньин насторожился. Но как он был поражен, когда посетитель вынул из чемоданчика несколько пар кожаных подметок, две шкурки красного сафьяна, мягкие опойковые голенища, головки из добротной юфти!

— Здесь кожевенного товара на добрую сотню ассигнациями наберется,— не вытерпел редактор. — О каком золоте вы говорите?

— Извольте полюбопытствовать, — гость показал две пары подметок, — вот эта, темнокоричневая, дубилась три года, а эта вот, что посветлее, по изобретенному мною способу — три дня...

Кукин сказал правду: это изобретение увенчало годы упорного труда, непрерывных исканий. Еще юношей, работая на кожевенном заводе в Москве, он задался целью усовершенствовать производство кож. Он изучал приемы дубления в Казани, Петербурге и в других городах и убедился, что в этой области за последние столетия ничего не изменилось. Не лучше обстояло дело и за границей.

В 1786 году Кукин взялся за самостоятельную экспериментальную работу. Прошли десятилетия, прежде чем самоотверженный новатор разрешил поставленную задачу. Он создал оригинальный способ ускоренного дубления кож. В пяти книгах Кукин изложил свои работы. Но его заявка странствовала семь лет по инстанциям, где его неоднократно заставляли демонстрировать изобретение перед чиновниками, целыми комиссиями.

Автора уже не было в живых, когда 18 сентября 1824 года был утвержден патент на его имя. Изобретение, которое Кукин отказался продавать купцам, а стремился передать народу, досталось царским чиновникам. Раболепствуя перед иноземцами, они по сходной цене сплавили открытие Кукина за границу, где ловкие дельцы стали получать на него привилегии.

В Америке и Англии заявителями выступили Бурридж и Аллен Роджерс. Первый присвоил себе кукинский метод дубления экстрактом дубовой коры, а второй выдавал за свой русский способ дубления серной кислотой. Некий Тейберт открыто писал, что «русская кожа была главная часть его секрета и что он узнал способ выделывать оную в России». Сотни иностранных фирм нажили огромные состояния на похищенном изобретении Кукина.

Только в наше время исполнилась мечта бескорыстного новатора-патриота: его открытие давно сделалось достоянием народа, что он и считал единственной наградой за свои труды, наградой, которую не хотел променять на золото.

А. ДРУГОВ

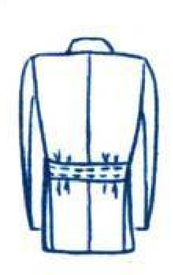

← Однобортный костюм-двойка. Пиджак с застежкой на три пуговицы. Карманы с клапанами.
Автор — Ручкин М. В.

МОДЕЛИ ДОМА МОДЕЛЕЙ ГЛАВШВЕЙПРОМА МЛП СССР

Костюм спортивного типа. Пиджак однобортный с застежкой на две пуговицы и накладными карманами. →
Автор — Пешкин П. В.

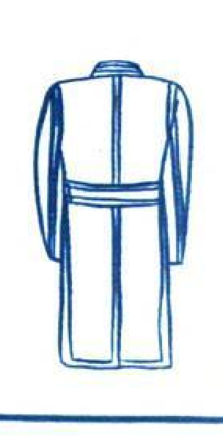

Двубортное пальто. Карманы накладные с клапанами. Пальто отделано широкой строчкой.

Пальто свободной формы, однобортное. На спинке шов. Рукава двухшовные. Карманы накладные с клапанами.
Автор — Ручкин М. В.

В ТАЛЫШСКИХ ЛЕСАХ

По следам зверя

Перед вечером мы отправились со знаменитым охотником Асадом и его пятнадцатилетним сынишкой Афсаром в засаду на кабанов. Пока добрались до серных источников Исти-су, солнце уже скрылось за гряду Талышских гор и над побережьем южного Каспия спускались голубые вечерние сумерки. Вершины гор были покрыты белой пеленой тумана. Где-то кричала сойка, в воздухе слышалось посвистывание крыльев уток и куличков, перелетавших с моря на рисовые плантации.

У селения Кяргелан начался подъем в горы. Шли медленно. Асад, потягивая свой перламутровый кальян, рассказывал:

— На кабанов охотиться очень трудно. Нюх у них большой. Вот и сейчас мы должны садиться так, чтобы ветерок дул в противоположную сторону от кабаньей тропы. Иначе секач почует запах человека — и в кусты... Так и просидим впустую до рассвета.

Из-за высоких столетних дубов выплыла круглая, похожая на фонарь луна. Тихо шумел лес. По обеим сторонам тропинки срослись и перевились заросли железняка, тянулись заросли граба, лапины, барбариса.

— Стоп! — сказал Асад. — Видишь эту скалу?

В полукилометре от нас виднелся силуэт высокой горы. Она, как башня, возвышалась над лесом.

— Из-за этой скалы по тропинке придет стадо диких свиней, — пояснял охотник, — они будут спускаться вниз на рисовые плантации. Мы разместимся в дуплах и будем их поджидать.

В дупле пахло гнилью. Асад молчал. В такое время разговаривать нельзя... Прокричал сыч. Мимо дупла с писком пронесся какой-то маленький зверек, прошуршала мышь. По тропинке, щелкая иглами, как костяшками счетов, пробежал дикобраз.

Вдруг Асад поднял голову и взялся за ружье. Вскоре отчетливо стало слышно, как неподалеку захрустел валежник. Звук с каждой минутой усиливался. Лунный свет пронизывал густые ветви дубов и освещал узкую тропинку.

Я следил за каждым движением Асада. Афсар находился в другом дупле, напротив.

Вскоре до нас донеслось знакомое «хрю». На тропинке показался матерый, клыкастый кабан. Он остановился, втянул воздух и, хрюкнув еще раз, пошел вперед. За ним потянулось все стадо.

Секач приближался медленно. Вот он вышел из тени на ярко освещенный луной участок. Как острые кинжалы, торчат белые клыки зверя. Мне хочется дернуть Асада за рукав и крикнуть: «Стреляй!» Но воздух уже потряс выстрел. Он протяжным эхом отозвался в горах. Я приготовился выпрыгнуть из дупла, но Асад удержал меня и прыгнул сам. Раздался второй выстрел. Это бил Афсар. Стадо с визгом шарахнулось в сторону. Кабан сделал огромный прыжок, пересек клыками молодую ольху и, воткнувшись носом в кустарник, остался лежать неподвижно. В нем оказалось 138 килограммов мяса.

Асад рассказал мне такой случай. Однажды он ранил кабана. Зверь в яростной злобе набросился на охотника, который сумел спрятаться за дерево. В это время на кабана набросились две собаки другого, подошедшего охотника. Зверь им обоим пропорол животы, набросился на охотника и сломал ствол его ружья. От зверя удалось отбиться лишь благодаря ловкому удару кинжалом.

Дикие свиньи любят тереться о стволы деревьев, богатых смолой. От этого на их коже образуется прочный панцырь, который иногда не пробивает дробь, не берут зубы собак.

Охота на диких свиней опасна. Но любителей охоты на них в Ленкоранской зоне много. Они прибегают к разным хитростям, чтобы подкараулить больших и жирных кабанов на лесных тропах Талыша.

К. ХРОМОВ

Ленкорань.

Из прошлого

«ВЕСТИБЮЛЬ, МОЯ ВЕСТИБЮЛЬ...»

Одна дама взялась переводить «Войну и мир» Л. Н. Толстого на французский язык. Известную песню «Ах, вы, сени, мои сени», которую поют солдаты, возвращаясь после кутузовского смотра под Браунау, она перевела так: «Vestibules, mes vestibules». Толстой прочел и пришел в отчаяние.

Об этом рассказывает в своих воспоминаниях Т. А. Кузминская.

В 1892 году в Москве издан, ныне очень редкий, сборник «Русские песни с французским переводом». Просматривая его, я нашел такой же перевод, как и тот, о котором говорит Кузминская.

«Ах, вы, сени, мои сени, сени новые мои, сени новые, кленовые, решетчатые» в этом переводе превратились вот во что:

Эх! вестибюль, мой вестибюль,
Вестибюль совсем новый,
Вестибюль деревянный, кленовый,
Окруженный декоративной решеткой!

и т. д.

Возможно, что дама-переводчица «Войны и мира» пользовалась именно этим уже готовым и в то время распространенным переводом, который действительно приводит в отчаяние.

Б. М.

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛОВ

ТОЧНАЯ ЭМОЦИЯ

КИНОРЕЖИССЕР (АКТЕРУ): — Гнев! Дайте мне гнев! Ну что вам непонятно, чорт побери?! Представьте себе, что вы сенатор, который получил взятку не в том размере, на который он рассчитывал!

ВЕЖЛИВОСТЬ

ЖЕНА: — Джемс, сколько ты получил взяток с этой компании?

СЕНАТОР (возмущенно): — Мэри!!

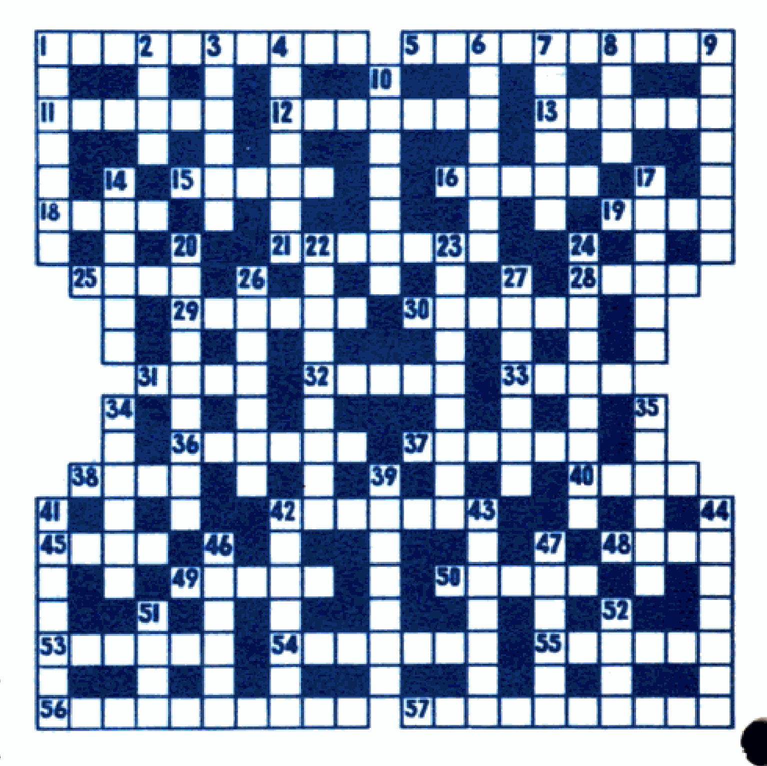
ЖЕНА: — Прости, Джемс, я не так выразилась! На сколько ты получил больше, чем другие члены вашей комиссии?

СЕНАТОР: — Вот так надо было говорить!

ОХОТНИЧИЙ РАССКАЗ — Рисунки Ю. Узбякова

1. 2. 3. 4. 5. 6.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Вступивший в ряды армии по своему желанию. 5. Преданность своей родине. 11. Советский поэт. 12. Персонаж пьесы, написанной А. Островским совместно с Н. Соловьевым. 13. Советский поэт. 15. Популярная на Востоке игра. 16. Приток Лены. 18. Кормовая трава. 19. Металл. 21. Период в росте, развитии человека. 25. Народ в Европе. 28. Представитель народа Азии. 29. Местность с природными лечебными свойствами. 30. Животное из породы грызунов. 31. Стебель некоторых кустарников. 32. Детеныш собаки. 33. Южное дерево. 36. Мягкое, эластичное вещество. 37. Мешок из шкуры животных. 38. Отверстие в стене здания для света и воздуха. 40. Основная, главная мысль. 42. Выборный представитель от коллектива. 45. Липкое вещество. 48. Здание стоянки паровозов и вагонов. 49. Персонаж пьесы Вирты «Заговор обреченных». 50. Старинная русская монета. 53. Советская писательница. 54. Насекомое. 55. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от земли. 56. Строители первой железной дороги в России. 57. Коллективный псевдоним трех советских художников.

По вертикали:

1. Персонаж пьесы Корнейчука. 2. Шерсть овцы. 3. Остров в СССР. 4. Знаменитый русский физик. 6. Военная специальность. 7. Крепость, взятая Суворовым. 8. Знак азбуки Морзе. 9. Верхушка дерева, горы. 10. Приспособление в токарном станке для укрепления резца. 14. Особенности в произношении. 17. Великий азербайджанский поэт. 20. Прибор для расщепления атомного ядра. 22. Документ с призывом. 23. Строение. 24. Автор романа «У нас уже утро». 26. Устарелое слово или оборот речи. 27. Вечнозеленый кустарник. 34. Турецкий поэт-демократ. 35. Горная цепь. 39. Член законодательного органа. 41. Музыкальная специальность. 42. Детские годы. 43. Детеныш коровы. 44. Народ в Азии. 46. Скрученные для курения листья табака. 47. Поэма Пушкина. 51. Зал в театре. 52. Народность в СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 46

По горизонтали:

1. Львов. 6. Транспортер. 9. Доблесть. 10. Культура. 12. Усьва. 13. Проба. 14. Орлов. 19. Укосина. 20. Ампер. 21. Шахта. 22. Мероприятие. 23. Панно. 24. Борин. 26. Кусково. 28. Кайма. 29. Шрифт. 31. Треть. 32. Кислород. 33. Оттепель. 35. Культиватор. 36. Ясень.

По вертикали:

1. Линотип. 2. Выпь. 3. Воркута. 4. Сталевар. 5. Критерий. 7. Соцсоревнование. 8. Преобразователь. 11. Конструкция. 15. Комбайн. 16. Рубрика. 17. Раствор. 18. Патриот. 25. Комплект. 27. Аэропорт. 29. Штольня. 30. Тетрадь. 34. Пике.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 44

ОДНОВРЕМЕННО С ЛУННОЙ ТЕНЬЮ

Нет, для этого надо продвигаться в обратном направлении. Луна движется по своей орбите с запада на восток. В этом же направлении вращается вокруг своей оси и Земля. Поэтому во время солнечного затмения тень от Луны также перемещается по земной поверхности с запада на восток.

ПЕРВЫЕ ЗАМОРОЗКИ

При быстром похолодании лужи замерзают до дна и лед становится белым, непрозрачным.

Если же холодает постепенно, то на лужах образуется легкая корка прозрачного льда.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А — 07175. Подписано к печати 14/XI 50 г. Изд. № 682. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2818. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР
Главпарфюмер
КРЕМ
КРАСНЫЙ МАК
ПРЕКРАСНО СМЯГЧАЕТ КОЖУ,
ЗАЩИЩАЕТ ЕЕ ОТ ВЛИЯНИЯ
СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧЕЙ И ОБВЕТРИВАНИЯ
А. Андреади

Цена 3 руб.